

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

www.eot.su

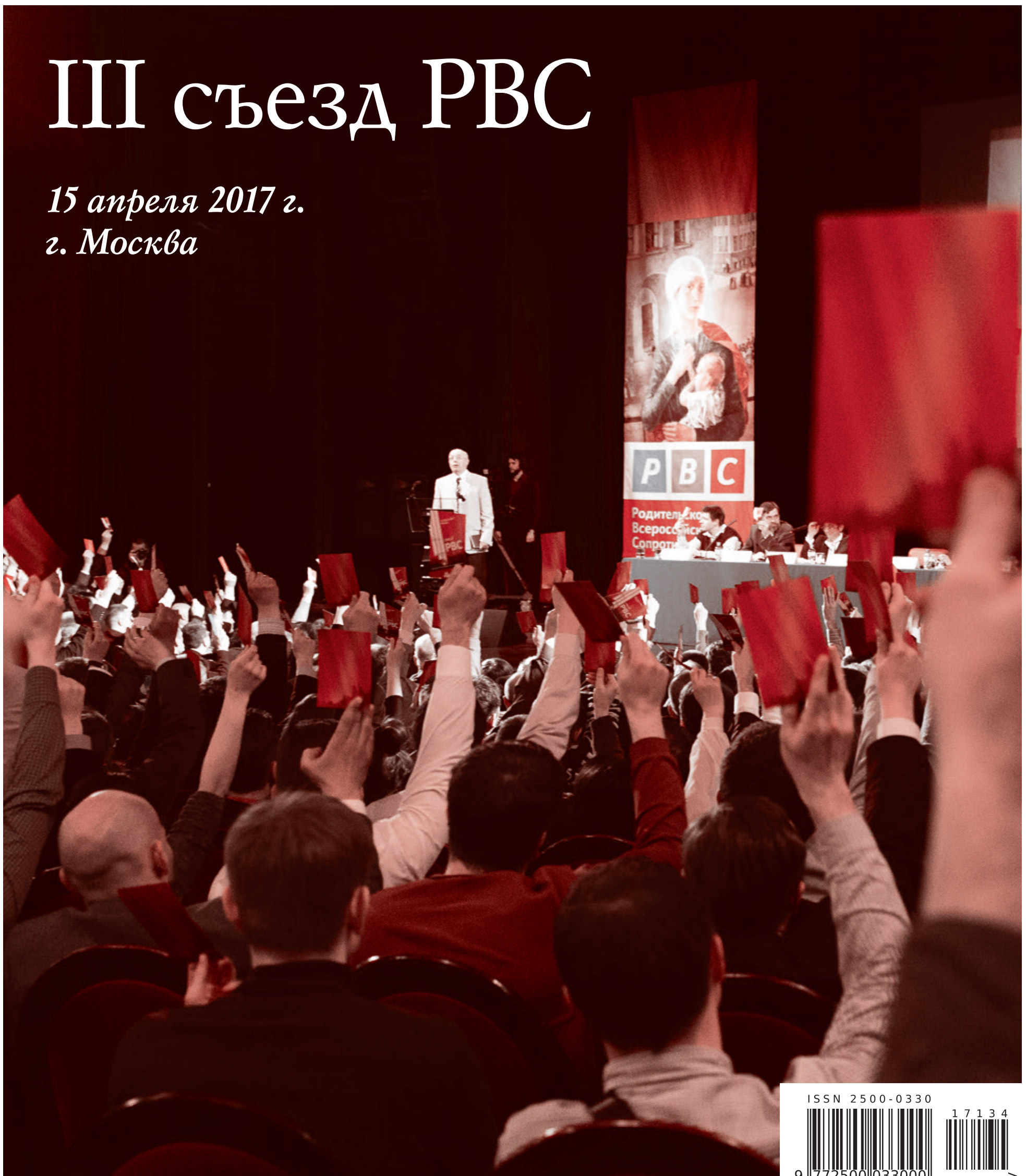
Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно
по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

19 апреля 2017 г.

№ 224-225

III съезд РВС

*15 апреля 2017 г.
г. Москва*

ISSN 2500-0330

9 772500 033000

1 7 1 3 4

>

Перезагрузка с обратным знаком

Выступление Сергея Кургиняна

Приветствую собравшихся, приехавших со всех концов России. Может быть, в конце съезда станет яснее, почему мы так форсированно собрались, хотя, наверное, для многих это и так ясно. Все видят, что вокруг происходит, и видят, что обстановка достаточно тревожная.

Мир на пороге катастрофы. Все ощутили это в момент, когда американцы нанесли ракетный удар в Сирии. Но многие, отерев пот со лба, стали вскоре говорить, что «вроде как пронесло, а значит, всё не так страшно». Интересно, верит ли кто-нибудь из говорящих это в то, что он говорит?

Но разве не сказано на высшем уровне, что отношения между США и РФ недопустимым образом деградировали в постобамовский период, то есть после Обамы?

И разве эти отношения не были ниже плинтуса еще в позднеобамовский период, то есть при Обаме?

Где же они находятся теперь? И, главное, куда они движутся? Если сейчас они в нижней точке, так называемой low point, то какой будет та точка, в которой они будут завтра, — они же не поднимаются наверх!?! Это ли не предкатастрофизм?

Если это не предкатастрофизм, то что такое предкатастрофическая ситуация?

Обострение американских силовых су-дород.

Угроза усиления экономического давления на Россию.

Стремительная и неслучайная активизация наших «майдануных» — при том, что вот-вот будут приняты решения об их форсированном финансировании Соединенными Штатами и другими государствами.

Беспрецедентная демонизация России средствами массовой информации Запада.

Новая волна антироссийских действий на нашей периферии.

Ждем еще эксцессов дополнительных, вовлечения в антироссийские действия новых союзников. Еще вчера говорили, что Эрдоган — это чуть ли не наш брат-друг, и что теперь?

Допустимо ли, чтобы в этих принципиально новых условиях прозападная часть нашей бюрократии, о которой мы говорим начиная с первого съезда, которая была названа нами «тамократией» (то есть власть тех, чьи жизненные интересы не тут, а там, на Западе), продолжала играть в свою игру по своим правилам?

Мы проводим уже III съезд РВС. На I съезде, проходившем в Колонном зале в 2013 году, устами президента страны было сказано, что ювенальное разрушение семей в России недопустимо. Но ювенальная бюрократия — она же тамократия — развернула после этого такую наступательную активность, что к концу 2016 года фактически была оформлена именно та — ювенальная, антисемейная, по своей сути система, о недопустимости которой говорил президент.

В самом конце 2016 года президент России Владимир Путин своими действиями не позволил дооформиться этой ювенальной антисемейной системе.

Но, во-первых, кто, как не власть, ее оформляла? Откуда она взялась? Как она появилась, если в 2013 году было сказано, что ее не будет, а к концу 2016-го она расцвела так, что казалось, ее невозможно остановить, и остановить ее удалось только чрезвычайными решениями главы государства?

И, во-вторых, новые антиювенальные действия президента России, откликнувшегося на протест антиювенального большинства, снова торпедируются, и мы все об этом знаем.

Так что же это за борьба такая между главой государства и тамократическим слагаемым системы, которая должна неукословно выполнять его решения? И что нужно сделать для того, чтобы это тамократическое слагаемое в условиях новой, беспрецедентно жесткой антироссийской и антипутинской политики Запада не превратилось в такого троянского коня, по сравнению с которым все Навальные окажутся лишь слабым охвостом настоящей пятой колонны?

Ответ достаточно очевиден — нужны новые мировоззренческие рельсы. Новые мировоззренческие вехи. И существенно новая система — не сама по себе, а именно как следствие смены мировоззренческих вех.

Заверяю собравшихся, что если бы не острота момента, не необходимость быстро оформлять эту смену мировоззренческих вех, съезд был бы проведен не в этот день, особый для православных людей, входящих в нашу организацию, и для на-

ших православных гостей. Но мы переживаем ситуацию, в которой и впрямь «промедление смерти подобно».

На сегодня существуют лишь три сценария развития внешне- и внутривнутриполитической ситуации. Причем два из них неприемлемы.

Первый из неприемлемых сценариев — полноценная горячая война между США и РФ, двумя самыми крупными ядерными державами. В момент нанесения ракетного удара по Сирии было ясно, что мы находимся на последней грани, что нас отделяет тончайшая полоса от такого разворота событий.

Второй, столь же неприемлемый сценарий — это капитуляция России под нарастающим давлением Запада.

Третьим и единственно приемлемым сценарием в принципиально новой обстановке, сложившейся буквально за последние недели, является (внимание!) ускоренное, решительное и корректное оформление нового типа отношений между Российской Федерацией и Западом.

Да, такие отношения вполне правомочно именовать новой холодной войной или холодной войной 2.0. Но вместо того, чтобы видеть в подобном новом мировоззренческом проявлении крайнего милитаризма, давайте разберемся по существу.

Все постсоветские годы власть говорила, что мировоззренческого противостояния между нами и Западом нет вообще. Что мы — такие же, как они, а разговоры неких антизападников о том, что мы другие, — «отрыжка коммунистического безумия».

Запад этому, во-первых, никогда не верил. Никогда не верил: «Пусть Иван два-

дцать раз говорит, что такой же, как мы, — мы не верим».

И, во-вторых, он относился к подобным утверждениям нашей власти как к признанию фундаментальной капитуляции России: «Ну уж если вы говорите, что это так, то ползком и туда, куда мы говорим».

Когда же, наконец, Запад понял, что мы отказываемся от безоговорочной капитуляции, — а он до конца это понял только после присоединения Крыма он буквально сошел с ума. По двум причинам. И потому, что воспринимал нашу «капитуляцию» как свой стратегический приз, который у него теперь захотели отнять, и потому, что перестал понимать, чем, собственно, занимаются эти странные русские, которые хотят войти в наш западный дом на каких-то своих условиях. Именно такое отношение Запада к нашему курсу привело к невиданной деградации отношений и с Соединенными Штатами и с их европейскими сателлитами.

Так не пора ли хотя бы теперь признать, что мы не являемся частью западного мира с его ювенальной юстицией, гендерными затеями и прочими выкрутасами в античеловеческом ключе?

Не пора ли строить новый стратегический курс на основе признания того, что и коммунизм, и Третий Рим — это всего лишь частные проявления нашего историко-софского и метафизического фундаментального своеобразия, которое абсолютно не противоречит своеобразию других слагаемых мировой системы?

Да, такой новый курс при сегодняшней демонизации России, наверное, породит то острое мировоззренческое противостояние, которое принято называть холодной войной.

Но, во-первых, лучше холодная война, чем горячая. И парадоксальным образом именно холодная война сдерживает горячую.

И, во-вторых, очень многие участники мирового процесса воспримут подобный возврат нас к самим себе очень позитивно. На Западе не все в восторге от того, до чего докатился этот Запад на настоящий момент, и очень многие с большой опаской относятся к тому, что с ним неминуемо произойдет завтра при сохранении тех тенденций, которые идут сейчас. Сегодня — гендер, ювеналка, завтра — что? Завтра какая степень реального расчеловечивания в пределах этой мутации?

Так неужели и сейчас, на пороге катастрофы, не будет осознана спасительность, а не губительность той холодной войны 2.0, которую многие называют конфликтом равноправных миров, обладающих разными ценностями? Мы же говорим всего лишь о равноправии, а не о своей гегемонии, как говорят некоторые.

Что ж, давайте скажем сами себе, что была не была. Глаза боятся, а руки делают.

Давайте хотя бы мы — и собравшиеся в этом зале, и те, кто прислал вас на этот съезд, — станем первой точкой активно-

III СЪЕЗД РВС

го формирования подобной гражданской, а не кремлевской перезагрузки наоборот, «перезагрузки с обратным знаком». А то нам все говорили о перезагрузке по сближению и нажимали разные кнопки, а докатились мы до грани ядерной войны. Так нужна перезагрузка наоборот. Пусть наш съезд и станет съездом такой гражданской «перезагрузки с обратным знаком», которую можно назвать идеологией холодной войны 2.0, и пусть он станет съездом размежевания с теми, кто пока что не готов переходить на стратегическую платформу подобной «антиперезагрузки», кто все еще стремится любой ценой войти в их дом, то есть туда, куда и не нужно, и невозможно входить.

Нас спросят: «А если неготовые сегодня будут готовы завтра?» Отвечаем: тогда мы и соединимся на основе этой готовности. Мы будем тактичны, терпеливы и предельно внятны одновременно.

Не снимая с повестки дня ключевую для нас установку I съезда, согласно которой мы всегда и на всех фронтах будем сражаться с тамократией и ее оранжевым двойником, заявляю на III съезде, что мы проявляем неуклонную волю к диалогу с патриотическими силами вне зависимости от того, укоренены они во власти или находятся в оппозиции, — при условии, что эти силы признают неотвратимость и спасительность перехода России на принципиально новый мировоззренческий курс, который только что тут был назван холодной войной 2.0. И что именно такое признание является сейчас новой, совершенно необходимой линией размежевания.

Кто-то, услышав о размежевании, возопит, что нас опять зовут в ленинизм: «Чтобы объединиться, надо размежеваться».

Но, во-первых, помнит ли этот кто-то, что именно действительно было сказано Лениным? Напоминаю, что сказанное им было безупречно с методологической точки зрения. Что конкретно было сказано следующее:

«Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться. Иначе наше объединение было бы лишь фикцией, прикрывающей существенный разброд и мешающей его радикальному устранению».

Далее Ленин, говоря об альтернативе такому размежеванию, говорит о неминуемом в случае его отсутствия превращении политической организации в «простой склад разнообразных воззрений». Склад разнообразных воззрений. Опять-таки — безупречный методологический образ, не правда ли? Ведь и впрямь такое склади-

рование разнообразных воззрений в пределах одной организации пригодно лишь для болтовни и совершенно непригодно для идеологического противостояния, которое теперь носит неотъемлемый, по сути, характер.

И, во-вторых, никакой прямой параллели между тем, что Ленин сказал тогда, и тем, что мы говорим сейчас, просто не может быть. Потому что Ленин тогда, исходя из требований той эпохи, настаивал на размежевании с теми, кто, по его мнению, извращал Маркса. А мы сейчас, исходя из совершенно других требований совершенно другой эпохи, говорим о раз-

межевании с силами совсем иными — прозападными, окологлаварными и эклектично полузападными.

Что же касается самой идеи размежевания в момент идеологических противостояний, то она использовалась всеми и всегда на протяжении тысячелетий, начиная с античного мира. Она каждый раз использовалась тогда, когда ребром вставал вопрос о серьезном мировоззренческом противостоянии — хоть Греции с Персией, хоть о любом другом, — когда вставал вопрос, быть нам или не быть. Мы убеждены, что сейчас вопрос встал именно таким образом.

Да укрепит вас Господь!

Обращение митрополита Красноярского и Ачинского Пантелеимона

Сергей Кургиян: Дабы подтвердить нашу верность декларируемому взаимодействию с самыми разными силами, готовыми к смене вех, и наше уважение к православному сообществу, готовому реально с нами взаимодействовать на общих стратегических позициях, я ознакомлю аудиторию с приветствием, которое прислал нашему съезду митрополит Красноярский и Ачинский Пантелеимон...

Дорогие братья, сестры, соотечественники!
Дни, когда весь христианский мир погружен в воспоминания, сопереживания страданиям Спасителя мира Иисуса Христа — накануне Страстная седмица, — призывают нас практически вступить внутренними своими силами нравственности, души своей, сердца в ту эпоху, которая неразрывно связана с нашей, эпоху страданий Христа, его подвига за чистоту человеческой жизни, за победу всех жизненных сил.

И, конечно, об этом невозможно думать, невозможно говорить о нравственности, чистоте — без будущего, а будущее — это поколения рожденные, еще не рожденные, рождающиеся.

Во все времена детство, ребенок были рубиконом в отделении добра и зла, и зло, самое беспощадное, уничтожало этот рубикон, а добро всегда возлагало надежды,

и они оправдывались в поколениях торжества доброты, истины и правды.

На сегодняшний день мы живем в такое время, когда стираются очень быстро, в мгновение ока, тысячелетние сложившиеся границы между моралью и антиморалью, нравственностью и антинравственностью.

И самое страшное, что, по словам апостола, люди с сожженной совестью увлекают непорочные души. А Господь сказал ведь, что кто обманет малых сих, лучше бы не родиться, а мельничный жернов на шею ему, и утопиться бы в пучинах морских. Так категорично и так образно Господь высказался, оценивая святость детства, детской души, а значит, святости вообще всего человечества и человека на земле.

И на сегодняшний день вы собрались, чтобы дать оценку всему тому, что грозит стиранию этих граней и уничтожению непорочности детства.

Да укрепит вас Господь, даст вам всем мудрость, единство мнений, душ, желаний и мужества стоять на рубеже между добром и злом — тем, чем вы можете, и теми, кто взял на себя такую ответственность и мужество.

Божьей вам помощи и пусть грядущее Воскресение вдохновит всё наше общество на борьбу за детство, за мир, за солнце. Помогай вам Господь!

III СЪЕЗД РВС

Волк в овечьей шкуре — всё равно волк

Выступление Елены Мизулиной

Мария Мамиконян: Я бы попросила выйти Елену Борисовну Мизулину, члена Совета Федерации, человека, который очень много делает и сделал уже для исправления тех безобразных дел, которые были наворочены в предыдущие годы...

Уважаемая Мария Рачиевна, уважаемый Сергей Ервандович, уважаемые участники сегодняшнего съезда, я благодарю за возможность быть сегодня здесь, с вами.

Я искренне, от всей души сердечно благодарю вас за поддержку. Потому что всё, что нам удалось сделать в последнее время, и всё, что нам еще предстоит сделать, мы сделали только вместе. Мы вместе остановили «закон о шлепках». Мы вместе остановили «закон о контингенте». Мы подняли антиювенальные знамена. И сегодня не просто идет обсуждение того, что произошло в сфере семейных отношений с созданием механизма ювенальной юстиции, но сегодня есть поручение президента относительно того, чтобы правительство подготовило отчет — кого и как они изымают из семей? Что происходит с этими детьми? И на каком основании происходят эти изъятия?

Однако правильно здесь звучит тревога, озабоченность. Потому что на самом деле, готовя альтернативные документы и доклад относительно того, есть в России ювенальная юстиция или нет, мы с сожалением должны признать: есть.

Механизм ювенальной юстиции создан, правда, он так не называется. Он рядится в другие одежды: профилактики социального сиротства, семейного неблагополучия, профилактики детской безнадзорности. Но волк в овечьей шкуре всё равно остается волком. Потому что суть ювенальной юстиции — это изъятие ребенка из кровной семьи и помещение в замещающие суррогатные институты, которые могут (и всегда стремятся, если их не остановить) паразитировать на человеческих бедах, семейных бедах и проблемах.

Мало того, перед нами много новых вызовов в этой сфере.

Во-первых, вчера состоялась специальная комиссия в Государственной думе. Первое заседание по отклоненному «закону о контингенте». До 14 мая мы должны сформулировать предложение, нам дана такая возможность. Я заявила, что мы будем обсуждать и будем формулировать свои предложения в новую редакцию этого закона, подготовленную в Министерстве образования. Я полагаю, что мы должны организовать очень серьезное, содержательное обсуждение по каждому положению нового закона. Да, там с рядом моментов согласились, но очень много вопросов к этому закону. И наше обсуждение, наши предложения должны быть очень убедительными, если мы будем настаивать на полной отмене и неприятии этого закона. Так, чтобы это было очевидно родителям, потому что часть из них, к сожалению, ввели в заблуждение, и они полагают, что есть и польза от этого закона.

Еще один очень серьезный вызов — это психологизация школ. Мы выступили все вместе против этой процедуры. Это опять деньги, бюджетные деньги: психолога в каждой школе. Что такое психолог? Это специалист, владеющий психологическими методами воздействия, в том числе и манипулятивными. То есть это фактически способность обрабатывать человеческие души. А детские? Разве их нельзя обрабатывать? Да еще как! Особенно умеющим людям. И что будет происходить дальше? Разве это не вписывается в ювенальную идеологию?

А беби-боксы? Новая инициатива в Государственной думе — пусть регионы решают, устанавливать беби-боксы или нет. Удивителен цинизм тех, кто это продвигает. наших губернаторов хотят превратить в злодеев. На Руси это всегда называлось «злодей-душегуб». А как еще назвать тех губернаторов, которые согласятся на то, чтобы вместо выполнения обязанностей оказания помощи семьям при рождении и воспитании детей будут фактически губить душу матери, ставя ее перед нравственным выбором: отказаться от ребенка или его воспитывать? И душу ребенка, потому что беби-бокс — это современный способ формирования анонимного рынка детей — давайте вещи называть своими именами. Это, прежде всего, — суть и природа беби-боксов. Нас толкают к безнравственному выбору, действительно к тому, чтобы вся Россия продала душу дьяволу.

Почему нам удалось за небольшой период времени остановить вопиющие законы? Почему президент услышал наш голос? — ведь мы фактически пробилась сквозь толщу бюрократического безразличия или просто проювенального мышления. Потому что президент — наш единомышленник безусловно, и мы об этом знаем.

Но мы не можем каждый раз обращаться к нему по каждому поводу, а мы видим, что наступление идет со всех сторон. И это очень здорово, что родительские организации, активисты сегодня выявля-

ют все опасности, которые нам сегодня навязывают.

Во-первых, потому что мы не ждем — мы действуем. И это правильно.

Во-вторых, мы действуем совместно. Как уже говорил Сергей Ервандович, сегодня объединились родительские организации патриотической, религиозной направленности. Организации правозащитные, которые защищают семьи и родителей. И мы действуем совместно.

В-третьих, с нами президент. Нам удалось, как я сказала, пробиться сквозь толщу чиновников. Удалось потому, что нас много. Нас много больше, чем тех, кто против семьи, против родителей.

Мы — искренние, это — четвертая наша сила. Мы идейно убеждены, что в нас нуждается Родина, наша Россия.

В-пятых, мы делаем то, что должно, и мы верим, что мы делаем это правильно.

В-шестых, мы едины. Но разве в основе нашего единства — карьера, лесть, стяжательство, попытка устроить свою судьбу? Нет! Сила нашего единства в том, что мы все опираемся на наши традиционные нравственные ценности, такие как вера в силу семьи, любовь к родине, искренность помыслов, бескорыстие, умение сострадать. РВС доказывает это каждый день. Я восхищаюсь вами!

Мы не отдадим Россию на растерзание ювеналам. Для них она — «эта страна». А для нас она — наша, единственная, и другой у нас нет. Но ювенальное мышление выстраивается именно так и пытается так выстроить нашу Россию: что можно заменить кровную семью, — это в их логике — можно заменить и Родину.

Мы нашу Родину не заменим ничем, мы ее сохраним сильной, восстановим такой, какой она была на протяжении многих веков: сильной, самостоятельной, самодостаточной, многоконфессиональной, многонациональной, красивой, нравственной. И такой передадим ее нашим потомкам.

Спасибо! Я желаю удачи съезду.

Нам стараются подменить страну

Выступление Петра Толстого

Мария Мамиконян: Слово предоставляется вице-спикеру Государственной думы Петру Олеговичу Толстому...

Я хочу поделиться несколькими мыслями и очень рад, что сегодняшняя аудитория состоит из людей неравнодушных и действительно положивших на алтарь служения своей стране и свои силы, и свое время. И, конечно, очень приятно, что здесь, в этом зале, находятся действительно представители большинства регионов нашей огромной страны. Потому что тот разговор, который сегодня здесь ведут участники этого съезда, жизненно важен для нашей страны. Я лично в этом уверен и согласен с Сергеем Ервандовичем, когда он говорит о том, что промедление смерти подобно.

Мы отстаиваем не просто права своих детей, мы отстаиваем не просто традиционные ценности. Вот только что Елена Борисовна говорила о том, что нам стараются подменить семью. Нам стараются подме-

нить семью, нам стараются подменить ценности и нам стараются, в конечном итоге, подменить страну. Вот в чем проблема. И вот с чем предстоит иметь дело для того, чтобы перейти на новое мировоззрение. Будет ли это холодная война или не холодная война, я не знаю.

Я, кстати, поздравляю всех с Великой субботой. Действительно, это особый для православных день. И в этот день, может быть, какие-то решения, которые будут сегодня здесь приняты накануне самого большого, самого важного для нас праздника, они действительно будут прорывом через смерть — к жизни. Потому что сегодня, к сожалению, ситуация очень тяжелая.

Она тяжела тем, что мы как страна, как общество не можем до конца сориентироваться, мы не можем предложить нашим детям, будущим поколениям модель будущего. И вот это — очень существенная проблема. И это вызывает недоверие, недоверие к власти, это вызывает раздражение, раздражение людей тем, что они терпят

экономические трудности, переживая сегодня экономический кризис вместе со всей страной — ради чего? Им не объясняют.

Какое общество строится сегодня в России? На этот вопрос до конца никто ответить не может. И вот именно поэтому сегодняшний съезд, ваша работа — так важны. Мы должны вместе найти ответы на эти вопросы. Потому что когда сегодняшних чиновников от образования, двадцать лет проводивших псевдореформы образования и понизивших качество русского традиционного образования, практически разрушивших его, когда их спрашивают о том, а какими должны быть дети, оканчивающие школу, — это люди, которые будут строить великую Россию, они, знаете, что отвечают? Они говорят: «Современными». Это что за ответ? Это что означает, что они должны будут уметь пользоваться гаджетами? А на основании чего они должны делать свой нравственный выбор? На основании каких ценностей? На основании каких представлений о добре и зле?

III СЪЕЗД РВС

Да, для них готовят как раз вот эти беби-боксы. Это образ, который, на самом деле, вбирает в себя часть нынешних проблем России — и в образовании, и в экономике, и в нашей повседневной жизни. Мы все оказались перед лицом того, что вот это вот наступление чужих и чуждых нашей истории ценностей, оно обезличено и неотвратимо. Мы видим перед собой стройные ряды наших замечательных бюрократов, которые все вышли из одной либеральной школы и которые как мантры повторяют одни и те же заклинания, приведшие уже нашу страну к сегодняшнему состоянию.

Невозможно для великой страны жить чужими ценностями. Мы не папуасы, чтобы нам в обмен на нефть и газ сгружали стеклянные бусы под названием «западные ценности». Сюда входят и ювенальная юстиция, и определение родителей как «родитель 1» и «родитель 2», «мама-мама», «папа-папа», всё то, о чем сегодня, я уверен, будет говорить, в том числе, в этой большой аудитории.

Конечно, хотелось бы еще сказать, что наши социальные службы, наши социальные органы, они все-таки созданы для того, чтобы нести благородную миссию. И, действительно, сотни тысяч людей сегодня помогают неимущим одиноким старикам, и за это им огромное спасибо. Но они не должны забывать о том, что есть определенная граница их полномочий. Их вмешательство в дела семьи недопустимо. И мы будем делать всё, чтобы максимально регламентировать эту ситуацию, чтобы не было того самого отбора детей, о котором говорилось здесь, с этой трибуны. Для этого нужно принимать новые законы. И я вам хочу сказать от лица моих коллег в Государственной думе: мы все — тоже родители, у нас тоже есть дети, и мы так же, как и вы, заинтересованы в том, чтобы у России было свое собственное суверенное и великое будущее. И мы будем вместе работать над этим.

Спасибо!

Не угашайте своих усилий!

Выступление Ирины Медведевой

Мария Мамиконян: Приглашаю Ирину Яковлевну Медведеву, всем вам хорошо известную, — человека огромной души, ведущую огромную миссионерскую работу в течение многих лет, впервые заговорившую о ювенальной юстиции еще в 90-е годы, когда о ней никто здесь не слыхивал...

Многоуважаемый президиум, дорогие делегаты съезда, дорогие ребята, здравствуйте!

Я как раз принадлежу к тем, кому довольно сложно сегодня было решиться прийти сюда. Но я успела на Литургию Великой субботы. Но когда я размышляла о том, прийти или не прийти, я, во-первых, подумала, что вот если бы была по громкоговорителю голосом Левитана объявлена война, я бы пошла на призывной пункт в Великую субботу? Конечно! Ну вот сейчас примерно такая ситуация.

Но еще я вспомнила, когда решила этот вопрос, слова великого русского святого XIX века, святителя Филарета Московского. Его называли русским Златоустом. И он действительно излагал, изрекал, вернее, такие афоризмы, которые могут сравниться с афоризмами великого Иоанна Златоуста. И вот что он сказал. Он сказал: «Кто не заботится о своем земном Отечестве, неблагонадежен для Отечества небесного».

И вот когда я это вспомнила, то я окончательно решила, что надо прийти. Не говоря уж о том, что Мария Рачиевна и Сергей Ервандович — мои друзья давние, поэтому я просто не могу еще им отказать.

Вы, наверное, понимаете, все сидящие здесь, что предстоит и уже ведется нашими, какими ни есть, но все-таки силами — война с фашизмом. Хочу вам сказать, что сегодняшняя форма фашизма, несмотря на то, что пока нет газовых камер и других явных зверств, она в чем-то страшнее и серьезнее, я бы сказала, потому что был расовый фашизм, мальтузианство — это со-

циальный фашизм. А вот сегодня фашизм борется с человеком вообще. То, что ювенальная юстиция отнимает [детей] у бедных... я вас уверяю, что это промежуточный этап этого античеловеческого фашизма в буквальном уже смысле слова. Мы привыкли называть фашизм античеловеческим, и это так. Но он в буквальном смысле слова уже против человека как такового. Идет бешеное, в буквальном опять же смысле слова, строительство антижизни.

И вот сегодня говорилось уже о традиционных наших ценностях. Это всё так, но я хочу сказать, что вот этот фашизм сегодняшний, он попирает общечеловеческие ценности. Подумайте, что такое кровная связь, что такое связь родителей и детей, которую разрывает насильно ювенальная юстиция? Это самые сильные связи в мире. В них даже есть что-то мистическое, в этих связях, потому что когда люди уходят от своих родителей (иногда уходят, хлопнув дверью), они всё равно в глубине души чув-

ствуют, что эта связь нерасторжима. Даже когда им очень хочется ее расторгнуть, она нерасторжима. И вот именно эту нерасторжимую связь хотят разорвать искусственно.

И поскольку идет война с человеком, с образом Божиим в человеке, мне кажется — что самое главное в борьбе с этим? Надо усилить в себе человеческие свойства. Человеческое!

Еще хочу вам сказать, что на Литургии Великой субботы, примерно в середине этой Литургии, происходит так называемое переодевание храма. Храм весь погружен в черное. И все платы в храме, все ризы священнические и ризы сослужащих ему — черные. А потом, когда мы узнаем на этой Литургии, что мироносицы, еле-еле дотерпев до конца субботы, потому что суббота — это день покоя, пришли ко гробу, чтобы помазать тело умершего Господа миром (это такой состав, из множества трав сваренный), они узнали от ангела, который сидел на гробе, что Господь воскрес, и увидели погребальные пелены и больше ничего. И поэтому Великая суббота, она завершается радостью. Пока только избранные — маленькое-маленькое число Его друзей, Его близких, верных, они знают, что Господь воскрес. Но поскольку я только что пришла, вот только-только с Литургии Великой субботы, я считаю, что и в зале собрались верные. Правда? Во всяком случае, верные своему Отечеству, своему долгу и правде. Я хочу вам сказать — то, что сегодня будет возглашено ночью громко, по всему миру: «Христос воскрес», — я пока тихо вам скажу, но скажу.

И еще я сейчас вспомнила другие слова Филарета Московского. Тоже чудные и относящиеся к нашей теме и грядущей Пасхе. Он сказал так: «Пусть клеветуют на истину, пусть поругают любовь, пусть убивают жизнь — истина оправдается, любовь победит, жизнь воскреснет». Только не угашайте своих усилий, ребята.

Спасибо!

За нами должна стоять вся наша страна

Выступление Элины Жгутовой

Мария Мамиконян: Элина Юрьевна Жгутова, руководитель правозащитного центра и информационного агентства Иван-чай...

Добрый день, дорогие друзья, дорогие Сергей Ервандович, Мария Рачиевна, весь президиум и мои друзья здесь, в зале!

Ближайшей моей заслугой был вопрос президенту, все об этом знают — на пресс-конференции. И когда я, можно сказать, в таком полубоморочном состоянии задавала этот вопрос, я говорила о том, что «товарищ президент, у меня за спиной стоят родители. Они собрали двести тринадцать тысяч подписей, и они хотят встречи с вами». Ну, у меня еще много чего было сказать внутри — о том, что страна наша на ручном управлении, и то, что все равно президент не решает все вопросы в этой стране, но он единственная действительно надежда наша.

И я, конечно, имела в виду прежде всего вас — этот зал. Но я хочу, чтобы и у нас с вами за спиной стояла вся наша страна, а вот за теми нашими «партнерами» стояла маленькая кучка предателей. И тогда... ну тогда будет «город-сад».

Я хочу сказать, что, безусловно, это хорошо, что мы достучались до президента. «Мы», я имею в виду, знаете, как в той нашей русской народной сказке: дед бил-бил, бабка била-била, внучка там что-то делала, потом мышка пробежала, хвостиком махнула — это я на пресс-конференции — и яйцо упало. На этом сказка заканчивается, а у нас-то всё только началось. То есть это яйцо разбито, что-то со всем этим надо делать, а продолжения нет.

Так я хочу сказать, что президент — дело хорошее, но есть кое-кто и повыше. И мы должны опираться на... сегодня президент один, завтра — другой, слава богу, что есть этот. Но мы должны опираться на нечто более высокое, на более высокие смыслы, на более высокие цели, на Господа Бога — для верующих я говорю. И тогда, когда Господь с нами, когда есть что-то более высокое и объединяющее людей, а оно есть, потому что душа каждого человека — христианская, и в каждом человеке есть образ Божий. Вот тогда, когда мы будем опираться на это высокое, тогда мы победим обязательно.

Спасибо!

III СЪЕЗД РВС

Доклад Съезду

Выступление Марии Мамиконян

Мы закончили вступительную часть приветствий. И переходим к собственно работе нашего третьего съезда «Родительского Всероссийского Сопротивления»...

Я приветствую всех членов РВС, всех гостей нашего съезда. Очень рада и очень впечатлена тем, что люди приехали в таком огромном числе из регионов подчас очень дальних, с Дальнего Востока, из Сибири, с Урала, с Юга, с Севера. Это говорит о том, что мы — живая, дружно работающая организация. И если мы можем за какие-то полторы недели собраться на съезд, подготовить его, все в этом принимали большое активное участие — и те, кто в Москве готовили организационно (это большая работа), и те, кто готовили содержательную часть сегодняшних выступлений, и те, кто помогали... У нас вообще-то в организации есть удивительное, совершенно уже такое выработанное свойство: когда происходят какие-то конференции, съезды, что-то большое и значимое для нас, очень часто даже сами доклады готовит не только докладчик, а еще масса людей, которые помогают, связываясь друг с другом, довести содержание до нужной кондиции. То есть это большая коллективная работа. И огромное спасибо всем, не только тем, кто здесь, но и тем, кто сейчас не смог приехать и, наверное, смотрит трансляцию, поскольку она сегодня организована.

Я хочу сразу сказать, что у нас немножечко необычный сегодня съезд. Это фактически два съезда в одном. Очередной, отчетно-перевыборный съезд РВС и чрезвычайный съезд, связанный со ставшей неожиданно очень острой политической ситуацией. Ситуацией, к тому же вовлекающей в свой водоворот детей. Мы хотели провести съезд РВС летом, непосредственно перед Летней школой, чтобы люди из дальних регионов не ехали в Москву специально — это довольно затруднительно финансово, по времени и всяко. Это было бы менее затратно, всем более удобно. Спокойный, интересный отчет и перевыборы, которые должны по Уставу проводиться раз в 5 лет.

Скажу честно — отчитываться о работе организации, когда эта работа есть, когда ее много и разворачивается она успешно, очень приятно. РВС есть о чем рассказать. У нас ведется огромная работа. Во всех регионах. И сделать съезд, который был бы вот именно отчетным, очень бы хотелось. Но из-за того, что сегодня ситуация нас позвала на некий чрезвычайный съезд, мы вот эту часть, связанную с отчетом, максимально сократим. Фактически мы свели ее к демонстрации каких-то материалов, которые сейчас выставлены в фойе на стендах, которые рассказывают тем, кто здесь гости съезда, и, может быть, не знают всей истории нашего движения, нашей работы, о том, что мы делаем. А те, кто всё это делает и делал, могут вспомнить наше четырехлетие активной работы. Я надеюсь, что во время обеденного перерыва все смогут посмотреть на те, в изобразительном виде, представленные проекты, которыми мы занимались и занимаемся.

Это и проект «Шаги истории», и «Дети России — Детям Донбасса», и «Песни Великой Отечественной»... и многое другое, включая большие, очень помогающие выра-

ботать линию РВС соцпросы АКЦИО. Там выставлено то, что мы делаем в школах, для школ, для детей, чтобы шло воспитание — патриотическое воспитание, осмысленное воспитание детей. Чтобы они понимали нашу историю и культуру, знали ее, любили, приучались читать, потому что это как раз то, на чем может строиться дальнейшее становление личности. И это то, что позволит в результате получить поколение, которое не будет потерянным, которое не будет скакать на майданах, которое будет относиться спокойно и уверенно к жизни своей страны, понимая ее не всегда простое прошлое и чувствуя, что от них зависит то, каким будет будущее. Вот эта, на самом деле очень немаленькая, крайне важная работа на позитив, которую мы ведем, сейчас у нас не будет обсуждаться подробно, потому что мы анонсировали этот съезд как наш ответ Президенту на тот вопрос, который он задал официальным инстанциям по поводу ювенальной юстиции в России.

Кроме этих приятных, невероятно полезных дел, которые мы делаем по стране с детьми, школьниками, молодежью, — мы же занимаемся и помощью семьям. И мы все время, четыре года, пятый год, сталкиваемся с тем несчастьем, которое обрушивается на огромное число наших соотечественников, прежде всего, на слои малозащищенные или совсем незащищенные, но постепенно начинает затрагивать все более широкий круг людей. Вот этот вопрос о ювенальной юстиции был задан президенту, и на него должны были ответить три официальные инстанции — это, как вы знаете, уполномоченный по правам ребенка, Общественная палата и Министерство труда и соцзащиты. Вот после того, как Элина Жгутова обратила внимание президента на то, что ювенальная юстиция на самом деле в стране есть, и народ находится уже в крайнем негодовании по этому поводу, было дано такое поручение. Мы, когда собирали подписи и собрали их двести тринадцать тысяч — в жару, в дождь, в холод, с лета до середины зимы это все происходило, как вы знаете, — мы собирали подписи под тремя требованиями: отменить «закон о шлепках», поставить заслон ювенальным технологиям и встретиться президенту с родительской общественностью, чтобы обсудить нетерпимое положение дел.

«Закон о шлепках» к моменту, когда перед президентом был поставлен этот вопрос, уже исправляла Госдума, поняв, что он антиконституционен, а вот вопрос о ювенальных технологиях не имел никакого освещения. Так же, как и не имел его в течение вот этих четырех лет после 2012-го, когда были убраны, отклонены два ювенальных закона, но процесс продолжал идти тихой сапой как-то под поверхностью и принял уже к 2016 году абсолютно зловещие черты. И так, ведомства, к которым обратился Путин, эти самые три актора в процессе, которые должны были ответить (видимо, уполномоченный — как бы со стороны ребенка, Общественная палата — со стороны родителей, а Минсоцтруда — от социального ведомства), вот эти инстанции поручения... ну мы не знаем, выполнили они или нет. Об этом ничего не было сказано, ни публично, никак. На самом деле мы, конечно, понимаем, что там просто ничего не было сделано, потому что все они не в курсе происходящего, не вели мониторинг, не анализировали, что происходит. Да и вообще-то не в их интересах было этот мониторинг вести и анализировать. Потому что всегда можно сослаться на надзорные органы, которые во всех случаях или почти во всех случаях сказали, что всё было в порядке и законно сделано с семьей. И, в общем-то, всё будет продолжать катиться по тем же рельсам.

Сейчас ответ на этот вопрос оставлен до июля, а мы, видя такую ситуацию, сказали, что РВС подготовит свой доклад, альтернативный доклад на основе тех материалов, которые накопились у нас за четыре года. Это наша база. Наши материалы по практической работе с семьями в разных регионах, и эти материалы ценны именно тем, что каждый случай, который там отражен, он отхожен ногами, прощупан руками, обдуман головой. Это не чьи-то упоминания в прессе, про которые, наверное, можно сказать, что они недостоверны и так далее. Мы очень внимательно относимся ко всем звонкам на горячую линию, всегда проверяем: наша ли это тематика и насколько все это достоверно.

Так вот, мы стали готовить свой доклад президенту по вопросу его поручения. И, ведя эту базу, мы можем, посмотрев на нее, сказать, что это — база беззаконий

по отношению к семье. И эти беззакония, безусловно, ювенальные. Именно ювенальные. Таких случаев, которые мы собрали, по которым работали и работаем и которые сейчас проанализировали, на данный момент — более полутысячи. Еще раз подчеркиваю, что за достоверность сведений отвечаем, ручаемся. В частности, у нас есть по ряду случаев документальные съемки. И я предлагаю для начала, чтобы был понятен тот стержень проблемы, вокруг которого крутится наша работа, посмотреть кое-что из этих документальных съемок. Прошу включить ролик, она называется «О чем не расскажут президенту». [Демонстрируется ролик об отобраниях детей.]

Наше название не нравится. Сопротивления — не должно быть. Сопротивление фашизму — это, оказывается, экстремизм и почти что терроризм, имейте в виду, дорогие соратники. А вот это, то, что заснято... ну, мне кажется, это без комментариев, поэтому вернемся к нашей базе.

Обычно обществом, когда ему показывают отдельные кошмарные случаи отобрания детей, в ответ высказываются разного рода возражения. Что это всё не проявления системы, а неправильное поведение отдельных служащих. Что эта семья все равно была неблагополучная и это всё оправдывает. Или предлагают довериться официальной правовой оценке случая надзорными органами, хотя всем понятно, что надежность такой оценки, мягко говоря, проблематична. Но, так или иначе, президент просил проанализировать практику отобрания детей не только с точки зрения неправомерного вмешательства в семью, т.е. со стороны формально законной, но и с точки зрения избыточности принимаемых мер. Это позволяет и даже обязывает рассмотреть более широкий круг вопросов, связанных с отобранием детей, в том числе сами нормы закона. А также те внушаемые новые «нормы», в кавычках, поведения по отношению к семье, которые приводят к быстрым изменениям в психологии правоприменителей, делают их нечувствительными к скверне, в которой они участвуют, и стремительно наращивают всю эту порочную практику.

Для того чтобы разобраться в происходящем, мы выбрали, как нам кажется, единственно верный подход. В основу первой части доклада президенту, который состоит в изложении той практики отобрания детей, с которой мы непосредственно столкнулись, мы кладем не случаи отобрания, а связанные с отобранием детей явления современной жизни, явления, которые через эти случаи обнаруживаются. Задачу анализа практики мы видим в том, чтобы из случаев, которые были у нас в работе, сначала выделить сами эти явления, а потом делать выводы об их причинах, мотивах действующих лиц, стоящих за ними интересах, способов организации такой практики и о мерах по ее искоренению.

Все эти выводы представляются в соответствующих разделах готовящегося доклада президенту. Он будет закончен в мае и к июню представлен, т.е. тогда, когда, собственно, и ждем доклада от официальных структур. При этом наличие самого явления подтверждается тем, что мы имеем массу однотипных свидетельств из раз-

III СЪЕЗД РВС

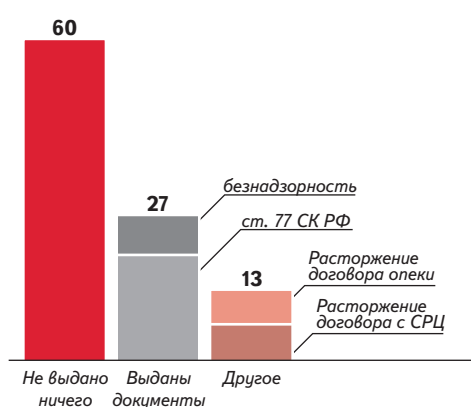
ных мест. И истории, которые мы прилагаем к исследованию, достоверно это иллюстрируют.

Вот, кстати, наша статистика отобранных и угроз отобрания по регионам за 2013–2016 годы.

Обращения в РВС

Документы, «выданные» семьям при изыятии детей. Процент от общего числа обращений по изыятиям

Здесь видно, что в разных регионах ситуация несколько разнится, вот красное — это отобрание, синее — это угроза отобрания. И видно, что в каких-то регионах сразу переходят к делу, без угроз. А в каких-то это несколько иначе строится. Но все равно почти повсеместно происходит... вот одна и та же идет практика.

Как происходит отобрание? Чаще всего детей забирают из дома. Как правило, не предъявляется постановление об отобрании. И поразительным образом составляется, обычно задним числом, акт о «беспризорности или безнадзорности», что, в общем-то, довольно абсурдно, когда речь идет о домашнем ребенке, а не о том, кого нашли в канализационном колодце. То есть выдирают ребенка буквально из рук матери, вы это видели только что, но фиксируют его якобы беспризорное состояние. Нередко отобрание детей, совершаемое без постановления, происходит с применением силы, а порой с вопиющим насилием над разлучаемыми детьми и родителями. Только что вы видели тоже, как это может происходить. Растерянным и напуганным родителям часто дают на подпись документы, содержание которых они не могут вспомнить, или пустые бланки.

Вот это — наша статистика по тому, как оформляются эти отобрания. Есть документы — нет документов. Ничего не выдано. Вот чаще всего — ничего не выдано, как вы видите. Забирание из школы или из детского сада — это тоже уже теперь распространённое, увя, явление. Из медучреждений можно, из больниц. Отличается это еще тем, что родителям, как правило, о факте отобрания не сообщают. Родители узнают, что ребенок увезен бригадой межведомственного взаимодействия, лишь когда сами приходят за ним в учреждение. Поводом для отобрания могут быть синяки и ссадины, которые не квалифицируются как ущерб здоровью и происхождение которых априори приписывают родителям. Забрав ребенка без разбирательства, его потом могут долго уговаривать оговорить родителей. Это мы сейчас тоже видели. В одном из видеофрагментов — да, вот это была очень яркая история, тульская, про Сашу Табачную — девочка рассказывает, как это делается. Случай этот — не единственный. Вот, пожалуйста, здесь — вот это кусочек из нашей базы, один из многих. Ну вот это тульский, а рядом — пермский случай: подговорили службы двоих старших детей... а вон — Амурская область... Вы понимаете, это — повсеместное явление-то. Распространено отобрание просто за то, что ребенок находился «без законных представителей», то есть находился с другим взрослым, родственником или знакомым. Служащие высказывают абсурдное, но уже окрепшее в них убеждение — и здесь очень важно, что уже окрепшее, закрепившееся, — что ребенок должен всегда находиться с законным представителем. Бабушка ему «никто», ребенок в этом случае якобы безнадзорен.

Во что превращается уже и во что превратится наша жизнь, если следовать дальше вот этой логике? А ведь ей уже всю следуют. Во всяком случае, когда идет разбирательство, вплоть до судебного, это на полном серьезе обсуждается. Потому что ведь сказано, что законный представитель — это мама и папа. Вот и, например, этого мальчика трехмесячного, Родиона Тонких, оставила мама, уйдя за старшей девочкой в детсад на час, оставила с крестной. Забрали за безнадзорность, от крестной, а также за то, что в доме было нестиранное белье — в эти несколько дней не подавали воду в их поселке — а в холодильнике была каша, про которую было сказано, что «каша — это не еда». Видите — целый набор преступлений в одной семье! Как же не забрать! Отбирают по причине социально

опасного положения. Которым называют самый разный комплекс претензий. Недостаточность еды, каша — не еда... причем это «каша — не еда» зафиксировано в разных регионах. Это может быть в Краснодарском крае, это может быть где-нибудь под Иркутском — неважно, вот кто-то пустил этот слух, что каша — не еда. И они ему следуют. Плохие материально-бытовые условия приводят не к предложению помочь, что было бы естественно, а к претензии на отобрание детей. Если мать лежит в доме больная, то опека позволяет себе забрать из дома детей или ультимативно потребовать положить ее в больницу.

Среди причин неблагополучия, которые отмечаются в актах, встречается простое употребление алкоголя, как будто оно у нас запрещено. При этом речь не о хроническом алкоголизме, а о таких обстоятельствах, как «выпивала при ребенке», «была в состоянии опьянения», скажем, после поминока, голословные обвинения в злоупотреблении спиртным сплошь и рядом сопровождаются настойчивым советом закодироваться. Когда же перепуганная, затерроризованная мать или бабушка, ни в коей мере не являющаяся алкоголезависимой, делает это, появляется компрометирующая ее запись в деле и довод для отнятия ребенка, для лишения прав.

Мы сталкиваемся с претензиями госучреждений, которые становятся основанием для вмешательства опеки в жизнь семьи. Скажем, отказ от государственных услуг, тогда как мать, например, пользуется частными — лечит у частного врача ребенка. Но — можно сказать, что она уклоняется от родительских обязанностей!

После отобрания детей что происходит? Со стороны КДН (комиссия по делам несовершеннолетних — прим. ред.) и прочих органов фиксируются многочисленные случаи давления и запугивания родителей. Родителям часто не сообщают, куда помещают или переводят детей. Родственникам часто отказывают в оформлении опеки над кровно близкими им детьми, нарушая принцип приоритетности родственной опеки. Или пытаются отговорить родственников от установления опеки. Часто встречающееся явление — это отказ в свиданиях с отобранными детьми или перемещении детей на большое расстояние

от дома, на десятки и сотни километров, чтобы родители не могли их навещать. Детей при перемещении обманывают, не говоря о том, куда и зачем везут. Здоровые маленькие дети после отобрания помещаются в больницы, как правило, в инфекционные отделения. Матери отказываются в законном праве лечь в больницу вместе с ребенком.

Собранные нами факты подтверждают, что условия содержания отобранных детей в приюте или больнице часто оказываются хуже, чем в семье, из которой их изъяли. Далее создаются препятствия для возвращения ребенка. Независимо от того, помещен ли он в организацию добровольно, по уважительной причине (например, болезнь родителей) или после отобрания, возвращать детей не торопятся — чинят препятствия. От родителей требуют собрать и представить дополнительные справки и документы, как если бы он был не родителем, а претендентом на опеку. Могут потребовать постановку грудного еще младенца на очередь в детсад.

Это нередкий, кстати, случай. Как раз от семьи трехмесячного Родиона Тонких потребовали собрать срочно справки о работе отца, еще ряд справок и поставить на очередь в детский сад. Ему три месяца, но его надо было поставить на очередь в детсад, а без этого не шел разговор об отдаче. Так вот, когда через пять дней мать, собрав все эти справки, пришла в больницу, ее встретили известием, что мальчик ночью умер. У него черепно-мозговая травма «от соприкосновения с тупым предметом».

Дальше, сколько мы ни бились по этому поводу, но мы добились только того, чтобы дело было не закрыто, как его поначалу было закрыли через несколько месяцев, через полгода, а передано на дальнейшее исследование, на повторную экспертизу в Москву. Но с тех пор так ничего и не произошло.

То есть такая стена окружает все эти безобразия, даже вот с такими исходами, что вообще непонятно, как с этим бороться. Если где-то наверху не будет понято, что так жить нельзя, то даже непонятно, чем это может кончиться. Потому что это уже какой-то разгул.

Окончание на стр. 8

(#0063 Амурская) Как рассказывает мальчик, в отделении ему предложили дать ложное показание о том, что мама их бьет, тогда его отвезут в семью. В противном случае угрожали отправить его в интернат. Заявление об избиении послужило поводом для изыятия всех несовершеннолетних детей.

(#0972 Тула) В школе перед отобранием девочку убеждали сказать, что мама ее бьет «скажи, что мама бьет, тогда отпустим тебя домой». В СРЦ заставляли оговаривать маму «иначе навсегда останешься в центре, а так тебя заберет папа». Девочка много раз говорила опрашивающим ее работникам полиции, школы и СРЦН, что мама ее не била, но ребенку никто не поверил. В результате папа после того, как дочка заболела, разрешил ей говорить всё, что от нее хотят услышать чиновники и подписывать любые документы, так как ребенок очень боялся и переживал что ему не верят, из-за волнений даже попала в больницу.

(#0036 Пермский) Соц службы подговорили двоих старших детей

- (#0036 Пермский)** [Опека] Из искового заявления: «Согласно акта... несовершеннолетние находятся матерью... которая ограничена в родительских правах в отношении дочерей. Несовершеннолетние находятся без надзора законного представителя, от перемещения в СРЦ дети отказываются».
- (#0040 Кемеровская)** Инспектор угрожала беременной маме, что отнимет детей, что у бабушки оставлять детей на время родов нельзя, бабушка для них никем не является. Ребятишки забились под стол, плакали, были напуганы.
- (#0043 Новосибирская)** Ребёнок живет с мамой и бабушкой, мать из-за глухоты оформила опеку на бабушку. Из Постановления об отстранении бабушки от опекунства: «На длительное время несовершеннолетний остается без законного представителя под присмотром матери-инвалида... Учитывая вышеизложенное, то, что ребенок находится без законного представителя..., было принято решение поместить ребенка в отделение с целью решения вопроса дальнейшего жизнеустройства несовершеннолетнего.»
- (#0059 Новосибирская)** [Опека] Из искового заявления: «04.04.2012 на основании акта об изъятии отдела опеки и попечительства <...> в присутствии <ФИО тети> и <ФИО бабушки> были изъяты несовершеннолетние дети <четыре ФИО>, так как дети находились без законных представителей. На момент обследования специалистами

III СЪЕЗД РВС

Окончание. Начало — на стр. 6–7

Так вот, про выполнение родителями требований. Они их выполняют, но детей им не торопят возвращать. И изобретают новые требования. Часто оказывается, что отобранный без лишения родительских прав ребенок уже передан в опеку, пока родители добиваются его возвращения. И уже опекун выступает в суде истцом о лишении их родительских прав. Социальная помощь тоже оказывается поводом для того, чтобы забрать ребенка из семьи или установить над семьей опасный для нее контроль. Наличие неблагополучия часто приводит к претензиям к семье, а вовсе не к предложению помощи. Даже если очевидно, что семье можно и нужно помочь, все чаще нуждающиеся семьи слышат предложения «освободиться от ребенка» или угрозы отобрания. При этом семье выдвигаются требования невозможные или морально недопустимые. Стало нормой вместо помощи навязывать семье непонятное и ненужное ей сопровождение или патронаж, отказ от которого ставится ей в претензию. В собранных примерах встречаются случаи, когда заинтересованным сопровождаем является даже не НКО, а общество с ограниченной ответственностью, которое жалуются на родителей в опеку.

Мы видим, что контроль за семьей становится самоценным. И, конечно, причина этому — возникновение сразу двух рынков: рынка замещающих семей и рынка сопровождения семей, признанных находящимися в трудной жизненной ситуации. В некоторых регионах проводятся рейды (иногда это прямо «месячники») по тотальной проверке, когда межведомственные бригады обходят семьи, вылавливая любые поводы для того, чтобы можно было детей отобрать или, как минимум, поставить на контроль КДН с дальнейшими незавидными перспективами. Те, кто попали под этот контроль, уже могут быть уверенными, что от них не отстанут. Граждане, как правило, выпускают служащих, хотя имеют право не пускать. В случае нежелания впустить опека и КДН врываются в дом силой. В случае, который здесь был показан, в поселке Новобурейском Амурской области, там просто, прикрываясь ОМОНовским щитом, ворвалась к одинокой матери с младенцем бригада спецназа или, как там, ОМОНа. И теперь эту молодую женщину, вы ее видели, судят за нанесение царапин полицейскому на шее якобы. В общем-то можно было нанести царапины при таких обстоятельствах, согласитесь.

Так вот, в доме ведут себя они бесцеремонно, с уверенностью в таком своем праве. Часто не представляются, обращаются исключительно на «ты». Всячески подчеркивая свое могущество по отношению к тем, кого презрительно называют «контингентом». Кстати, вот эта самая программа «Контингент», проект «Контингент», который мы сейчас вроде бы приостановили, вот я думаю: случайно ли у нее такое название? Как-то очень переключается с тем «контингентом», над которым бдят наши ювенальные органы.

Предъявляются претензии к незаконности ремонта или текущему беспорядку. К отсутствию работы, к тому, что работа вахтовая и детей приходится оставлять родственникам. По долгам ЖКХ. Нет отдельного спального места — такая претензия может высказываться многодетной семье, живущей стесненно, даже если по региональному закону такой семье положено предоставление жилья. От матери требуют отказа от одного ребенка под угрозой отнять остальных детей.

Пристальным вниманием органов опеки пользуются случаи, когда мать болеет, даже если в доме живут и другие взрослые. Свежий случай: мать после родов два месяца была в больнице, сейчас ребенка ей не отдадут. Наши ребята борются за то, чтобы ребенка ей отдали, но это оказывается очень непросто — «она же целых два месяца в больнице — неблагополучие!».

Весь проанализированный нами материал говорит не только о заинтересованности органов опеки и попечительства в отобрании детей, фактически настоящей охоте, нарастающей с каждым месяцем, но и о радикальной смене установок госслужащих в отношении к семье, по сравнению с традициями народов России.

Мы видим, что:

1. Принцип невмешательства в дела семьи уже не действует.

2. Родительское право как первоочередное право родителя определять и представлять интересы детей, отменяемое только судом, фактически уже не существует. Действует принцип, что чиновники-специалисты лучше знают, нуждается ли семья в содействии. Родителей лишают рычагов ответственности за воспитание детей — свободы выбора мер воспитания.

3. Неблагополучие семьи стало поводом не для предложения помощи семье, а для обвинения семьи и признания ее недостойной растить детей.

4. Принцип защиты интересов ребенка стал пониматься извращенно. А именно, как его защита от родителей, как право ребенка на более благополучную обстановку. Причем благополучие меряется чисто материальными категориями.

В выступлении на съезде трудно сделать исчерпывающий обзор всех, зафиксированных нашей базой ненормальных явлений.

Я останавливаюсь на одном, наиболее показательном в плане преступления нравственной нормы и пугающем своей, на глазах растущей «популярностью». Это доносы. Доносы становятся потихоньку и, увы, достаточно быстро, нормой нашей жизни. Они оказываются поводом для вмешательства в семью. И не только сообщение о преступлении или свидетельстве об антиобщественной деятельности, а любое сообщение о том, что семья неидеальная, что в ней могут оказаться какие-то не те условия. Рассмотрением таких доносов занимаются теперь не правоохранительные службы, которые все же обучены тому, что такое протокол и надзор. Теперь по любому «сигналу» в семью для проверки выходит представитель опеки, не связанный никакой процессуальной деликатностью. Ответственности за сигнал никто не несет. Вы спросите: кто доносит? Ну, вы знаете... вообще-то, доносят гражд-

дане. Граждане безнаказанность доносов уже заметили и стали использовать такие сигналы для давления на родителей в собственных интересах, не связанных с интересами детей. Мотивами могут быть корысть, неприязнь, месть. Слово и рядом с родителями доносят их родственники, находящиеся в конфликте. Иногда просто по наивности. Частое явление — конфликт бабушек и матерей: бабушка считает, что мать неправильно воспитывает, мать не дает ей внучку, бабушка при этом надеется, что внучку заберут и отдадут ей. Но происходит иначе.

Вот тут как раз один из таких случаев. Таких случаев много. На матерей в опеку жалуются бывшие мужья.

Если три года назад мы не брали к рассмотрению случаи внутрисемейной тяжбы за ребенка, так как это — не ювенальные истории, то в последнее время многие такие споры идут при активном участии опеки. В опеку стали обращаться, оговаривая бывшего супруга, а она, опека, вставать на сторону супруга-доносчика и шантажировать другого супруга отобранием детей. Эта скверная перемена произошла буквально на наших глазах. Доносы пишут и соседки: если слышат, что в семье ссора или если знают, что мать или отец уезжают на заработки, оставляя детей на родственников. Поводом для доноса может быть конфликт на работе. Например, один из наших так и не разрешившихся справедливо случаев о разлучении четырех девочек с приемными родителями — это семья Горбуновых в Мурманской области. Тут вот в видео был кусок записи оттуда, где девочки бросаются к приемной, но на самом деле родной для них матери, будучи в детдоме, — в основании своем имел как раз конфликт на работе отца и, как результат, — оговор приемной семьи. Почему опека, следственные органы, суд и прокуратура не захотели добросовестно разобрать ситуацию, можно только догадываться. Не в последнюю очередь от ощущения власти и сознания своей безнаказанности.

Мы работаем с сотнями случаев, но еще ни разу не сталкивались с тем, чтобы служащий, превысивший полномочия, — что приводит к страданиям семьи, к болезни, иногда даже к смерти взрослого или ребенка, как в случае с Родионом Тонких и Умарали Назаровым, — понес бы наказание, даже в случае доказанной не-

виновности семьи, выигранного семьей суда! И если эта легкость разрушения семьи и полная безнаказанность для тех, кто это сделал, не будет в кратчайшие сроки изменена, в России реализуется даже не ювенальная юстиция западного образца, а нечто худшее, потому что, попав на чуждую ему культурную почву, вирус безнравственности съест общество до конца. Пока мы видим, что доносы культивируются сознательно. Уже ни для кого не секрет, что поликлиникам, детским садам, школам в обязательном порядке вменяется собирать сведения о семьях. После посещения семьи патронажной медсестрой может появиться жалоба на ненадлежащие условия. Если родители не согласны с назначением поликлиники или просто ее не посещают, а лечат ребенка у частного врача, поликлиника может обвинить их в невыполнении родительских обязанностей. Неоднократно в нашей базе случаи доноса в опеку по результатам конфликта со школой или детским садом из-за отказа участвовать в сдаче денег или по поводу критики родителями организации. Пропуск занятий в школе или непосещение детсада — организация не объясняется с матерью, она обращается в опеку! Опека же выезжает по доносу, не оценивая мотивов доносителя. И самого доноса она семье не показывает. А в некоторых случаях очевидно, что доноса и не было — опека сигнал выдумала, чтобы просто иметь основание прийти.

Почему опеке стало так интересно приходить? Вопрос в условиях рынка риторический. Об этом, думаю, исчерпывающим образом расскажет следующий докладчик.

Я же, заканчивая, скажу: когда я смогу на ту часть нашей базы, которая описывает множественные случаи доносов и то, как это организуется, поощряется, как к этому призывают... а ведь сейчас вы, наверное, уже слышали — во всяком случае, все, кто в РВС и занимаются этими проблемами, — что сейчас администрации просто настаивают на том, чтобы граждане доносили на семью. Вот мне тут вспомнилось произведение Достоевского «Зимние заметки о летних впечатлениях», где он, оказавшись во Франции, очень удивился тому, что там нормальным считается доносить. Хозяин гостиницы или какой-нибудь мелкий чиновник легко и буднично доносит — это нормально, и это никого не возмущает, не удивляет, не считается неприличным. Достоевский тогда сказал, что вот интересное дело: что в России даже падающий человек, нравственно падающий, знает, что он падает, что это падение. А здесь, во Франции, этого нет, это норма. Он тогда подметил тот ген безнравственности, который, наверное, и приводит к таким явлениям, как ювенальная юстиция. Так вот, если на сейчас будут переформатировать под этот западный образец, то можно уверенно сказать, что нас не будет. У нас не будет страны, не будет народа, не будет ничего.

В общем, я изложила результаты работы над нашей базой ювенальных случаев. Зафиксировав однотипность этих случаев, мы можем говорить и говорим о совершении новых явлений в нашей жизни. Явлениях, находящихся в противоречии с нашими традиционными представлениями о благе и зле, то есть разрывающих живую ткань общества, нравственные и культурные основания, складывавшиеся веками. Порождающие противоречия, чреватые социальным взрывом либо самоотторжением народа от государства и его деградацией.

Кто и за счет чего продвигает чуждую нам антисемейную идеологию, каковы механизмы этого продвижения — будет рассмотрено в следующих выступлениях, представляющих наш доклад президенту.

Спасибо за внимание.

(#0317 Новосибирская) Отдел опеки уговорил мать воспользоваться помощью, предусмотренной государством для семей в трудной жизненной ситуации (ст. 155.1 СК РФ), — то есть отдать ребёнка временно на государственное обеспечение. Мать вернулась на родину, чтобы там обустроить жильё для себя и малыша. По истечении срока администрация не захотела отдавать ребёнка. Требовали для проживания с родным сыном заключение органа опеки по месту жительства, который отказывался дать такое заключение.

(#0059 Новосибирская) По истечении срока «добровольного помещения» детей, ей не хотели их отдавать, требовали с неё справки и заключения, которые сами же не подписывали.

(#1032 Курская) Мать ребенка заболела из-за родов. Ребенок с пневмонией попадает в больницу. В органах опеки советуют отцу временно поместить ребёнка в Дом малютки. Мать из больницы выписали, но родителям ребенка не отдадут. Требуют справки о трудоустройстве отца, состоянии здоровья матери, о том, что они не состоят на учете в нарко и псих диспансерах.

(Тульская) На официальном сайте г. Новомосковска:

«Для сведения жителей Новомосковска: Если Вы располагаете сведениями о семье, обстановка в которой представляет опасность для жизни или здоровья ребенка, либо не отвечает требованиям к воспитанию или содержанию ребенка, — сообщите, пожалуйста, об этом по телефону доверия <тел.> (Территориальный центр социальной помощи семье и детям Новомосковского района). Информация будет проверена и в случае подтверждения — будут приняты меры для обеспечения прав ребенка»

На сайте Министерства соцзащиты населения Республики Бурятия (Бурятия)

«Уважаемые жители Республики Бурятия! Если Вам стало известно о неблагополучной ситуации с пожилым человеком, семьей, ребенком, если требуется срочная социальная помощь, а Вы не знаете куда обратиться — оставьте сигнал о неблагополучии! Позвоните по телефонам:...»

Сайт УСЗН Альметьевского района (Татарстан) 19.01.2016 Управление социальной защиты в Альметьевском районе и комплексный центр социального обслуживания населения «Опека» просят жителей не оставаться равнодушными к проблемам одиноких, престарелых граждан, инвалидов, семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

А также к проблемам детей, воспитывающихся в неблагополучных семьях... По проблемам семей с детьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, и детей, воспитывающихся в неблагополучных семьях, следует позвонить по телефону: ...

«А Васька слушает, да ест»

Выступление Сергея Кургиняна

Я прошу разрешения присутствующих сделать совсем небольшую вставку. Она заключается в следующем.

Социальная тема уже сейчас берется на вооружение всей оранжевой нечистью, и вы это видите. Пока что она в этой тематике, как корова на льду, ей очень трудно. Как ей начать вдруг плакать по поводу бедных, и всё прочее? Но они научатся. И когда они научатся, всё будет кончено: вся эта властная устойчивость гроша ломаного не будет стоить. Потому что все понимают, например, что никакая такая опека в Чечню не пойдет. Они что — хотят, чтобы всё превратилось в Чечню, или как это должно быть? Потому что эта тема, являясь темой глубоко гуманистической, является одновременно политической.

Второе. Этот чиновник [из прорежиссированного видеоролика об отъеме детей] глубоко убежден, что надо, как у них, — он же обезьянничает. «Чтоб истребил господь нечистый этот дух, Пустого, рабского, слепого подражания». Они же подражают, у них есть бог — этот Запад, и им все говорят, что это бог. Так они и копируют, причём копируют, как обезьяна человека. То есть, может быть, те [на Западе] действуют еще более жестоко, но эти же [в России] действуют в таком еще сочетании этой жестокости, новой западности с русским произволом.

Дальше. Отвращение чиновника часто — это отвращение богатого к бедности. Вот это быстро внушаемое отвращение к бедному. Оно уже проело всю ткань общества за эти 25 лет. Глубокое убежде-

ние, что нужно, как у них, плюс это отвращение. Плюс готовность оранжойдов взять эту тему. И тогда возникает вопрос: а эти чиновники — просто мерзавцы или просто идиоты? А за этим не стоит ли злая воля, которая создает это неблагополучие для того, чтобы потом перекинуть этот мяч в руки оранжойдам? А почему нет?

Дальше. Кому нужны эти бедные, небогатые, неблагополучные? Они же никому не нужны. А ребенок — это товар, до 60 тысяч долларов и дальше. Пожалуйста, сделали рынок. Если говорят — «всё деньги», так вот они, эти деньги.

Теперь вы должны понять... Когда-то, в конце 1992 года — начале 1993-го, я был советником Хасбулатова, и нужно было обсуждать, нужно ли резать ракеты СС-18 «Сатана». И мы выступали оппонентами Генеральному штабу, который говорил, что надо резать. И когда мы сказали, что у нас есть модели и мы покажем на модели, как именно будет прорвана ракетно-ядерная оборона, встал полковник Третьего управления, тогда военной контрразведки: «Откуда у вас модели? Вас надо немедленно арестовать». На что ему было сказано более высокими чинами: «Полковник, генералом ты уже не станешь». Но это мы были официальным оппонентом от Верховного Совета. У нас были полномочия в руках. Всё равно — откуда у вас модели... Чего они боятся больше всего из того, что вы делаете, вы не понимаете? Они боятся базы [случаев отобрания детей]. Им не нужна база. Потому что в момент, когда вы создаете базу, гражданское общество и чиновники оказываются на равных. Вы становитесь равными им, потому что у вас есть база.

А откуда у вас база, почему у вас база, что за адвокаты? Какая борьба?

Предположим, что эта база строится не на бескорыстии, как в этом зале, а на деньгах — это же огромные деньги. Но их тогда надо отбить! Тогда те, кто создают эту базу, — западные организации и так далее — создают ее, чтобы потом сделать торговлю детьми. А адвокаты, а эта борьба, а эти СМИ? И дальше возникает простая ситуация, что все они в конечном итоге говорят: «Это что такое за гражданское общество?» Тут были какие-то бредовые высказывания:

— А мы эту Мамиконян и этот РВС проверим!

— А на что вы проверите?

— Что у них нет региональных юридических лиц.

— Ну так этих юридических лиц и не должно быть в регионах, таков закон.

— А мы задним числом введем другой закон!

То есть безумие уже, понимаете? Безумие этой бюрократии, которая не знает, что делать. Одного из детей мы вырвали, используя наших друзей в Генеральной прокуратуре и в МВД. И когда высокий чиновник МВД сказал этому человеку, который изымал ребенка: «Я с тебя за то, что ты тут делаешь, сорву погоню», — у того было холодное безразличие, потому что он знал, что он уже в системе, он есть целое. И какой начальник ему ни кричит: «Сорву погоню!» — а за ним, у него за спиной, уже сила другая.

Возникает вопрос, а как в принципе нам надо сочетать вот это творящееся с высказываниями президента? Который

действительно остановил в конце 2016 года самые чудовищные законы, завершившие формирование ювенальной юстиции, который действительно давал поручения, чтобы этого всего не было.

Это что, «Васька слушает, да ест»? Так этот Васька — он только по ювенальному вопросу это делает? Или он будет делать это по другим вопросам, которые, в конечном итоге, в условиях давления на Россию приобретут политический характер?

Мы сегодня говорим о том, что этот Васька — он всего лишь смотрит да ест. А вы знаете, что команда Ашуркова, который является прямой связью Навального, получал реальное финансирование от бюджета уже в момент, когда Навальный вел все эти наступления? Кто и с кем там срачивается? И где, в сущности, сейчас еще существующая возможность формировать такие союзы, которые это сращивание и его последствия остановят, потому что потом будет поздно?

Вся надежда на рейтинги стабильности и всё прочее в таких условиях мне кажется глубоко бессмысленной, поэтому сейчас надо оформлять то, что, может быть, в условиях действительного желания очень и очень многих может это остановить. Ради этого оформления мы собрали вас чрезвычайно, немедленно потому, что события в ближайшие недели будут разворачиваться еще быстрее.

Простите меня за это вкливание. Считаю его необходимым.

III СЪЕЗД РВС

Давайте бороться с этой пакостью!

Выступление Олега Барсукова

Мария Мамиконян: Слово предоставляется Олегу Барсукову, члену Центрального совета РВС, члену адвокатской палаты Санкт-Петербурга.

То, что сегодня показывала и о чем рассказывала Мария Рачиевна, мы об этом предупреждали еще четыре года назад, когда первый съезд собирали, даже до того. К сожалению, эти прогнозы подтвердились в самых худших их вариантах.

Мы не радуемся, что наши прогнозы подтвердились. Мы были бы рады, если бы этого не случилось. Какая-то сила двигает всю эту пакость, всю эту бесчеловечность, весь этот в буквальном смысле фашизм.

Одним из составляющих, одним из двигателей этой пакости является институт приемных семей. Я сразу хочу оговориться, может быть, еще не один раз оговорюсь: мы не против приемных семей. Вы сами видели как минимум два случая, которые мы показывали, — это приемные семьи, которым мы всячески помогаем, хоть они и приемные: они, по сути, стали родными для детей, для родителей, это полноценные родные семьи.

Мы против того подхода к приемным семьям, который на первое место ставит бизнес, материальные отношения. Ни для кого не секрет, что приемные семьи — те, у кого дети находятся под возмездной опекой, выплаты получают гораздо больше, в десятки раз больше, чем малоимущие родные семьи. То есть в приемных выплачивается и зарплата так называемым родителям, и пособие на содержание социальных сирот. Это лукаво называется институтом семейного устройства. Ничего здесь нет общего с семьей! Какая может быть семья, если у родителей десятикратная материальная заинтересованность? И ведь дети прекрасно понимают, что это не просто любящие родители, а это родители, которые любят еще и вот эти деньги, которые они за свое родительство получают.

В этой ситуации становится понятным... Многие помнят, как однажды у премьер-министра на одной из пресс-конференций учитель спросил, почему так мало выплачивают учителям. Он ответил: «Ну, так вы же не занялись бизнесом». Это не просто оговорка «по Фрейду», не просто глупость. Это сознательная констатация того, что бизнес приобретает... Позже будет сказано, что учителей замещают психологами, медиаторами — моими коллегами и так далее. Если бы в этой ситуации у премьер-министра спросили бы родные родители, почему малоимущим родителям платят такие маленькие пособия, он наверняка ничтоже сумняшеся сказал бы: «Ну так вы же не занялись бизнесом, вы же не взяли приемных детей под опеку». Это была бы не ирония, а сознательная констатация, что родную кровную семью как институт заменяют институтом так называемых приемных семей, то есть бизнесом.

И это, к сожалению, совершенно сознательное замещение кровной семьи этим самым бизнесом. Уже давно известно, и исследователи даже в Америке, где эта система фостерных семей развита хорошо, констатируют, что дети, выросшие в так называемых приемных семьях, с большим трудом социализируются. У них огромные трудности. Какие здесь причины? Это же очевидно — тот, кто воспитывает детей по договору, за деньги, он прекрасно понимает, что детей он воспитывает ровно до 18 лет. Какое будущее может быть у таких детей? Такой родитель ничему не сможет научить, необходимому для будущего вот этих опекаемых детей.

Возьму маленький пример. Сын уже закончил институт, служит в армии, он танкист, взрослый человек. Но мы с ним говорим о будущем, о чем мечтаем, как эти мечты будем реализовывать. Потому что

это мой родной сын. В приемной семье, точнее в опеке за деньги, это невозможно в принципе.

Еще один фактор. С поощрения органов власти, с поощрения системы приемного родительства такие родители нигде больше не работают. Они сами по себе теряют способность к социализации, живут только на пособие, которое им предоставляют. Поскольку они теряют способность к социализации, они и детей по определению не могут ничему научить, кроме как проживанию на эти социальные пособия. Это и есть социальное иждивенчество, социальный паразитизм, а это — не что иное, как майданизация сознания, это готовый [майдаун].

Таким образом, замещая родные семьи и создавая вот эти вот приемные... я не могу их называть семьями, это на самом деле не семьи, это институты возмездной опеки, — наши управители готовят настоящий майдан собственный. Кроме нас, этому некому сопротивляться.

К сожалению, этот майдан является двигателем всей этой пакости отбора детей, который нам Мария Рачиевна показывала. Это один из факторов: когда начинается с материальной заинтересованности, постепенно она перетекает в бесчеловечность и не может ни к чему другому привести.

Когда нас ставят перед выбором: служите или Господу, или мамоне, понятно, что одного вы станете ненавидеть, а другому станете усердствовать. Так же можно сказать: либо вы служите семье, либо бизнесу. Это два несовместимых понятия. Институт так называемой бизнес-семьи служит движущей силой этому всему.

Огромная радость, что сюда собрались те, кто может этому воспрепятствовать, те, кто приехали абсолютно бескорыстно. Мы, только мы можем противостоять этой бизнес-пакости. Только мы можем с этим бороться. Так давайте же бороться!

Механизмы внедрения чуждых России подходов

Выступление Алексея Мазурова

Мария Мамиконян: Следующее выступление — Алексей Мазуров, Пермское отделение РВС.

Здравствуйте! Скажите, пожалуйста, как так могло получиться, что в России восторжествовали абсолютно чуждые ей подходы? Принципы, не просто чуждые России, но прямо подготовленные на Западе? Понятно, что есть иностранные агенты и в семейной политике, но это только подчеркивает, что политическая система оказалась от них не защищена, оказалась уязвима для захвата изнутри. И в острый момент политического противостояния необходимо в этом всем разобраться. Как же происходит внедрение в российскую семейную политику таких вот чуждых принципов?

Практика показала, что через прямое изменение федеральных законов осуществлять это внедрение ювенальным лоббистам достаточно проблематично. На такие серьезные угрозы народ реагирует достаточно быстро, остро и дает отпор. Те, кто строят ювенальную систему в России, прекрасно это понимают. И поэтому они уже давно строят ее иным образом. Как уже звучало в докладах и прозвучит еще в других докладах, практика работы служб и ведомств вступает в грубые противоречия с федеральными законами. Это явление массовое, и встречается оно в совершенно разных местах страны.

Вот, например, типичное нарушение: по закону есть только одна причина для отобрания ребенка, находящегося со взрослыми в полном сознании, — это непосредственная угроза его жизни и здоровью.

Но уже давно даже никто и не скрывает, что детей отбирают вне связи с конкретной угрозой. В публичных обсуждениях руководители органов опеки и полиция заявляют, что детей забирают потому, что семья в трудной или социально опасной ситуации. Они уверены, что это нормально.

Второе. Грубо и очевидно противоречит закону практика отобрания детей у родителей за их наказание. Причем даже в том случае, когда есть следы, которые явно не представляют угрозы для здоровья, и даже когда нет следов. Например, один из руководителей департамента труда и соцзащиты Москвы в интервью «Известиям» сообщает: «Мы отобрали всех детей до проверки». И это уже воспринимается как нечто нормальное. К ней наутро прокуратура не приходит почему-то.

Третье — никакой закон не запрещает родителям оставить ребенка на время под присмотром родственника или знакомого. Но мы видим, что происходят массовые изъятия детей по причине того, что рядом с ними в какой-то момент не оказалось законного представителя.

Примеров подобных нарушений можно привести много. Суть одна — мы имеем дело с массовым беззаконием. И по скоординированным действиям различных служб, документам, комментариям служащих прекрасно видно, что это беззаконие не спонтанное, а вполне организованное. И мы, конечно же, не можем не поставить вопрос: а как и кем оно организовано?

Давайте для начала рассмотрим изменения, которые произошли за последние семь-восемь лет в нормативно-правовой

III СЪЕЗД РВС

базе. Если мы посмотрим их, то увидим, что ювенальные механизмы внедряются, в том числе, через различные подзаконные акты, и понятно почему. В данном случае норму принять проще, это во-первых. А во-вторых, о ней не узнает широкая общественность. Известно, что подзаконные акты должны издаваться в соответствии с законами, однако сегодня мы можем прямо указать, что некоторые приказы различных ведомств прямо нарушают законы РФ.

Например, приказ МВД № 845, который предписывает доставлять в РОВД детей, которых по закону забирать нет оснований. Так, согласно содержанию данного приказа, если, по мнению служащего, родители отрицательно влияют на ребенка, то ребенка можно изъять. Либо если семья подпадает под понятие семьи, находящейся в социально опасном положении. А Федеральный закон № 120 позволяет это делать только в том случае, когда ребенок является безнадзорным.

Далее, приказ Минздрава от 17 мая 2012 года № 565-н требует доносить в полицию после каждого пустякового обращения к врачу. Если ребенок обжегся, ушибся, порезался, то есть когда нет ущерба для здоровья. Якобы приказ направлен на исполнение закона «Об охране здоровья». Однако сам закон предписывает сообщать о подобном только в случае наличия ущерба.

Далее, приказ Минобрнауки № 101 дает право заносить ребенка в базу данных сирот на основании акта об оставлении ребенка в организации. Как будто это то же самое, что отказ от ребенка.

Все данные приказы утверждены Минюстом, выполняются. Получается следующая картина преступления:

Первое — ведомства расширяют полномочия своих служащих в ущерб правам граждан. Тем самым превышая свои полномочия, о чем, кстати, написано в статье № 268 УК РФ.

Минюст, проявляя халатность, утверждает подобные приказы. Это, в свою очередь, делает их в глазах служащих равными закону. Хотя даже в этом случае, с формальной точки зрения, они не имеют права выполнять эти приказы, которые законам противоречат.

А что в результате? А в результате страдают дети, в том числе тяжело. Их потом приходится лечить у специалистов от последствий разлучения с родителями. Кроме того, нам известны случаи разлучения, закончившиеся детскими смертями. И это все происходит под натуральный «плач Ярославны» о якобы высоком уровне насилия над детьми в российских семьях и под нескончаемую песню о защите прав детей.

В конце концов наблюдаемая картина показывает, что подобные подзаконные акты, целью которых является внедрение ювенальных подходов, принимаются в ведомствах, занимающихся совсем разными вопросами. Впору начать говорить о том, что тут имеет место какой-то сговор.

Теперь касаемо документов другого уровня. В своей работе ведомства и социальные службы в регионах уже давно руководствуются спущенными свыше документами, которые не только не являются подзаконными актами, но не являются даже нормативно-правовыми актами, то есть граждане не обязаны выполнять то, что в них написано. Но представители структур в нарушение прав граждан требуют этого от них. И сами воспринимают написанное в данных документах как руководство к действию. Речь идет о различных регламентах и порядках взаимодействия, программах и прочем. Данная нормативная база регионов к законам не имеет вообще никакого отношения. В эти регламенты и порядки взаимодействия с легкостью вписываются различные термины и толкования, основанные не на законе, а на ка-

кой-нибудь беллетристике, вроде большого Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Даже если обратить внимание на такой документ, как Акт об отобрании ребенка, то его форма в некоторых местах говорит о том, что допускается принятие решения об отобрании на месте сотрудником отдела опеки, а вовсе не главой администрации, как это предусмотрено в Семейном кодексе. И вся эта работа сотрудников служб по подобным инструкциям и методичкам происходит с опорой на подзаконные акты вместо законов. И когда об этом сообщается служащим, они делают удивленные глаза.

Вот мой пример: недавний случай в городе Добрянка Пермского края, которым я сейчас занимаюсь. Там буквально травят мать и дочь. Мать-одиночку. Спрашиваем сотрудников, на каком основании они требуют пустить их в квартиру для обследования жилищно-бытовых условий. Они ссылаются на Федеральный закон № 120 и некий документ, который принят краевой комиссией по делам несовершеннолетних. Мы их просим: укажите норму в Федеральном законе № 120, которая позволяет вам это требовать. Они, конечно, ее указать не могут, потому что в Федеральном законе № 120 такой нормы нет. Далее мы сообщаем, что второй документ, на который они ссылаются, — это вообще не нормативно-правовой акт. Граждане не обязаны выполнять то, что там написано. В ответ — молчание.

В данном конкретном случае эти служащие столкнулись с нами, то есть с теми, кто знает законы и может за себя постоять. Но ведь действие этого документа распространяется на всю территорию Пермского края. И везде служащие верят в то, что они могут действовать не в соответствии с законами, а в соответствии с тем, что написано в данном документе. Возникает вопрос: а законы вообще тогда зачем нам нужны сегодня? Те, кто все это продвигают, может быть, считают, что стоит от них отказаться как от пережитков прошлого и перейти к нормальному «обществу произвола». Этого, что ли хотят?

Теперь хотелось бы поговорить о системе принятия решений. В феврале 2014 года центр АКЦИО проводил масштабный опрос. Было опрошено более 43 тысяч человек из всех регионов страны. Опрос показал: более 87% граждан считают, что изменения в законодательстве,

касающиеся вопросов семьи и детства, должны проходить через референдум. Между тем мы не помним, чтобы народ не только голосовал, но даже обсуждал вопросы о том, что детей нельзя оставлять с родственниками или знакомыми, нельзя увезти к бабушке на каникулы, что их нельзя наказывать, в том числе физически, без ущерба для здоровья, что бабушка и дедушка для ребенка — никто. Есть еще множество других так называемых запретов, которые стали вдруг действовать в представлениях социальных служб. Возникает такое впечатление, что в России родителям, которые живут в соответствии с народными представлениями о благе и должном, о плохом и хорошем, детей иметь уже вообще нельзя.

Так вот, хотелось бы сказать о том, что такие решения сегодня принимаются в обход представительной власти. Как это делается? А делается это через отлаженный механизм подсовывания так называемых стратегий. «Стратегия» принимается и подписывается правительством и потом развертывается в план реализации. И получается, что она обязательна к исполнению. На нее начинают ссылаться все органы исполнительной власти в регионах, когда внедряют в работу служб различные разрушительные подходы. Мы наблюдали это неоднократно. Но любая стратегия в стране должна обсуждаться с народом. И тут всерьез встает вопрос о той роли, которую играет в данном случае исполнительная власть. Почему она принимает подобные решения и утверждает подобные документы сама, одна?

Возьмем то же принятие Стратегии в интересах женщин — это прекрасный пример того, как исполнительная власть берет на себя функции, выходящие за рамки ее полномочий. При ее обсуждении в Общественной палате осенью 2016 года откровенно говорилось, что ее надо поскорее подsunуть президенту на подпись, как это в свое время удалось повернуть со Стратегией в интересах детей. Причем сделать это нужно, не советуясь с народом, быстро, пока не набегали сторонники традиционных ценностей. Кончилось тем, что президент данный документ не подписал. Но его подписал премьер 8 марта 2017 года. Еще до этого, 31 декабря 2016 года, было сформировано руководство данной Стратегии и (внимание!) в него были включены представители организаций, признанных иностранными агентами или получающих иностранные деньги.

Теперь хотелось бы сказать про деятельность фондов как механизм внедрения чуждых подходов. Идеологические, программные, сложные вещи, которые должны вносить серьезные изменения в жизнь людей, широко не обсуждаются. Они просто внедряются теми же фондами. Например, Фонд поддержки детей в трудной жизненной ситуации получает свои 855 миллионов из бюджета (это данные за 2015 год) и выступает спонсором, финансистом различных региональных программ, грантовых конкурсов. И таким образом тоже делает политику в обход представительной власти. Регионы соглашаются, потому что это деньги, они лишними в бюджетах не бывают.

Недавний случай в Перми: я присутствовал на утверждении общественным советом при Министерстве социального развития Модальной программы социального сопровождения семей с детьми в Пермском крае. Документ насквозь ювенальный, несмотря на то, что в нем указан принцип добровольности. Что из себя представляет эта «добровольность», мы уже говорили, и вы еще услышите. На реализацию данной программы фонд выделил грант в размере 10 миллионов рублей.

Также хотелось бы поговорить о таком механизме, как административное давление на служащих. Нам служащие постоянно заявляют: «А если что-то случится с ребенком?» Я сам был свидетелем того, как на Пермском краевом семейном форуме присутствовавших членов КДН сотрудники Фонда защиты детей от жестокого обращения Александра Спивака пугали случаями из практики, когда служащих привлекали к ответственности за то, что они не вмешались в семью. С помощью таких манипуляций сотрудников соцслужб просто в натуральный психоз вгоняют. В то же время в личных беседах и на круглых столах сотрудники опеки, например, соглашаются с тем, что опека вообще должна заниматься только своим предназначением — устройством детей. Служащие поэтому и требуют регламентов, они хотят за них спрятаться, потому что не хотят отвечать за бесчеловечные действия, которых от них требует вышестоящее руководство.

Итак, через какие же субъекты проводятся столь чуждые нашему народу изменения?

Во-первых, через различные региональные и федеральные ведомства: министерства, комиссии.

Потом — все-таки МВД, потому что оно выпустило приказ, из-за которого сотрудники ведомства действуют не по закону.

Фонды, которые несут в себе и передают совершенно чуждую нашему народу идеологию, которые подменяют народную власть грантами, на которые потом разрабатывается программа отдельных учреждений в нужном фондам духе, абсолютно ювенальном.

И, конечно же, правительство. Пример со Стратегией я уже приводил.

Вывод из всего этого простой: абсолютно чуждые нам ювенальные подходы вот такими методами уже много лет упорно внедряются в работу социальных служб в России. Система уже практически выстроена. Люди, находящиеся в ней, уже давно не обращают никакого внимания на законы страны и работают совершенно по другим документам. Как это все может происходить в демократическом, правовом государстве, скажите мне? Как долго оно сможет существовать в ситуации, когда народ видит, что его мнение по серьезным, жизненно важным вопросам полностью игнорируется? И сколько мы еще будем наблюдать за захватом страны изнутри? На эти вопросы срочно необходимо отвечать, иначе произойдет катастрофа.

Спасибо.

ФЗ № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» как проводник ювенальных технологий

Выступление Людмилы Виноградовой

Мария Мамиконян: Людмила Николаевна Виноградова, член Общественной палаты РФ, главный юридический эксперт нашей организации.

Добрый день, уважаемые участники съезда, делегаты, гости!

Я хочу начать свое выступление с воспоминаний пятилетней давности и таким образом я попытаюсь ответить на прозвучавший последний вопрос Алексея Юрьевича и на те вопросы, которые были поставлены в предыдущих докладах.

Тема у нас сегодня серьезная и связана с юриспруденцией и, естественно, связана с серьезными вопросами. Поэтому попрошу вас набраться терпения, и это будет не напрасно, потому что очень важные вопросы — «кто виноват?», «что делать?» и откуда «ноги растут» или «уши торчат». Давайте попытаемся разобраться.

22 сентября 2012 года у Крымского моста проходил митинг против ювенальной юстиции. Я тоже не осталась в стороне, поскольку тогда активисты сопротивлялись против двух законопроектов, вы все это хорошо знаете: против законопроекта о социальном патронате и об общественном контроле за детскими учреждениями. Я писала на эти два законопроекта свои юридические комментарии, было собрано 260 тысяч подписей под обращением к президенту. И, естественно, когда был организован этот митинг 22 сентября, и, как вы все помните, были собраны коляски с папками и с подписями и мы шли по набережной к Крымскому мосту, я также принимала в этом шествии участие. Из толпы в тот момент, когда наши активисты кричали: «Руки прочь от наших детей!», «Не отдадим наших детей!», — раздавался такой презрительный мужской голос: «Кому нужны ваши дети?» Знаете, так резануло и в общем-то как-то обидно показалось. Вроде бы, действительно, если не нужны — никто не будет отбирать, это же хорошо. Но, с другой стороны, что-то мне не давало покоя, и саднила вот эта вот фраза. Зацепила, короче говоря.

В то время не было еще «закона Димы Яковлева» и поэтому, конечно, активисты боялись того, что дети наши будут уходить за рубеж. В представлении народном так и было, оно и на самом деле так и было, что дети отдавались в педофильские притоны, для трансплантологии в другие страны, для однополых пар и, естественно, в богатые американские семьи, куда без этого...

И вот этот вот вопрос — он меня заставил заняться каким-то юридическим расследованием. Я решила для себя открыть, кто у нас в стране интересант, потому что, понимаете в чем дело, нам же удалось отбить эти два законопроекта, а наступление ювенальной юстиции продолжалось. И 28 мая 2012 года была подписана Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы. В соответствии с этой стратегией начала выстраиваться социальная политика. И вот

этот поток новых и новых ювенальных законопроектов, он не прекращался. То есть у меня закралось сомнение. Да, я понимаю, мировая закулиса, сокращение народонаселения, тренд на то, чтобы детей рождалось как можно меньше, и для этого любые меры хороши, но надо было найти, кто у нас в стране-то в этом заинтересован. Ну, закулиса — закулисой, понятно, это всё так, а что внутри-то делается? И тут, как бывает, знаете — информация идет, когда задаешься каким-то вопросом.

8 ноября 2012 года по центральному телевидению проходит передача «Сенат», и тема там разбирается: «Нужна ли России ювенальная юстиция?». В то время участниками передачи были еще на тот момент депутат Государственной Думы Клишас, один член Совета Федерации, к сожалению, не помню фамилии, и президент Национального фонда защиты детей от жестокого обращения Марина Оскаровна Егорова. Они представили, так скажем, уже отклоненный законопроект о социальном патронате. И они его так своеобразно, можно сказать, интерпретировали, что мне это показалось очень подозрительным. Зачем людям такого уровня, такого ранга заниматься манипуляцией сознанием? И я, как за ниточку, потянула и начала распутывать этот клубок.

Оказалось, что Марина Оскаровна Егорова — не только президент этого национального фонда, она еще, само собой, обаятельная женщина и может усыпить бдительность любого, но не меня, поскольку я в то время этим законопроектом о социальном патронате очень плотно занималась и знала его досконально. Но она еще в то время была и членом правительственной комиссии по защите прав детей. Вот это сочетание: президент неправительственной некоммерческой организации (НКО) и представитель государственной комиссии — меня немного смутило. Я начала смотреть, что это за национальный фонд и что это за серый кардинал такой.

Оказалось, что этот национальный фонд работает в нашей стране с 2004 года.

В открытом доступе нашлось очень много интересной информации на самом сайте этого национального фонда.

Данные из отчета Национального фонда защиты детей от жестокого обращения за 2010–2011 годы повествуют о том, что представители этого фонда участвовали в формировании государственной политики в интересах детей. Каким путем? Они участвовали в обсуждении и подготовке государственных решений на федеральном и региональном уровнях. Фонд принимал активное участие в разработке основополагающих документов в сфере защиты детства.

Ну и самыми такими значимыми из них я выбрала те, которые разрабатывались при участии Национального фонда. Это, во-первых, проект Программы «Комплекс мер, направленных на совершенствование деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по оказанию помощи детям и подросткам в случаях жестокого обращения с ними». Какая истерия у нас в стране по поводу жестокого обращения, вы сами знаете.

В рамках программы «Компас для детства» фонд разрабатывал методический инструментарий для региональных органов государственной власти.

Сформирован Консультативный совет программы, в который вошли представители Администрации президента РФ (в то время — Медведева Д. А.), Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания РФ, Министерства здравоохранения и социального развития РФ, Министерства образования и науки РФ, Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, Общественной палаты РФ, Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), научных организаций.

Партнерами фонда в выполнении программы являются Центр фискальной политики и Институт социальных услуг (Institute for Human Services, IHS). Программа реализуется при поддержке Агентства США по международному развитию.

География реализации программ и проектов, проводимых этим фондом:

1) регионы внедрения моделей профилактики социального сиротства (41 регион);

2) регионы-участники сетевого проекта «Ассоциация содействия модернизации домов ребенка» (18 регионов).

Фонд активно участвует в деятельности международных организаций. Он реализовал ряд проектов для Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ). Фонд представляет Российскую Федерацию в Международной Ассоциации детских телефонов доверия (Child Helpline International, CHI).

Что это такое, мы с вами тоже знаем.

Фонд является членом Международного общества по профилактике насилия над детьми и пренебрежения их нуждами (The International Society for Prevention of Child Abuse and Neglect, IPSAN).

В рамках своих программ и проектов Фонд взаимодействует с Американским союзом профессионалов против жестокого обращения с детьми (American Professional Society on the Abuse of Children, APSAC), Институтом социальных услуг (Institute for Human Services, IHS). Фонд также реализовал ряд инициатив при поддержке Фонда «Terre des homes» (Швейцария), World Childhood Foundation (Швеция).

По заказу и при поддержке Представительства Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) в Российской Федерации разработан «комплект информационных и методических материалов для руководителей и специалистов учреждений здравоохранения, социальной защиты и органов опеки и попечительства».

А потом мы спрашиваем: откуда у нас в разных регионах одни и те же формулировки в актах изъятия, такие как «каша — не еда» и другие?

Одно из самых значимых для родительской общественности мероприятий, организованных с участием «Национального фонда защиты детей от жестокого обращения», — Российско-американский форум по защите детства, проходивший в Улан-Удэ 1–6 августа 2011 г. Организаторы форума с американской стороны — министерство юстиции США, Агентство США по международному развитию, Институт социальных услуг США, Американский союз профессионалов против жестокого обращения с детьми.

Именно на этом форуме была принята резолюция, выполненная на сегодняшний день российским государством почти полностью.

В резолюции рекомендовалось Правительству Российской Федерации ни больше ни меньше: создать организационно-правовые условия для того, чтобы НКО рассматривались как равнозначные партнеры и поставщики услуг наравне с государственными учреждениями.

Приоритетным направлением развития системы защиты детства, как заявляли участники форума, является формирование рынка услуг для семьи и детей.

(Ни больше, и не меньше! Не совершенствование работы уже созданной системы по защите детей, искоренение коррупции, наведение порядка с соблюдением законодательства, а коммерциализация функций исполнительной власти, размывание властных полномочий).

Участники форума рекомендуют органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации (то есть действовали на всех уровнях): создать правовые, организационные и финансовые механизмы, позволяющие организациям различных организационно-правовых форм и ведомственной принадлежности развивать услуги по защите детства на своей базе и выступать на рынке услуг в качестве поставщиков. В числе таких механизмов — переход от содержания учреждений по смете к практике финансирования услуг; ...то есть к подшему финансовому, плоды которого мы сейчас пожинаем.

III СЪЕЗД РВС

Эффективным инструментом повышения качества деятельности по защите прав детей, заявляли участники форума, является деятельность зонтичных, сетевых организаций и профессиональных ассоциаций.

Участники форума рекомендуют «привлечь российские сетевые организации к разработке и внедрению стандартов услуг по защите детства, а также к осуществлению переподготовки и повышения квалификации специалистов сферы защиты детства. Сюда входят все специалисты межведомственного взаимодействия.

Получается, что активными годами билась, чтобы российские семьи оградили от западных ювенальных технологий, ждали провокаций от западных политиков, а оказалось всё гораздо проще: найди заинтересованное лицо, поставь дело на коммерческую, сетевую основу и всё остальное сделают свои же сограждане!

Заботой фонда охвачено всё российское пространство, во всех ключевых регионах имеются свои представители. Создается гениальный и беспроектный проект «по защите детства» для некоммерческих организаций, о которых так пекся Первый Российско-американский форум:

Сначала «мы» (некие НКО) отмониторим регионы, наладим по-своему работу органов опеки и попечительства, научим кадры, как нужно работать на детском рынке по программам Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), да по книжкам Джудит С. Райкус, Рональда С. Хьюза, исключительным правом на публикацию пособий которых в России обладает «Национальный фонд», подключим телефоны доверия для детей, выявим недостатки в детских учреждениях, сами их тут же и устраним (всё, что угодно, за полученные гранты!), подсчитаем нуждаемость в социальных услугах, сами же эти услуги и предоставим, а поскольку семьи будут попадаться «сложные», то сроки социального сопровождения будем продлевать, изобретая новые основания для профилактики. Документы на тендеры тоже подготовим, сами же проследим, чтобы всё было честно, сами же конкурсы и выиграем. Ну, если уж совсем тяжелый случай, тоже справимся, подыщем социальному сироте приемных родителей, которых сами же и обучим и проверим. Это ничего, что много дел, организации сетевые, что называется, страну обложили со всех сторон.

Как подвела итог я в своем юридическом расследовании — «Вот ЭТО — самое главное, для чего затевался законопроект

о социальном патронате: подпустить к решению детских судеб посторонних граждан, не являющихся государственными и муниципальными служащими, работающими за скромную зарплату. Разрешить различным общественным организациям в том числе заключать договоры с органами социальной защиты на предоставление различных УСЛУГ, таким образом, перераспределив государственные денежные потоки. Нашелся и ответ на мучавший меня вопрос: «Наши дети действительно никому не нужны, нужна симуляция бурной деятельности вокруг детей, чтобы сделать из темы детства неиссякаемый бизнес».

Закон о социальном патронате принят не был, но антиювеналы не смогли помешать принятию Федерального закона № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», открывшему широкие ворота для вторжения в российское правовое поле ювенальных технологий: Это:

1) возможности входить в любое жилое помещение для оценки жилищно-бытовых условий с целью предупреждения обстоятельств, являющихся якобы основанием для оказания социальной помощи (ст. 29), а фактически для незаконного проникновения в жилище для раннего выявления неблагополучия (ювенальный маркер) под видом «профилактики» (ст. 25 Конституции РФ, ст. 139 УК РФ);

2) открыли двери выявлению внутрисемейных конфликтов (ст. 15), а фактически — нарушению неприкосновенности частной жизни (ст. 24, 25 Конституции РФ);

3) межведомственному взаимодействию через введение в российское правовое поле документа, регламентирующего деятельность органов межведомственного взаимодействия (ст. 28), а на самом деле открыли двери коллективной безответственности;

4) были открыты двери и социальному сопровождению вождьленному, то есть тому самому социальному патронату, о котором так пеклись ювеналы (ст. 22).

Как член комиссии по социальной политике и качеству жизни граждан при Общественной палате РФ я занимаюсь мониторингом исполнения ФЗ № 442 на территории Российской Федерации. Из многих регионов в ходе мониторинга поступили критические замечания и дельные предложения по исправлению этого закона. Предварительные итоги мониторинга обсуждались в стенах Обществен-

ной палаты совместно с представителями Министерства труда и социальной защиты. Однако, очередь до принятия законопроекта о внесении изменений в ФЗ № 442 никак не доходит, поскольку, как выразилась одна из депутатов профильного комитета Государственной Думы, есть более важные вопросы, например, такой, как новый законопроект о социальных воспитателях.

Если кто не знает, социальные воспитатели — это приемные родители и опекуны, которым предлагается еще, кроме того, что они уже получают на содержание ребенка и вознаграждение за этот труд, еще назначить зарплату. Понимаете? Естественно, родительская общественность, ну я не знаю, как вы, но я всеми фибрами души против этого. Потому что я считаю, что эти деньги можно распределить на более необходимые нужды на сегодняшний день.

Между тем, мониторинг исполнения законодательства об изъятии детей из семей, проводимый в регионах в рамках исполнения поручения президента РФ № Пр-21 от 01.01.2017 г., показал, что кроме немедленного внесения изменений в ст. 77 Семейного кодекса РФ, регламентирующую отобрание ребенка из семьи, изменений ФЗ № 120 «О профилактике безнадзорности», необходимо срочно внести изменения и в ФЗ № 442, позволяющий вершить беззаконие органам социального обслуживания.

Оказалось, что на местах исполнители Федерального закона № 442 могут обойтись и без Семейного кодекса, и без Закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», поскольку нормы 442 Закона позволяют вмешиваться в семью, изымать детей и «осчастливливать» их стационарной услугой — помещением в организацию для детей-сирот или детей, оставшихся без попечения родителей, а благодаря Постановлению Правительства РФ от 24 мая 2014 г. N 481, утвердившего Положение о деятельности организаций для детей-сирот, эти нормы ещё и расширены.

Так, согласно Статье 14 ФЗ 442, «Основанием для рассмотрения вопроса о предоставлении социального обслуживания (гражданину) является... обращение в его интересах его самого, его законного представителя, иных граждан, представителей государственных органов, органов местного самоуправления, а также представителей органов межведомственного взаимодействия».

То есть всех, кого угодно. Консьержка, сосед, учитель — кто угодно может обратиться без вашего ведома, посчитав, что ваш ребенок нуждается в социальных услугах.

Согласно статье 15 ФЗ 442, «1. Далее. Гражданин признается нуждающимся в социальном обслуживании, в том числе в случае», это я уже выборку делаю применительно к нашим делам об изъятии детей из семьи. Так вот, социальная услуга может оказываться в том числе при:

4) отсутствии возможности обеспечения ухода (в том числе временного) за детьми, а также отсутствии попечения над ними; <...>

2. Решение об оказании срочных социальных услуг принимается немедленно».

И если социальные услуги, которые, допустим, не срочные, назначаются по заключенному двухстороннему договору между гражданином, его законным представителем и самим поставщиком социальных услуг, в данном случае детским учреждением или другим каким-то учреждением, то в том случае, когда эти социальные услуги предоставляются как срочные, то не требуется ни индивидуальной программы, ни заключения этого договора.

А теперь посмотрим на экран и увидим, как на практике исполняются перечисленные мною нормы.

(Демонстрируется видеоролик об изъятии детей у гр. Леденцовой Т.М.)

Вот по этому ролику, чтобы было понятно. Сложилась ситуация, когда мать оказалась в больнице, а дети остались с неродным отцом-отчимом, который проживал с ними в одной квартире, видимо, около 6 лет, поскольку последний маленький ребенок, пятый ребенок, является его родным. Кроме того, здесь вы видите родного брата этой женщины, Татьяны Михайловны Леденцовой, Александра Михайловича Леденцова. Значит, в этой ситуации, как должны были поступить органы опеки? Узнав о том, что в семье трудная жизненная ситуация, они могли, не надеясь, допустим, на отчима, хотя нет оснований ему не доверять, поскольку у органов опеки нет никаких сведений о его судимостях или об аморальном образе жизни, во всяком случае нам в ходе рассмотрения этого материала, этого сообщения не было ничего этого известно, и на сегодняшний день я такой информацией не располагаю.

Окончание на стр. 14

III СЪЕЗД РВС

Окончание. Начало — на стр. 12–13

Во всяком случае, закон об опеке и попечительстве говорит о том, что в первую очередь в такой ситуации должны находиться родственники. И только если не нашлось родственников, желающих принять этих детей, оставшихся как бы без попечения, себе под надзор, тогда только эти дети должны передаваться в какие-то социальные учреждения. Здесь мы видим — мать не дает согласия на помещение детей в социально-реабилитационный центр, не подписывает никакого договора, приехал брат родной, удостовериться в их близком родстве было пара пустяков, вы сами взрослые люди. Кроме того, дети, изъятые во второй день с участием, как мне говорили, Национальной гвардии, в ролике это не озвучили, органы полиции там на заднем плане, но я думаю, что нечего было делать Национальной гвардии в сегодняшний момент, кроме как отбирать детей у кровных родственников.

Приехали эти сотрудники, и тут уже кровные родственники с ними бороться не могли. Я в это время находилась на телефонной связи с участниками этих действий и предупреждала главу администрации: не нарушайте закон, вы нарушаете. Возьмите, установите временную опеку этому дяде. А для того, чтобы временную опеку установить, нужно всего лишь его паспорт и проверить его жилищные условия по месту жительства. Кстати, вот этот человек — это работник полиции, как он мне сказал. Вы понимаете, если у нас работник полиции свои права не может отстаивать — что говорить о любом другом человеке, о той же Татьяне Леденцовой, вот не будь у нее такого брата и таких подоплевших на помощь активистов, как активисты РВС. Не увидела бы она этих детей, как своих ушей, что называется.

Ну вот хорошо, что здесь история закончилась благополучно. Всё же брату, родному дяде детей, была назначена временная опека.

По закону получатели социальных услуг имеют право на:

уважительное и гуманное отношение; (мы его увидели)

4) отказ от предоставления социальных услуг (п. 1, 4 Ст. 9 ФЗ 442).

Мы тоже увидели, как она смогла отказаться — никак не смогла. Причем приехали, я обращаю ваше внимание, не именно работники полиции инициаторами были, не была инициатором опека, а инициаторами и забирающими были работники социально-реабилитационного центра. Вот уже какой тревожный звонок. Т.е. еще один игрок на ювенальном поле появился у нас. И еще один, так скажем... врагом не могу никого назвать. Не все же люди там плохие, так скажем. Мы обязаны с вами признавать добропорядочность и добросовестность всех этих работников. Но, к сожалению, во многих приходится сомневаться.

Что еще по этому вопросу хотелось бы отметить.

Возмущает в этом случае не только незнание законов администрацией города, глава которой дал поручение бойцам Национальной гвардии для захвата детей, но и отношение к людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, как к животным. Даже терминология используется из сленга собаководов.

Для тех, кто не в теме, определение из словаря собаковода:

«Передержка — временное содержание щенка или взрослой собаки у частного лица или в питомнике (часто производится по причине отъезда владельцев на отдых)».

Прошу внимания на экран.

[Демонстрируется видеоролик с работницей МВД.]

Понимаете, как: нос, любящий нос, собачка, щенок, которого там кормят, поят. Ни мыслей, ни чувств — ничего у него нет, ни желаний, вот только одно животное, его накормили, напоили, спать уложили.

Нужно отметить, что это не единственный случай.

Практика принуждения к заключению договоров с законными представителями на временное помещение детей в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, распространена повсеместно. Фактически, в действиях работников детских учреждений усматриваются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ, — принуждение к совершению сделки под угрозой распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких.

Я прошу учесть это активистов и в своей работе использовать, обращаться с заявлениями в следственные комитеты.

Между тем, не исключаю, что президенту РФ поступит отчет, что, «по информации Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации, сообщения о преступлениях, связанных с неправомерным изъятием детей из семьи, носят единичный характер и не связаны с системными пробелами в законодательном регулировании», поскольку ни по одному заявлению представителей РВС и их подзащитных на территории РФ не было возбуждено ни одного уголовного дела, несмотря на то, что судами действия должностных лиц опеки, полиции признавались незаконными.

Следующее поручение президента РФ Путина В.В. по подпункту «д» пункта 1 Поручения от 03 февраля 2017 года № Пр-191 касается представления предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования по профилактике сиротства с учетом ранее данных по этому вопросу поручений.

Предлагаю активистам родительской обществу не игнорировать этот факт и представить свои предложения по изменению законодательства по профилактике сиротства, которых на сегодняшний день накопилось великое множество.

Обращаясь к Генеральному прокурору Российской Федерации Юрию Яковлевичу Чайке, прошу организовать повсеместные проверки организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей с участием представителей родительских организаций, таких как РВС, АРКС, Тюменский областной родительский комитет, «Иван-Чай», «Общественный Уполномоченный Санкт-Петербурга», знающих законодательство, регламентирующее изъятие детей из семьи, дабы не профанировать исполнение поручения президента РФ по анализу практики изъятия несовершеннолетних из семей с точки зрения избыточно применяемых мер или неправомерного вмешательства в семью.

Примеры избыточно применяемых мер сегодня были озвучены в этом зале.

Обращаясь к законодателям, предлагаю разработать законопроект о внесении изменений в ФЗ «Об общественных объединениях» и ФЗ «О некоммерческих организациях», которые бы препятствовали участию «иностранных агентов», невзирая на специфику их деятельности, в принятии государственных решений на федеральном и региональном уровнях, поскольку именно с их помощью в нашу страну уже проникли порочные «практики», наносящие вред народу и угрожающие национальной безопасности.

Приступить, наконец, к разработке законопроекта о внесении изменений в ФЗ № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» для исключения из него антиконституционных норм.

Другие предложения, за неимением времени, представляю в письменном виде в редакционную коллегию съезда для внесения в общую резолюцию.

Спасибо за внимание.

«Достижения» ювенальной юстиции в Германии

Выступление Максима Жиленкова

Мария Мамиконян: Следующие два доклада — это доклады наших товарищей, живущих за рубежом: в Германии и в Испании. Поскольку мы перенимаем западный опыт, то как именно уже в зрелом виде существует ювенальная юстиция в Германии — для нас прекрасный ориентир на будущее. Максим Жиленков — прошу Вас сюда.

Уважаемые участники съезда, я хотел бы в своем докладе рассказать о том, как семейная политика, основанная на ювенальных технологиях, работает в Германии. И по возможности буду иллюстрировать факты, статистику своим личным опытом. Так, в частности, мы вместе с товарищами вернули в общей сложности четверых детей в две русскоязычные семьи в Германии.

Да, нам говорили немцы, что детей не увидите вы никогда. Русским не нужно такое говорить, нас это только еще больше заводит.

Начать я хотел бы с основ работы ювенальной юстиции, то, что я считаю наиболее важным. Покажите слайд, пожалуйста.

Слайд: «Основа для работы ювенальной юстиции в Германии»:

- Запрет любого насилия (физического, психического, душевного) в воспитании детей
- Право опеки вмешиваться в дела семьи на основе субъективных оценок

В частности, речь идет о двух фактах. Первое: на следующем слайде подробно расписано, как принимаются ювенальные нормы в Германии. Так, в 90-м году Германия подписывает Конвенцию о правах ребенка, а в 92-м году ее ратифицирует. И в итоге, в последующие годы в законах появляются формулировки, запрещающие физические, душевные и психические травмы в ходе воспитания ребенка.

Таким образом, создается прецедент, когда воспитательные права родителей

ставятся ниже прав ребенка. И вот здесь интересно, что многие немецкие же эксперты выступают против этого. В частности, немецкий профессор, доктор Уве Йопт из университета Билефельда говорит, что зачастую органы соцопеки выступают за лишение кровных родителей родительских прав, потому что рассматривают их скорее как угрозу в процессе воспитания ребенка и стараются как можно скорее найти ребенку приемных родителей.

Слайд: «Основа — запрет любого насилия в воспитании детей»

1946 — Генассамблея ООН создала ЮНИСЕФ

1948 — Генассамблея приняла «Декларацию по правам человека»

1959 — Генассамблея приняла «Декларацию прав ребенка» (десять принципов)

1989 — Генассамблея приняла «Конвенцию о правах ребёнка»

1990 — Конвенция подписана Германией

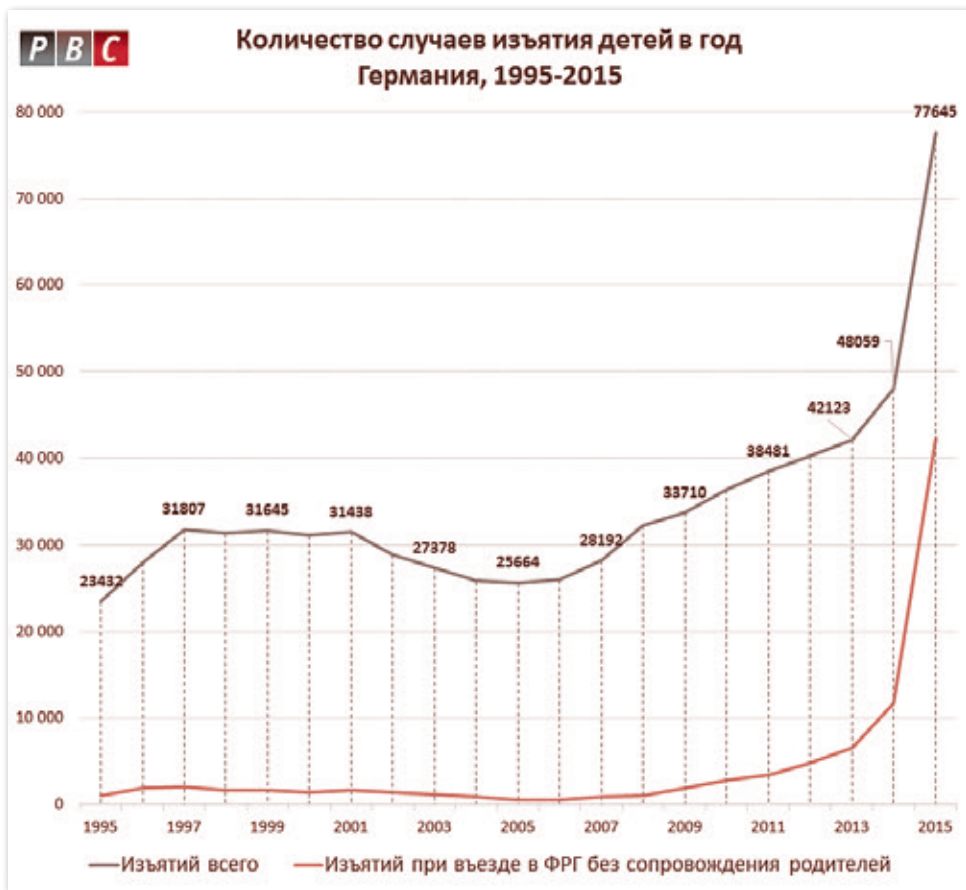
1992 — Конвенция ратифицирована Германией и вступила в силу

1997 — Реформа закона о детстве. Любое насилие в воспитании ставится вне закона: «Унижающие воспитательные меры, в частности, физическое и эмоциональное насилие, являются неприемлемыми»

2000 — закон о запрете любого насилия в воспитании детей (§1631 гражданского кодекса ФРГ): «Дети имеют право на воспитание без насилия. Физические наказания, душевное (психические) травмы и другие унижающие меры запрещены»

На следующем слайде разобран второй важный фактор, а именно то, что у социальных работников появляется пра-

III СЪЕЗД РВС

во субъективно интерпретировать законодательные нормы, вмешиваться в семью, в том числе без решения суда, оперируя такими размытыми понятиями, как благополучие ребенка, а именно: физическое, психическое и умственное.

К тому же, по существу, органы опеки никем, кроме собственного начальства, не контролируются.

Сейчас я хотел бы предоставить вам статистику о работе ювенальной юстиции в Германии за последние двадцать лет. Она открыта, предоставлена Федеральным Статистическим Управлением Германии, в частности, мы разобрали ее с 1995-го по 2015-й год, то есть за 21 год.

На первом слайде виден график — количество изъятий.

[слайд: «Количество случаев изъятия детей в год, Германия, 1995–2015».]

Как вы видите, за двадцать лет произошло почти двукратное увеличение: с 23 тыс. до 42 тыс. изъятий в год. При этом отдельно оговорюсь, что вот мы не рассматриваем сейчас статистику 14–15-го года, потому что там большое количество изъятий детей беженцев: в 15-м году — примерно 42 тысячи. Тем не менее, если вычесть общее количество изъятий детей беженцев, въехавших в страну без сопровождения родителей, получается страшная картина, что за 21 год в Германии изъято 628 тыс. детей при уровне рождаемости в 682 тыс. в 2013-м году. То есть получается, что целое поколение прогоняется через жернова ювенальной юстиции. На самом деле эти цифры нужно увеличить в несколько раз, потому что это касается, помимо детей, родителей, родственников, знакомых, друзей. То есть де-факто за двадцать лет несколько миллионов немцев познакомились с ювенальной юстицией.

На следующем слайде видно возрастное распределение изъятых детей. Так, в частности, наибольшее количество, а именно 60% изъятий, приходится на подростковый возраст 14–18 лет. Половое распределение примерно равное, а распределение по гражданству следующее: две трети случаев — это дети-граждане Германии, а одна треть — это приезжие, то есть проблема касается в первую очередь самих немцев.

На следующем слайде мы видим интересную статистику по поводу того, что послужило поводом для изъятия ребенка. Как вы видите, в подростковом возрасте большинство изъятий происходит по собственному желанию ребенка (хотя, подростка скорее), особенно в возра-

сте 14–18 лет. А до 12-ти лет количество изъятий по собственному желанию практически нулевое. Общая картина: получаем 24% изъятий по собственному желанию и 76% изъятий по мнению социальных органов. Это вот интересно разоблачает тот миф, что ювенальные технологии на самом деле помогают ребенку в ситуации, когда ему не к кому обратиться и убежать из семьи.

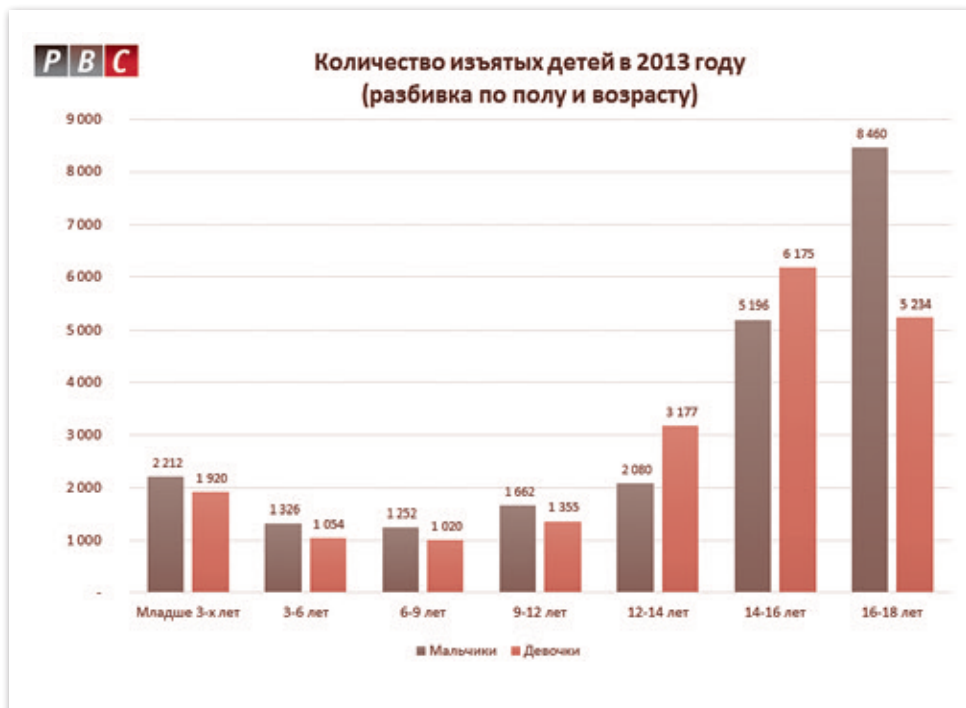
[слайд: «Причины изъятия ребенка (2013)*».]

На следующем слайде видны причины изъятия ребенка из семьи. Здесь отмечу только то, что мне кажется наиболее важным, в частности, первая и самая распространенная причина — это переутомление и перенапряжение, психологическое перенапряжение родителей. Она — ситуация следующего рода, которая трактуется в немецкой психологии следующими симптомами, я их перечислю: разнообразные формы индивидуального и социального неблагополучия, далее, неуверенность или неспособность родителей в воспитании детей, особенно в проблемных фазах жизни ребенка, психические расстройства, болезни родителей или ребенка, и последнее — ситуации, связанные с возможностью применения насилия по отношению к детям. Хотя про насилие скажу её чуть подробнее.

Мы считаем, что вот именно эта категория является, так сказать, основной сутью проблемы и позволяет наиболее субъективно трактовать причины изъятия. Вот у нас в одном из случаев были, помимо прочего, такие формулировки: родители не могут воспитывать детей, потому что не могут ставить им барьеры, в частности, потому что дети едят много сладкого. Хотя никаких проблем с питанием в данной семье не было. Или, например, что мама слишком много убирается по дому и вообще помешана на чистоте.

Среди других причин хотел бы отметить жестокое обращение с детьми — это всего 9% случаев, и сексуальное домогательство родителей по отношению к детям — это всего 1,5%. Хотя вот эти причины, как мы помним, наиболее распространены средствами массовой информации как в России, так и в Европе.

На следующем слайде интересно посмотреть, чем закончилось изъятие. А именно, 39% детей возвращаются в семье — либо в кровные, либо в приемные, откуда их изъяли. А 61% — не возвращается. И вот эти цифры (39%) — примерно стабильны на протяжении всех двадцати лет. То есть получается, что органы опе-

ки изымают детей, в принципе, не из семей людоедов, да? А из семей, из которых, я считаю, их можно было не изымать, можно было оказывать помощь семье, оставляя детей там. Ведь необходимо помнить, что изъятие ребенка — это огромная психологическая травма, в первую очередь для самого ребенка, о чем говорят психологи и в России, и за рубежом. И оно должно быть применено только в том случае, если нахождение ребенка в семье принесет ему еще большую травму, чем изъятие.

Интересно, кстати, подумать, а кем вырастет этот ребенок с подобной травмой, какую семью он создаст и как он будет воспитывать своих детей.

На следующем слайде приведены краткие выводы о ювенальной юстиции в Германии, я не буду останавливаться на том, что уже сказал, отмечу только, что на практике получается ситуация презумпции виновности родителей, а социальные органы могут по субъективным причинам вторгаться в семью, и таким образом де-факто семья в Германии лишается особого статуса защиты, которая записана в Конституции Германии. И самое плохое, что при этом органы ювенальной юстиции не несут ответственности за свою деятельность, неподконтрольны обществу.

III СЪЕЗД РВС

Окончание. Начало — на стр. 14–15

И вот тоже, в нашем случае, я помню, как нам говорили, что после того, как изъяли детей, наилучшим будущим для них (мальчика и девочки, которые жили в fosterной семье вместе) будет разделение, и чтобы они жили отдельно, так как вместе они только вредят друг другу. Я помню вот эту вот наглую холодную усмешку, холодный взгляд немецких ювеналов, и вот почему-то я вспомнил, что, подумал, что, наверное, вот примерно так же восемьдесят лет назад с подобным же взглядом людей отправляли в концлагерь.

Но, собственно, подобным пакосям тоже есть конец, и вот хотел бы сказать, что даже какими-то своими силами можно с таким бороться и людям помогать.

Я хотел бы еще совсем коротко рассказать про другую технологию ювенальной юстиции — «беби-боксы». Перейду сразу к выводам. Немецкое правительство заказало ведущему социологическому институту большое исследование в котором проанализирована статистика использования «беби-боксов» в стране с 2000-го по 2010-й годы, а также статистика инфантицида за прошедшее десятилетие и сделаны следующие выводы:

Во-первых, изначально заявленная цель о спасении жизней с помощью «беби-боксов» не достигается. То есть уровень инфантицида не изменяется потому, что пользователями «беби-боксов» не становятся женщины, на которых они в первую очередь нацелены. А именно — асоциальные, проститутки, наркоманки. А пользователями являются гетерогенные группы женщин, то есть женщины разного возраста, уровня дохода, социального положения, которые либо не знают о других способах оставления ребенка,

допустим, анонимные роды, или передача социальному работнику, когда есть контакт с человеком и можно получить хоть какую-то психологическую помощь, либо же рассматривают это как простую услугу, сервис отказа от ребенка.

Еще одним очень важным выводом является то, что организации, которые сотрудничают с данным исследовательским институтом, не смогли отчитаться о судьбе каждого пятого ребенка, помещенного в «беби-боксы». То есть они не смогли сказать, что с ними в итоге случилось. Здесь не нужно давать повода для конспирологии, но тем не менее сами же исследователи от-

мечают, что ребенок, положенный в «беби-боксы», находится, во-первых, в серой зоне, где не работает законодательство, потому что закон о «беби-боксах» — его не существует, но если бы он был принят, он бы нарушал тоже конституцию Германии в ее трактовке конституционным судом, который говорит, что ребенок имеет право знать, кто является его биологическими родителями.

А во-вторых, помимо этой серой зоны, в которой уже пропало 20% детей, есть еще и криминальный рынок. И опять же немецкие исследователи сами об этом пишут. В частности, Берндт Вакер, немецкий эксперт из организации Terre des hommes,

рассматривает три возможных сценария воровства детей с помощью «беби-боксов», например, с привлечением персонала организаций, обслуживающих «беби-боксы». И это опять же не домыслы, а конкретные факты в Германии были выявлены, когда о ребенке, положенном в «беби-боксы» не были проинформированы соответствующие социальные службы. Хотел бы закончить тем, что на самом деле существует большой рынок криминального бизнеса, построенного на детях. В частности, эксперты Организации Объединенных Наций оценивают ежегодный оборот криминального бизнеса в сфере сексуальной эксплуатации детского рабства в размере 25–35 млрд долларов, что, наряду с торговлей оружием и наркотрафиком, является одной из самых выгодных сторон криминального бизнеса.

В заключение хотел бы сказать, что если посмотреть холодно данные факты, проанализировать их, то любому здравомыслящему человеку должно быть понятно, что такая семейная политика, основанная на ювенальных технологиях, ни в коем случае не должна быть принята в России. И самое для меня интересное было, что когда мы об этом говорили с простыми немецкими родителями, которые выходили на митинги против ювенальной юстиции, они просили нас передать гражданам России, сами обращались с призывом, и можно посмотреть в частности эти видео на наших каналах, чтобы ни в коем случае российские родители не допустили принятия подобных технологий в России. Потому что иначе мы столкнемся с теми же опасностями, с теми же проблемами, вызванными, с которыми столкнулись немцы.

Спасибо!

О фашистских корнях ювенальной юстиции

Выступление Веры Родионовой

Мария Мамиконян: Родионова Вера Николаевна — это представитель наш в Испании, и, насколько я понимаю, темой ее доклада будут фашистские корни ювенальной юстиции.

Когда мы говорим о системе ювенальной юстиции как о фашизме, видя все вот эти бесчеловечные выражения этого явления, — мы это говорим на некоем эмоциональном уровне. Но когда я начала изучать систему ювенальной юстиции в Испании, я встретила с представителями антиювенального родительского движения «Бирюзовая волна», которые предоставили реальные данные и документы о том, что корни ювенальной юстиции действительно лежат в фашистских структурах и системах. Я предлагаю посмотреть вам видео с их свидетельствами [демонстрируется видеоролик].

Вот обе эти женщины прошли через систему ювенальной юстиции: Консуэло Гарсия дель Сид — она побывала в системе женского патроната еще во время транзитии — испанского перехода к демократии; Роза — у нее отняли сейчас маленького ребенка, и она за него бьется, но, несмотря на то, что официально она может его уже забрать, система не отдает ей ребенка и продолжает просить разные справки.

Здесь я должна рассказать немножечко историю кражи детей при франкизме. История кражи детей началась сразу после гражданской войны франкистской си-

стемой, когда она была частью масштабной операции по ликвидации оппозиции. Дети воровались, забирались в тюрьмах у непримиримых к режиму граждан-женщин. После этого, когда уже не было необходимости иметь такие масштабные репрессии, эта система превратилась в некую мафиозную структуру, которая стала забирать из-за коммерческих интересов. И действовало это приблизительно так: выявлялась женщина, которая считалась неблагонадежной, и ее сопровождали на протяже-

нии всей беременности, потом помещали в специальный госпиталь, где врачи уже были куплены, и когда рождался ребенок, ей показывали либо мертворожденного ребенка чужого, либо ничего не показывали, а просто давали справку о мертворождении, а ребенок записывался напрямую на имя бенефициаров или на специфические мафиозные структуры. Дети всегда отдавались в «политически правильные» семьи, где их воспитывали в правильном идеологическом ключе.

Консуэло Гарсия дель Сид представила документ, в котором рассказывается, что в 1983 году эта система патроната была переведена под действие администрации автономных округов. Например, от Галисии подписывал лично Марьяно Рахой, который сейчас является действующим президентом, а тогда был членом соответствующей комиссии по передаче этого патроната. Вместе с этими бумагами в автономные администрации были переданы все архивные данные, личные дела, персонал, имущество и бюджетные средства.

Ни один из случаев не был раскрыт после этого, всё это осталось в абсолютной тайне. Некоторые попытки расследовать это дело были сделаны в 2010 году, но все эти дела были архивированы из-за недостатка данных. Сейчас на расследовании похищений детей в Испании настаивает ООН, но никакого расследования также не происходит.

То есть здесь мы видим, что действуют те же самые люди, те же самые структуры, которые покрывают то, что произошло раньше, и продолжают действовать в более изощренной форме, но теми же самыми методами, отнимая детей из семей. По приблизительной статистике (хотя она очень неясная, в Испании пытаются это дело запутать) дело касается около 50-ти тысяч детей. А во время франкистского режима цифры, которые называются, — около 300 тысяч детей было украдено у матерей.

III СЪЕЗД РВС

Здесь важно отметить, что это не некая автономная испанская характеристика. В данном случае ювенальная юстиция также связана и с международными структурами. Например, в интернете есть свидетельства Эрик Мартина Ригеры, который с 1976 по 1979 год был членом рабочей комиссии, получившей лично от министра юстиции правительства Адольфа Суареса задание создать новый закон по защите детства. После того, как более 20 профессионалов работали в течение двух месяцев и создали закон и рекомендации, и по телевидению было рассказано, насколько важно при нашей новой демократии, чтобы граждане участвовали в создании таких законов, как семейные законы, закон был принят парламентом единогласно. Каково же было удивление членов этой рабочей группы, когда они увидели, что то, что было принято, гласило совершенно противоположное тому, что они написали в своей работе. Цитата Эрик Мартина: «Мы, например, настаивали на главенстве фигуры воспитателя. А закон говорил о фигуре неких политических комиссаров, точнее неправильно названных техников, чтобы заменить фигуру воспитателя, выставляя вперед силу Государства и его долг судиться с родителями».

Специалисты оценивают этот закон таким образом: «По всем критериям это был Закон о юридической незащищенности семьи, который закладывал торпеду на ее ватерлинии, чтобы покончить с ее интимностью и автономией. Он был уже принят до того, как попал в Парламент». И когда они обратились к министру за объяснениями, что же произошло, он пристыдил их за их наивность и сказал, что закон был уже отредактирован Интерполом в Шенгене для всей Европы, и что он был принят до того, как его передали в Парламент.

Есть и другие связи с международными организациями. И здесь, наверное, нужно упомянуть о случае печально известной колонии «Дигнидад», которая была в Чили. По окончании Второй мировой войны не все преступники были осуждены, и многие из них продолжили свою деятельность, интегрируясь в общество и продолжая разлагать его. Одной из таких организация была «Организация бывших членов СС», сокращенно ODESSA. Целью этой группы являлась помощь в уходе от преследова-

ния бывшими эсэсовцами путем переправки их в другие страны или на другие континенты. Например, в Африку и в Латинскую Америку. Пауль Шефер был одним из членов этой организации. Он создал в Чили организацию, которая называлась «Благотворительное и образовательное общество «Дигнидад» (достоинство)». Или, по-другому, Баварская Вилла. После войны вместе с баптистским проповедником Уго Баром он создал приют для вдов и сирот в Германии. Для этой деятельности он получил субсидию у государства.

Частное общество «Миссия» было сектой, которая создала на очень масштабном уровне механизм для поставки лидеру детей для сексуальной и иной эксплуатации. Когда немецкий суд начал преследовать Шефера, в 1962 году ему помогли переехать в Чили, где он создал эту колонию и перевез большинство членов секты, в основном, детей. Там он тоже получил субсидию от правительства. Находившиеся в колонии дети работали по 12 часов в день, подвергались физическим и психологическим наказаниям и пыткам, а также сексуальному насилию. Дети были полностью изолированы от внешней среды: у них не было ни календаря, ни газет, ни радио. Они не знали, что происходит снаружи. Одной из целей было предотвращение рождения детей, поэтому дети, во многих случаях до взрослого возраста, не знали, что заниматься сексом можно с кем-то другим, кроме самого Шефера. Широко использовались успокоительные таблетки и таблетки, которые снижали репродуктивные функции у девушек.

Здесь я хочу сказать, что многие организации, которые сейчас действуют или действовали в Испании, имеют очень сходные черты с этой структурой. Например, компания O'Belén, о которой много писалось и говорилось, имеет столько судебных исков за насилие, что комитет против пыток ООН обратился к испанскому правительству, выражая свою озабоченность в связи с нарушением O'Belén протоколов учета медикаментов, мер изоляции и в целом недостаточной прозрачности в ее деятельности. Здесь хочу отметить, что буквально несколько дней назад, благодаря антиювенальному движению и членам самой этой организации, которые изнутри свидетельствовали о том, что там проис-

закрывается. И это удачный пример борьбы родителей, родительского сопротивления против такого рода компаний.

Также члены колонии «Дигнидад» имели связи на высшем уровне. Они создавали сеть, которая покрывала их, которая состояла из политиков, судей, полицейских. Которых либо подкупали, либо шантажировали какой-то компрометирующей информацией. Также у нее была непосредственная связь с руководством операции «Кондор» в Латинской Америке. У них была специальная построенная контрольная башня, и шифровальную аппаратуру для этой связи поставляло ЦРУ. Об этом, например, свидетельствует Петер Корнблук, директор департамента Чили и Кубы Национального Архива Безопасности США. При всем этом Шефер был арестован только в 2005 году в Аргентине.

Операция «Кондор» также была печально известна тем, что одной из форм репрессий после военного переворота в Аргентине была кража детей у женщин, которых выкрадывали и держали в тюрьме. После рождения детей женщин убивали. Сейчас существует движение бабушек, которые до сих пор ищут своих внуков, потому что родители погибли. Многие из них уже найдены.

Еще хотелось сказать об организации, которая называется «Детские деревни SOS». Эта организация была создана сразу после войны Херманном Гнеймером, который прошел всю Вторую мировую войну с 1940 года по май 1945 года в рядах вермахта и по окончании войны, в мае, поступил в госпиталь с ранениями. После этого он сказал, что русский мальчик-сирота спас ему жизнь, и он решил открыть благотворительное общество для детей-сирот. Сейчас эти «Детские деревни SOS» входят в структуру ЮНЕСКО и являются членом правления комитета по неправительственным организациям ЮНИСЕФ и сопредседателем рабочей группы Комитета по делам детей, оставшихся без попечения родителей.

Немецкий доктор по современной истории в университете Инсбрука Хорст Шрайбер в книге «Обязаны к молчанию: Опыт из SOS-Деревень» анализирует структурные моменты в истории этой организации. И приходит к выводу, что структурными моментами являются репрессии и сексуальное насилие. Мы ви-

дим, что во всех этих случаях педофилия, сексуальное насилие и детская проституция являются одним из основных факторов.

С другой стороны, католический судья Хиль Хоце Саес Мартинес в 2015 году в своей работе «Историческое приближение к сексуальному насилию по отношению к детям» утверждает, что с наступлением демократии в Испании первыми вошли неправительственные организации, а конкретно UNICEF, Save the Children, «Детские деревни — SOS», ANAR и RODENI. Они пришли, чтобы защищать несовершеннолетних от насилия и для сохранения их достоинства. Однако же он свидетельствует, что «Настоящие изменения начали происходить в 1990-х годах, после того как Испания ратифицировала Международную конвенцию по правам ребенка в 1989 году. Практически в то же время вступил в силу закон, который заменял формулировку «преступления против достоинства» на новую формулировку, которая звучит так: «преступления против сексуальной свободы детей». А лоббировали этот закон все те же перечисленные международные НКО.

Эта формулировка была пересмотрена только через 10 лет, после того как судьи поняли, что эта формулировка не покрывает большинство случаев сексуального насилия. Я думаю, что после таких законов не стоит удивляться тому, что рассказывала Роза, и что практически невозможно осудить никого за педофилию и сексуальное насилие в Испании. В большинстве случаев, если мать обращается в социальные службы или в суд, чтобы подать заявление на насильника, ребенок отнимается у матери и отдается как раз насильнику. То есть сначала думали, что это были какие-то ошибки, но потом стало понятно, что это закономерность и что действуют так совершенно сознательно.

В заключение я хотела сказать, что во всех этих случаях мы видим, что присутствуют некие общие черты: насильственный отъем детей у матерей с низким доходом или из политической оппозиции, сексуальное насилие над детьми как система, принадлежность к некоей сетевой организации с нацистскими и фашистскими корнями, а также покровительство со стороны политиков, судей и полиции, прикрытие международных организаций.

III СЪЕЗД РВС

Одни не видят в нашей текущей борьбе с новыми, навязываемыми человечеству формами жизни именно коммунистического движения. Другие критику буржуазного перерождения семьи и брака принимают за критику самой семьи, в итоге смотрят на союзника как на врага

Защита семьи — защита человечества

Выступление Александра Коваленина и Владимира Терентьева

Мы — организация защиты семьи. Мы защищаем отнюдь не чьи-то частные права — родителей или детей, а саму семью, то есть живые отношения между людьми. Причем отношения сущностно человеческие. Родная семья — именно то место, где человек получает опыт подлинно человеческих отношений, тем самым усваивая свою человеческую сущность.

Семейные отношения, как это сформулировано даже в законе, основаны «на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов». Они строятся на желании всеми членами семьи своей нераздельной общности. Этим они фундаментально противоположны отношениям гражданским, то есть (по учебнику) «основанным на автономии воли и имущественной самостоятельности участников». Иначе говоря, отношениям чужих людей.

Принципиальный, вечно актуальный вопрос в развитии человечества — это вопрос о расширении отношений родственных, братских и о преодолении отношений отчужденных. То есть с одной стороны — вопрос о возрастании самого человека в любви и заботе о ближних, о расширении любви и заботы в самом обществе. С другой — вопрос о преодолении всяческого отчуждения. И снова как в себе, так и в борьбе с теми, кто сеет разделение.

Это фундаментальная борьба единения людей с их разобщением, движения соединяющего с разъединяющим. Фундаментальное противостояние — обобществления и отчуждения, любви и эгоизма. Божеского и дьявольского.

На одной стороне этой противоположности — подлинная жизнь личности, которая (в советской парадигме) состоит не в замыкании на себе любимом, а в счастье отношений с другими людьми — в том единстве, что возникает между ними, посреди них. На другой стороне — состояние смертельного одиночества, вытесняемое страстью обладания, потребления.

Предметом чаяния всех крупных восходящих движений, как бы по-разному они ни выражали эту свою мечту, является преодоление границ семьи. Но не уничтожение семьи и сущности семейных отношений, как это неверно бывает понято. А защита их подлинной сущности и их расширение за пределы семьи — на общину, на свое Отечество, в идеале — на всё человечество, когда уже все люди, как одна семья.

В стремлении к этому, как убедительно демонстрирует наша практика, всегда вместе, на одной стороне —

— и те, кто чаёт воскресения мертвых и царствования праведных со Христом (см. Откр. 20)

— и те, кто жаждет приближения «общественного человечества», в отличие от разобщенного «гражданского общества» (см. 10-й тезис Маркса о Фейербахе).

И те, и другие неустанно участвуют в этом движении, в этой каждодневной борьбе:

— и в борьбе за себя самого, чтобы быть достойным места в таком будущем,

— и в «брани <...> против мироправителей тьмы века сего» (Еф. 6:12).

Но само это великое движение возможно только с теми, кто уже вкусил

Владимир Терентьев

опыта таких отношений. А такой опыт вырабатывается в первую очередь и самым естественным образом именно в семье, причем независимо от любых внешних воздействий на нее. Родная мать не может не давать своему ребенку примера радостной, бескорыстной заботы. Супруги, пока жива любовь, не могут не прощать друг другу обиды и недоразумения. Естественная многодетная семья не может не давать детям опыта взаимной поддержки и ответственности. Поэтому разрушить семью — значит разрушить фундамент, на котором человечество получает возможность восходить к своим самым заветным чаяниям.

Этим разрушением и занят наш общий «сопротивник», враг рода человеческого. Его идеал прямо противоположен нашему — не обобществленное человечество, а человечество атомарное, раздробленное на отдельных самодостаточных и самодовольных индивидов, незащищенных родственными или духовными узами от хищных интересов века сего.

Его клеветы называют Семейю, как и Отечество, тоталитарными общностями, и потому всё, что может объединять людей — любая идея, идентичность, общность, — им ненавистны.

Они создают и расширяют сектор контролируемого человечества, где отношения между опекунами и детьми опосредованы деньгами и не защищены от вмешательства.

Они пытаются регламентировать отношения между супругами, между родителями и детьми. Они строят барьеры между родственниками. Поощряют публичные жалобы на чужую жизнь и запрещают родным прощение. Игнорируют и даже умаляют родственные отношения, отстраняют родителей от представления интересов детей в пользу чужих для семьи людей, специалистов со своими интересами.

Они видят все мутации современно-го посткапиталистического общества, но, в отличие от нас, призывают не сопро-

тивляться, а приспособляться к идущим процессам распада.

Мы же выбираем сопротивление! И радостно, что в этом сопротивлении, в деле защиты семьи разные части общества выступают единым фронтом, в неформальном союзе. Несмотря на различия в нюансах конкретных предложений, мы с ними одинаково радуемся всему, что укрепляет живые человеческие чувства, и негодуем против того, что их разрушает. В то же время, с каждой стороны этого единства есть те, кто не понимает, что мы союзники, потому что не видит в нашей каждодневной работе ее общего предельного смысла.

Одни, мечтая о коммунизме, не видят в злобе каждого дня, в нашей текущей борьбе с новыми, навязываемыми человечеству формами жизни именно коммунистического движения. Хотя основоположники коммунистических идей своим примером учили: каждую форму современной жизни оценивать с точки зрения исторического движения — какие отношения между людьми она производит, и поэтому движет ли общество вперед или назад.

Другие критику теоретиками коммунизма буржуазного перерождения семьи и брака, превращения семейных отношений в отчужденные, извращенные принимают за удар по самим семейным отношениям, в итоге смотрят на союзника как на врага. Тогда как на самом деле речь идет о том же противопоставлении, которое ярко видно из сравнения нынешнего Семейного кодекса с его советским предшественником.

В советском «Кодексе о браке и семье» 1969 года семейное законодательство ставило себе задачей «содействовать окончательному очищению семейных отношений от материальных расчетов... созданию коммунистической семьи, в которой найдут свое полное удовлетворение наиболее глубокие личные чувства людей». В контрасте с этим и в соответствии с «духом времени», в Кодекс 1990-х вошли сразу три отчетливо гражданско-правовых идеи:

1) «брачный договор»; 2) «опека по договору», называемая, вопреки гражданско-правовому характеру отношений опеки, «приемной семьей»; и даже 3) материнство по договору, при котором родительница называется «суррогатной», а материнство переходит к заплатившей деньги.

Мы видим в этом движение в противоположную нам сторону, в царство отчуждения. Идеологически — в сторону Запада. Движение назад, которое современные учебники права называют прогрессивным, потому что оно укладывается в парадигму приоритета «прав человека» в семейной жизни. Между тем, важно знать, что на международном уровне, на заседаниях ООН, «правочеловеческий» подход еще не победил «семьезащитный». И, вопреки позиции США, Великобритании, Франции, Германии и еще десятка стран, в 2015 году ООН проголосовала за Резолюцию именно о защите семьи.

Конечно, реальные отношения в конкретной семье бывают разными. Они находятся между полюсами любви и отчуждения и в зависимости от близости к тому или другому полюсу являются больше семейными или больше гражданскими. Семейный корабль может прибыть к полюсу отчуждения и распасться. Но семья в целом, как институт, держится не на гражданских отношениях, а на семейных. На любви, а не на расчете и договоре. И этот институт остается устойчивым, пока в обществе в целом не оскудела любовь. И поэтому естественно, что семейные отношения укрепляются в солидарном и альтруистическом обществе, и наоборот — разрушаются в обществе конкурентном и индивидуалистическом. И пока семья остается устойчивым естественным институтом, она не нуждается в регламентации, а нуждается в защите. Защите от вмешательства, защите от отчуждения, защите от расчеловечивания.

Это защита подлинно человеческого и, значит, в целом человечества.

Отечественный подход к проблемам женщин, семьи и детства

Выступление Жанны Тачмаедовой

Мария Мамиконян: Жанна Тачмаедова — эксперт и активист Петербургского отделения РВС, клинический психолог.

Здравствуйте, дорогие друзья! Я хотела немножко рассказать о том, как создавались новые формы отношений между семьей и государством в Советской России. Почему эту тему мы выбрали? Потому что сейчас страна наша и наше общество находятся на перепутье. Мы 25 лет очень старательно копировали западные принципы отношения к семье, к человеку, к тому, как должно быть устроено общество. Мы уже многое разрушили и во многом от собственной самости отказались. Но все-таки не до конца, и не пошли на разрушение семьи, хотя общественное устройство очень сильно изменили.

Но вот этот отказ от самости — он порождает стратегическую растерянность: мы не понимаем, кто мы такие, куда мы идем, какой должна быть наша российская семья, какими мы должны воспитывать своих детей, для чего воспитывать детей. И мы много говорим о традиционной семье, при этом не очень даже и понимаем, что это такое, о традициях какой эпохи мы вообще ведем речь.

Вот в похожей ситуации Россия оказалась и сто лет назад, в эпоху революционных преобразований. Надо сказать, что в дореволюционные годы образ традиционной семьи был серьезно нарушен развитием в России капитализма. Что произошло? Когда стало возникать огромное количество фабрик и заводов, они стали требовать большое количество женского труда. Женский труд был дешевым, и поэтому женщин очень много нанимали на работу. В крупных городах от 40 до 70 процентов женщин работало на заводах. То есть они работали по 12–14 часов в день, они совершенно не могли уже заботиться о своих детях. Не было никаких детских садов, не было отпусков по уходу за ребенком. Женщина до последних дней беременности должна была находиться на заводе, стоять у станка. Как только она родила, она чуть ли не следующий день должна была идти на завод. Потому что либо она шла работать, либо ее увольняли.

О какой традиционной семье может вообще идти речь, если с первых же дней рождения ребенка мать о нем не заботится — ребенок просто не видит мать и не видит отца. Маленькие дети очень часто оставались дома одни, очень высока была детская смертность. То есть говорить о том, что это была традиционная семья, очень трудно.

Ну, а с началом Первой мировой войны то же самое начало происходить не только в городах, но уже и в селах, потому что огромное количество семей лишилось кормильцев и женщины пошли работать в поля, пахать. Голод гнал людей в город, то есть юноши и девушки шли в города, покидали свои родные семьи, вот эти свои традиции. Дальше тоже шли на заводы. Очень сильно — это многими тогда отмечалось — были разрушены моральные устои. Например, огромное распространение получила проституция, и она была даже узаконена. Поэтому, еще раз, вопрос такой: а что же такое традиционная семья в нашем понимании?

Мы видим, что общество к началу XX века претерпело сильные изменения,

а изменения в общественном устройстве страны очень сильно влияют на то, как функционирует семья, на отношение к семье.

Пришедшие к власти большевики начали менять и общественные отношения, и экономические, и, естественно, отношение к семье тоже стало меняться. Но оно менялось не сразу. Надо сказать, что это была эпоха глубочайших изменений общественных, и очень было много споров вокруг того, какой должна быть эта новая советская семья. Нам кажется, что этот опыт — та форма отношений семьи и государства, к которой они в результате пришли, — она представляет собой чрезвычайно интересный для нашего сегодняшнего времени, потому что наше время тоже переломное.

Оказалось, что большевики смогли найти тот самый альтернативный путь, отличный от западного. Он был отличен от западного, и в то же время это был прогрессивный путь. Большевики смогли найти механизм укрепления и поддержки семьи. Чтобы было понятно, о чем речь, мы решили сделать сравнительные таблицы: что было в дореволюционную эпоху, что сделали собственно большевики, то есть вот эту форму семьи, которую они создавали, отношения государства и семьи — и то, что сейчас у нас есть.

Образ семьи в дореволюционной России. Это большая такая многопоколенная семья, многодетная, но она уже постепенно теряет свою общинность и патриархальное устройство. На первый план уже выходит все-таки парная семья.

Какие факторы укрепляли семью? Были внешние факторы. Юридический — например, разводы очень трудны были, только в крайних случаях. Фактически разводы были запрещены. Это удерживало супругов от разводов в очень серьезной степени.

Дальше — серьезная материальная зависимость супругов друг от друга. Женщина понимала, что она не может прокормить своих детей и даже себя без мужа. Поэтому она и подумать не могла о разводе, как бы этот муж, например, над ней ни издевался (если мы говорим о каких-то крайних вариантах).

Это факторы внешние. Есть еще внутренние, духовные. Что еще скрепляло се-

мью? Муж и жена спасаются вместе. Они учатся любить и возрастают в любви к богу. Этот фактор тоже уже к началу XX века начинает постепенно ослабевать, потому что растет светское население, а браки до сих пор в основном регулируются церковными установлениями.

Степень зарегулированности семьи государством минимальна. Женщины остаются бесправными. Государство о детях фактически не заботится. Есть отдельные законы... конечно, если родитель убил ребенка, государство начинает вмешиваться, но в целом государство не вмешивается в детско-родительские отношения совсем. И в отношении между супругами.

Теперь мы посмотрим, какой образ семьи создавала и транслировала советская власть на ранних этапах своего установления. Семья — это ячейка общества. То есть сохраняется парная семья — муж, жена, дети, — но одновременно провозглашается, что семья — это ячейка общества, это часть коллектива, общины. Только эта община — уже не та патриархальная православная община, которая еще сохранялась до революции в какой-то глубинке, не тронутой капитализмом. Это другая община, это община не родственных связей, а производственного коллектива. Но при этом парная семья родственная — мать, отец и дети — она сохраняется.

По поводу факторов, укрепляющих семью. Внешние факторы большевиками целенаправленно сводятся к минимуму.

О чем речь идет? Тут очень важно понять, что такое свободная любовь. Большевики говорили о том, что любовь, брак должны быть полностью освобождены от каких-то материальных обусловленностей, от какой-то корысти. Очень много заключалось браков по корыстным соображениям. Мужчины искали женщин с богатым приданым, из хорошей семьи. Женщина тоже оставалась со своим мужем просто потому, что она без него не могла выжить. Они говорили о том, что вот это — не свобода, а мы хотим, чтобы любовь была освобождена от всех этих корыстных, насильственных мотивов, которые толкали людей друг к другу. И поэтому они говорили о свободной любви.

Мы все слышали антисоветские мифы о том, что большевики разрушили брак, провозгласили свободную любовь. Но они говорили о свободной любви не в том понимании, в каком мы сейчас это понимаем — как свободные половые отношения. Нет. Они говорили о свободной любви именно как об освобожденной от всех материальных соображений.

Следующий антисоветский миф — о том, что большевики отменили церковный брак. То есть отменили обязательность церковного брака. Но его не запретили. Большевики говорят о том, что упрощается процедура заключения брака — она утверждается актом гражданского состояния в загсе... и упрощается процедура развода. Но не для того, чтобы разрушить брак как институт. Это — исключение факторов насильственного удержания семьи. Если мужчина и женщина любят друг друга, они остаются в браке. Они не должны оставаться в браке только потому, что им запрещено разводиться.

Надежда Крупская говорила: «Советское же законодательство строит брачные отношения совершенно на новых основах пролетарского воззрения на брак и создает брачное право, которое способно положить начало установлению совершенно иных отношений между мужчиной и женщиной, чем те, которые созданы буржуазным брачным правом, способно углубить и очеловечить эти отношения, положить конец всякой продажности». Вот для чего делали законодательство более либеральным.

«Советское законодательство признает единобрачие нормальной формой семьи...» Никто брак не отменял. Брак оставался как самый важный институт семьи.

Сохранялись формы так называемого сожителства. Но такое явление, как сожителство, — оно существовало ведь и в дореволюционной России. Это все понимали и все знали. Только большевики решили облекать это еще в юридические некие формы. Для чего? Не для того, чтобы разрушить брак, а для того, чтобы защитить детей. Потому что раньше, по законодательству, дети, рождавшиеся в таком сожителстве, не имели никаких прав. А большевики решили узаконить также и эти отношения, чтобы дети, рождавшиеся в сожителстве, имели право на воспитание, на содержание свое.

Поэтому да, конечно, были некие размышления той же самой Александры Коллонтай, которая говорила о том, что «а что, если человек — мы уберем все эти бытовые, материальные, корыстные интересы из семьи... что, если человек тогда возрастет так духовно, высоко, что уже и не нужно будет оформлять юридически никакой брак. Они сами будут регулировать свои отношения, потому что они уже очень сильно возросли духовно». Она говорила, что, может быть, нам и не понадобится брак как оформленные юридическое. Может быть, в будущем, в коммунистической семье, это не понадобится. Но это были ее отдельные, что называется, мечты о будущем.

А политика партии была другой. Потому что политика партии семью сохранила как институт, брак как институт сохранила.

III СЪЕЗД РВС

Окончание. Начало — на стр. 19

Потому что была еще в 20-е годы... уже развернута пропаганда по образу советской семьи. В женских журналах — издаваемых под эгидой партии — рассказывалось о красных свадьбах так называемых. О том, как на очередном заводе торжественно сочетались браком та-то и тот-то, о том, какой был торжественный ритуал, как весь завод радовался... Одновременно очень настоятельно рекомендовалось все-таки обязательно всегда регистрировать брак. Потому что это лучше, это защитит детей, защитит женщину, и вообще это правильно. И активно пропагандировалось половое воздержание. То есть отношения промискуитета осуждались резко. Вот это была политика партии. У нас же любят брать отдельные фразы, вырванные из контекста, и показывать: «Смотрите, как большевики хотели разрушить семью».

То отношение к семье, которое они провозгласили, — оно... Они что делали? Они искали духовные основания для существования брака. Они именно для этого и либерализовали это законодательство. Духовный фактор — первый: мы изыщем из отношений человеческих всякую материальную обусловленность, всякие юридические принуждения, и это возыскают людей духовно, это соединит их друг с другом крепче.

Второй фактор — тоже духовные основания, укрепляющие семью: это общая цель. Говорилось о том, что семья — это ячейка общества, которая работает на благо общества, на построение благого общества, на построение коммунизма, на борьбу с капитализмом. Семья: отец и мать — они должны воспитывать нового человека. Это есть некая цель, которая вне семьи и которая их скрепляет. Это очень укрепляющий фактор, когда у мужа и жены есть одна общая высокая цель благородная.

Исходя из таких взглядов на то, что такое семья и что такое общество, очень хорошо понятно, почему большевики столь негативно относились к феминизму. Это, кстати, еще один миф, о котором нам говорят, что большевики поддерживали феминизм, что они его в России и «развели», что называется. Но на самом деле они очень резко отрицательно относились к феминизму. При этом они говорили об эмансипации женщин, действительно. В чем, собственно, отличие? А отличие именно в том, что они хотели освободить женщину. Убрать вот эти бытовые факторы какие-то... пытались создать например общие столовые, чтобы женщины не должны были каждый день готовить еду. Будет община какая-то, в которой женщины по очереди готовят для всех. То есть освободить от кухонного рабства. Дать ей такую же зарплату. Дать ей равные юридические права. Но опять же — для чего? Для того, чтобы она вместе с мужчиной могла строить новое общество.

Феминистки — они сталкивали мужчин и женщин друг с другом. Они все время призывали к тому, что надо освободиться от рабства мужчин. А вот смотрите, ответ большевичек феминисткам на одной из конференций, всё очень точно отражающий. Это в журнале «Работница», 1918 год еще: «Мы теперь имеем равные права со своими мужьями, отцами, братьями и сыновьями на труд, на дальнейшую борьбу с нашим общим врагом — капиталом. И напрасно милые барышни — это они отвечают феминистке, которая только что выступила, — *напрасно милые барышни приходят и призывают голосовать за список, где одни только женщины. Работницам с вами не по дороге. Работницы отдают голоса свои пролетарской партии большевиков, где мужчины и женщины, как по списку, так и в революционной борьбе идут сомкнутым строем*». Большевикам нужно было консолидировать общество. Им нужен был коллективизм. А феминизм — как современный, так и тогдашний, — раскалывал

общество и раскалывал семью, настраивал мужчин против женщин, женщин против мужчин. Россия и тогда нашла прогрессивный путь, свой собственный путь развития, не западный, а свой собственный.

Исходя из общей цели, они, конечно, подходили к заботе о детях. В первые годы советской власти стали создаваться ясли и детские сады. Причем ясли и детские сады устраивались прямо при заводах. Теперь женщина, даже если она работает, могла прийти и пообщаться с ребенком, покормить ребенка. Были отчеты такие: в таком-то городе столько-то детских садов открыто. Детей там бесплатно кормили, за ними ухаживали. То есть говорить о том, что большевики создали детские сады, чтобы разрушить отношения между детьми и родителями, нельзя — это неправда, на самом деле — наоборот, они поддерживали эти отношения. Если раньше женщина оставляла маленьких детей одних, они там ползали в пыли, никому не нужные, то теперь государство стало о них заботиться, их защищать, их бесплатно кормили. Женщинам стал даваться отпуск по уходу за ребенком. Восемь недель до рождения, восемь недель — после. Та же самая Александра Коллонтай, про которую говорилось, что она феминистка, — она была противницей феминизма тоже.

Миф о том, что большевики одобряли аборт, — это тоже абсолютно не имеющий отношения к действительности миф. Они не одобряли аборт. Они к ним относились очень плохо. Но просто они понимали, что репрессивные меры, как это было в царской России, — уголовное наказание за аборт, — не работают. Потому что женщины все равно делали аборт, но они делали их кустарно, в каких-то подвалах и так далее. Они часто погибали или разрушали здоровье. Что сказали большевики? «Хорошо, тогда давайте так. Вы будете приходить в больницы, и там вам квалифицированный специалист будет делать аборт».

Но борьба с абортами шла при этом в другом ключе. Вот цитата из Николая Семашко: «Целесообразными методами борьбы с абортами должны быть признаны: усиление деятельности учреждений по охране материнства и младенчества (дома матери и ребенка, ясли, приюты, консультации); последовательное проведение улучшения положения беременной во всех отношениях — производственном, бытовом, жилищном».

То есть они действительно всё это делали. Они поддерживали, они создавали такие условия женщинам, чтобы они не делали аборт. И одновременно была пропаганда о вреде абортов. Я специаль-

но изучала женские журналы того времени. Там постоянно говорилось о том, что аборт — это плохо, это плохо, это плохо.

Каковы были отношения семьи и государства в советской республике? Большой акцент — на просветительской работе. Что-то не так, как им кажется, происходит в семье — они просвещали матерей... Очень много статей о том, как заботиться о детях, как их лечить. И государство действительно взяло на себя заботу о детях. И поэтому степень государственного регулирования семьи и детско-родительских отношений была умеренной. Потому что больше был акцент на просветительство. И опять же, если идет речь о консолидации общества... того, что сейчас происходит, — размежевания детей и родителей, когда детей и родителей настраивают друг против друга, — большевикам не нужно было. Им нужно было консолидировать общество. Поэтому они не вторгались в семью.

Вот мы посмотрим сейчас образ современной России. Что такое семья, становится не очень понятно. Границы семьи размываются. Есть парная семья, но при этом говорится об однополых браках, о платном родительство, гостевых семьях. И все это называется семьей.

Факторы, укрепляющие семью. В принципе, внешние факторы все ослаблены. Супруги уже материально могут быть друг от друга очень независимы. Законодательство либеральное в отношении разводов. И родители-одиночки могут воспитывать детей совершенно спокойно. Внутренний фактор... действительно, очень сложно назвать его духовным. Это детоцентризм. То есть целью и смыслом существования семьи становятся дети. «Мы живем вместе ради детей. Мы бы развелись, но дети — это... мы живем вместе ради них». Это семья в современном обществе потребления. Мы смотрим, как общественное устройство влияет на то, что происходит с семьей, на то, как функционирует семья. Если семья не имеет общей осмысленной цели своего существования, как это было в дореволюционной России, — стремление, возрастание к Богу, приближения к Богу — или в советской семье, когда мы строим вместе благое общество, когда цель вне семьи и выше семьи, есть куда развиваться и стремиться... То тут — что должен сделать современный человек, когда ему говорят, что смысл жизни — это потребление?

Получается два варианта. Первый — это то, что мы всё отдадим своему ребенку. Он станет целью и смыслом нашей жизни. Мы всё ему принесем. А это, кстати говоря, очень нездоровая форма семьи. Там очень трудно вырастить психологически здорового ребенка. Потому что он вырастает инфантильным, очень эгоистичным,

когда он — центр семьи. Ну и, кроме того, это тоже весьма слабый фактор, потому что уровень разводов у нас очень большой, и этот фактор никак не спасает, потому что все понимают, что детей можно любить и заботиться о них вне брака.

И второй вариант существования в таком обществе потребления — это то, что самое главное, — это карьера и комфорт и улучшение своего собственного уровня жизни. Если карьера — это главный смысл жизни, то семья и дети — они мешают уже. В результате мы видим растущую атомизацию общества. А если сказать честно, русским языком, то это распад общества.

Кстати говоря, отсутствие детоцентризма — оно как раз объединяет и православно-патриархальную семью, и советскую коммунистическую семью. Потому что в патриархальной семье центром семьи является отец семейства, и есть какая-то общая цель, которая не позволяет сконцентрироваться на ребенке. И в православной, и в коммунистической семье говорится о коллективизме. Во-первых, в православной семье много детей. Ребенок уже неизбежно растет в коллективе. Дальше, действительно, если это семья общинная, то коллектив еще больше. И в этом смысле большевики... их взгляд на семью, на воспитание детей, на то, в какой среде они должны расти, — очень здоровые и очень схожие с такой православной традиционной семьей.

Когда смыслом жизни общества и человека становится потребление и извлечение прибыли, тогда что получается? Тогда семья становится средством извлечения прибыли. О том, как это делается, как разрушение семьи приносит прибыль, тут уже много говорили, я не буду на этом останавливаться.

И понятно, что когда семья становится средством извлечения прибыли, а не заботы, то уровень, степень регулирования семьи, детско-родительских отношений становится абсолютным. Вместо семьи идет тотальный контроль и отрицательное отношение к семье. Что бы в ней такое выискивать неблагоприятное.

В результате я хотела общие черты выделить, что не позволило большевикам скатиться ни в ювенальную юстицию, ни в феминизм, ни в разрушение семьи. Это те самые вещи, которые существовали, в принципе, и в патриархальной, православной семье, в дореволюционной. Это, во-первых, наличие какой-то общей высшей цели, причем не только для семьи, но и для всего общества. Второе — это коллективизм. А третье — это нестяжательство. Мы сегодня от этого всего отказались — и вот где мы оказались.

Спасибо.

«Беби-боксы» как проект изменения морально-нравственных норм в обществе

Выступление Анастасии Большаковой

Мария Мамиконян: Анастасия Большакова, Московская организация РВС.

Здравствуйте, уважаемые гости съезда. Здравствуйте, товарищи. Здесь уже про «беби-боксы» было много сказано, я хочу только подчеркнуть основной конфликт спора о «беби-боксах». Основное свойство «беби-бокса» — это анонимность. Наши оппоненты говорят о том, что анонимность поможет спасти жизнь ребенку. Мы с этим спорим и говорим, что это не так, по двум причинам. Первая причина состоит в том, что эта анонимность мнимая, потому что матери, которые хотят, для которых анонимность выше, чем жизнь их детей, она для них настолько важна, что они не несут детей в «беби-бокс». Им же нужно пройти, не только вынести ребенка из квартиры, им нужно его пронести через ворота больницы, в которой стоит «беби-бокс», и там везде есть камеры, они их не носят. Более того, я изучала протоколы по 106 статье Уголовного кодекса — «Убийство матерью новорожденного ребенка», и я могу сказать точно, что матери убивают детей прямо на месте родов: в своей квартире или еще где-то. К сожалению, эта «анонимность» не работает. Но есть и вторая причина: анонимность «беби-боксов» открывает широкое поле для криминала, причем самого черного. И этот криминал, ворота ему открывает у нас Закон об актах гражданского состояния, по которому любой подкинутый в специализированное место для ненужных детей младенец, даже похищенный у своих родителей, окажется безродным в течение семи дней, после чего с успехом может быть усыновлен в течение одного месяца, с переменной имени, фамилии, а также даты и места рождения. После этого ребенка найти невозможно.

Что говорит Генеральная прокуратура по поводу ювенальной юстиции, вы сегодня видели в ролике, они ювенальную юстицию не видят. Но на местах прокуратура работает честно. Например, в Ставропольском крае наши активисты недавно с удивлением обнаружили новое явление, которое породило вот этот спор по поводу «беби-боксов». Некий руководитель НКО выложил на канал в YouTube видеоролик, в котором он снимает крыльцо и дверь вот этого своего НКО и предлагает женщинам принести своих детей и подкладывать под эту дверь. Причем он говорит, что он будет стирать все видеозаписи с камер, никто их не найдет, этих женщин, и что о детях он будет заботиться так же, как он заботится о прибранных кошках, которых тут же и подкармливает, возле этой двери. Наши активисты обратились в прокуратуру с целью прояснения этой проблемы, на данный момент они ожидают ответа. Но в переписке с прокуратурой всплыла интересная вещь: в Ставропольском крае действуют три «беби-боксы», и один из них работал в городе Буденновске. Прокуратура ответила следующее: что в августе 2016 года была проведена проверка, и главврачу было внесено представление о том, что «беби-бокс» должен быть закрыт, так как он нарушает федеральное законодательство. Также прокуратура считает, что с сентября 2016 года этот «беби-бокс» не действует. Что же говорят местные ставропольские чиновники по этому поводу? Вот фрагмент интервью уполномоченного

по правам ребенка в Ставропольском крае Светланы Адаменко от 29 марта 2017 года:

«По информации того же руководителя медицинского учреждения, действительно, осенью прокуратура направляла предписание о том, чтобы закрыть «беби-бокс», мотивируя тем, что именно «беби-бокс» является поводом и угрозой террористических актов на территории медицинского учреждения. Знаю, что был ответ руководства медицинского учреждения в прокуратуру о том, что «беби-бокс» существует на основании договора с Общественным фондом поддержки населения Ставропольского края, что сохраняется принцип анонимности, что само учреждение имеет паспорт безопасности, который утверждается у нас МЧС. В этой связи руководством медицинского учреждения не принята установка прокуратуры о том, чтобы закрыть «беби-бокс», как и повод для угрозы террористических актов как таковых. Там еще про Пятигорск, я читала, решается вопрос, ничего не решается. Они везде действуют».

Я переведу на русский язык: чиновница сказала, что они чихали на мнение прокуратуры, они прикрываются фигурным листком некоего паспорта, который они разработали на месте, и считают, что их террористические акты не коснутся. Что думает по этому поводу местная прокуратура, особенно в связи с недавними событиями в Ленинграде, наши активисты сейчас выясняют.

Сейчас, на данный момент, «беби-боксы» не узаконены. В Государственную думу внесено три законопроекта, один из которых разрешает «беби-боксы» на всей территории России, другой — запрещает на всей территории России и налагает штраф на тех, кто их использует, а третий законопроект был внесен в марте этого года, совсем недавно, Оксаной

Пушкиной, журналисткой, теперь она уже депутат Государственной думы. По этому законопроекту отдают право решать регионом — нужны им «беби-боксы» или не нужны.

Можно подумать, что эти люди, которые так хотят эти «беби-боксы», действительно заботятся о детях, они им сострадают и так далее. Но я бы хотела показать некий морально-этический портрет конкретно Оксаны Пушкиной, а для этого приведу фрагмент интервью, которое она давала в марте 2016 года в прямом эфире радио «Наше Подмосковье», когда работала уполномоченным по правам ребенка:

«Вот приходят женщины, не могут сами родить. А сколько ко мне ребят приходят, вот говорят:

— Слушай, по блату, так хочу ребенка усыновить!

Пришел врач, доктор, очень известный врач, говорит:

— Жена не может, хочет очень ребенка второго, у вас там нет?

Я говорю:

— Ну, конечно, давай посмотрим.

То есть вот такие просьбы тоже есть от людей. Почему мы не должны поставить этот «беби-бокс», и чтобы ребенок вот не погиб, а попал в хорошие руки?»

Оксана Пушкина либо не понимает, либо не стесняется, что она здесь признается, что она превышает должностные полномочия: будучи уполномоченным по правам ребенка, она не имеет права устраивать детей-сирот, у нас имеют полномочия только органы опеки для этого. Но это же, примерно, то же самое перенесено в проект, который она подала 27 марта этого года. Я зачитаю цитату из пояснительной записки:

«Вместе с тем следует учесть, что отказываются именно от нежеланного ребенка, в связи с чем возникает вопрос:

насколько последнему в условиях безнадзорности безопасно проживать в такой семье, где его не любят, не воспитывают, либо проявляют в отношении него насилие».

Они используют термин «безнадзорность». При этом мы точно знаем, что те дети, которых в «беби-боксы» кладут, они в большинстве своем ухоженные, с ними вместе кладут комплекты одежды, питание, продукты, записки, в которых матери, обливаясь слезами, говорят, что они просто не могут их вырастить, не могут их содержать.

То есть они уже записывают всех этих детей в нежеланных, которых не любят, и которых, может быть, даже насилуют. Еще одна проблема с этим законопроектом состоит в том, как они аргументируют почему нужно отдать на откуп регионам решение о том, нужны «беби-боксы» им или нет. Они это аргументируют «культурными или иными местными традициями».

А у меня вопрос: разве какой-то регион нашей страны имеет культурную традицию отказываться от детей? По-моему, нет.

И еще одна проблема, если посмотреть, кто подписывался под этим законопроектом, то обнаружится, что его подписали депутаты Ставропольского края, Краснодарского и Ростовской области. В основном, они. Значит, эти регионы в «беби-боксах» заинтересованы. И я хочу напомнить, что эти регионы находятся на границе с Украиной, а с Украины к нам приходят очень неприятные вести. Вот совсем недавно была новость о том, что были задержаны торговцы органами. Хотим ли мы развития такой семейной политики у нас в стране? Я думаю, что нет. И я призываю мобилизоваться, нам еще придется бороться с «беби-боксами».

Спасибо.

III СЪЕЗД РВС

Создающиеся конфликтные комиссии служб медиации «заточены» именно для умножения, «размножения» деструктивных отношений как в детской среде, так и в среде взрослых

«Почти как люди». Подмена воспитания ювенальной юстицией

Выступление Надежды Храмовой

Сколько схваток с ювенальным фашизмом у нас уже было, сколько атак мы отбили, какой нелегкой ценой это нам удастся... А вот поди ж ты, опять новую беду несут ювенальщики нашим детям, нашим семьям, всему нашему обществу.

И зачастую, а вернее, всегда новые хитросплетения имеют такую благовидную формулировку и, говоря об одном, имеют в виду другое. Но мы уже перестали доверять словам врагов и видим суть.

Совершается еще одна коварная подмена: вместо возрождения воспитательной работы в школе готовится «судебно-правовая реформа», в ходе которой учителя будут окончательно отстранены от возможности формировать нормальные, дружные, нравственно ориентированные отношения как в отдельных классах, так и в школьных коллективах в целом.

Вместо этого, отношения между учениками (а также и детско-родительские отношения) будут регулировать школьные психологи-медиаторы, которые должны выстроить свою работу как систему взаимодействия не только с органами опеки, но и с другими организациями по защите прав и интересов детей (это комиссии по делам несовершеннолетних, но и всевозможные общественные фонды, ассоциации и другие сомнительные грантополучатели). Опять мы видим ювенальные технологии: выделение прав детей как особо значимых, в противовес правам взрослых: родителей и педагогов. И полное отсутствие каких-либо обязанностей со стороны детей по выполнению дисциплинарных и этических норм поведения. И это неслучайно.

Создающиеся конфликтные комиссии служб медиации «заточены» именно для умножения, «размножения» деструктивных отношений как в детской среде, так и в среде взрослых.

История такова: сначала нам доказывали необходимость изгнания всякого воспитания из стен школы, потому как советское. Потом спровоцировали хаос отношений, так как правил поведения для учеников, их обязанностей в уставах школы нет. А затем развернули широкомасштабную ювенальную борьбу за права неуправляемых детей и подростков. Как в русской народной сказке: лиса съела тайком курочку, а теперь за курочку давайте мне девочку. Вот такая циничная наглость.

Службам медиации не нужно конструктивное, мирное, педагогическое разрешение межличностных проблем учеников. Их задача — как можно сильнее раздуть пожар ссор, придать им антагонистический, медийный характер — мол, педагоги не умеют воспитывать, и родители ничего не умеют — и панацеей объявляются ювенальные технологии повальных судебных разборок с первого по одиннадцатый класс, как на суперпродвинутом Западе.

Службами медиации выстраиваются аморальные технологии. Нашим детям на-

вызывается порочная ментальная установка — «война всех против всех». Поставлена цель уничтожения архетипических свойств нашего народа — коллективизма, братства, соборности, милосердия и великодушия. А ведь это именно те качества, благодаря которым наш полиэтничный народ всегда проявлял чудеса исторической выносливости, благодаря которым Россия стала союзом братства и взаимопомощи. И если ювенальщикам удастся провести эту зловещую психологическую диверсию по агрессивной атомизации менталитета молодых поколений, то внешним врагам, которых у России предостаточно, будет очень легко завоевать и наши ресурсы, и наши территории.

Первыми разрушать менталитет российского народа начали СМИ, мы это хорошо помним. Передачи «Слабое звено», «Последний герой» нагло внедряли в сознание молодежи вирус предательства. И надо сказать, им многое удалось.

Представьте, в кого превратятся наши дети, если их будут учить не дружбе, не сотрудничеству, не лицейскому братству, а сутяжничеству и доносам! Будет разрушено духовно-нравственное ядро личности новых поколений российских граждан. Честь, совесть, взаимовыручка, верность слову и долгу будут растоптаны в их сердцах. И над всем этим будет торжествовать ювенальная юстиция, формализм и псевдозаконная ненависть. Однажды мы это уже остановили и не позволили ювенальной юстиции состояться в России через создание ювенальных судов, и теперь она с помощью внутренних врагов страны и народа решила самореализоваться через школьные службы медиации. А это — уже вопрос национальной безопасности.

Это свидетельствует о том, что кощеево жало ювенальной юстиции живет в не-

драх государственной власти. Ведь не сами собой организуются в школах службы медиации? Их ведь кто-то продвигает, обеспечивает деньгами, инструкциями, литературой, активистами-агитаторами. То есть среди чиновников Минобрнауки есть адепты ювенальной юстиции. И нам необходимо провести серьезное расследование педагогической диверсии по насаждению конфликтных комиссий и служб медиации в школы. Нужны имена всех ее адептов ювенальной юстиции как в Министерстве образования, так и в других министерствах и ведомствах.

Покажите, пожалуйста, слайд третий. Вот это сборник, и здесь написано: межрегиональный общественный центр «Судебно-правовая реформа». То есть здесь общественная организация говорит о том, что она будет рулить тем, как надо

воспитывать наших детей. И в аннотации к этому сборнику есть такие удивительные фразы: «Издание осуществляется в рамках сообщества восстановительных практик и соглашения Министерства экономического развития РФ и межрегиональной общественной организации «Судебно-правовая реформа». Видите, чем занимается Министерство экономического развития? На что-то денег не хватает, а вот на создание и разрушение менталитета школьников у них деньги есть. И там дальше говорится о грантах и о движении «Гражданское достоинство». Понимаете? Оказывается, вот мало на Украине было «революций достоинства», вот сейчас готовится и у нас.

Уже в нескольких регионах (Архангельском, Иркутском, Самарском, Чувашии и других) с грубым и дорогостоящим административным давлением внедряется эта судебно-правовая реформа посредством включения в круг обязанностей психологов несвойственных им юридических функций.

Да и возможно ли психологам заменить педагогов? Один психолог сегодня рассчитан на 500, а то и 1000 учащихся. Психолог, может быть, и нужен, но для точной, индивидуальной работы с детьми, учителями и родителями в особых, сложных случаях. Но это же не заменит основной педагогической работы учителей по формированию нравственно здоровой жизни в классных коллективах. И это понимают все. Нельзя садовника заменить селекционером, у них разные задачи.

Подлость очередной судебно-правовой реформы заключается в том, что в школе специально провоцируется и искусственно создается враждебная обстановка. Ведь сегодня детские отношения некому из взрослых формировать, учеников не обучают социально-позитивным правилам взаимодействия, это не входит в круг обязанностей учителей. Они же, по Закону об образовании, всего лишь продавцы образовательных услуг, хотя по Конституции у нас граждане имеют право; в Конституции — право, а в Законе об образовании — услуга. А когда при возникновении зауряднейшего конфликта в классе и необходима самая обычная педагогическая работа, ее просто некому проводить. Вот тут и поднимается ювенальный визг: «В школе необходима служба примирения для реализации программ восстановительного правосудия по уголовным делам в работе с правонарушителями среди несовершеннолетних».

То есть получается, что все школьники — потенциальные правонарушители по уголовным делам.

Сюда же подключаются и родители. Среди них отыскивается «жертва», у которой можно отобрать ребенка или подростка, с формулировкой-ярлыком «плохо исполняющего свои родительские обязанности». Таким образом, родители получают не то что помощь в воспитании ребенка, а еще один кнут — страшилку по отобранию детей.

III СЪЕЗД РВС

Причем психолог-медиатор должен заключить добровольный договор с родителем на получение юридической помощи. Но если родитель отказывается заключать договор, то (как рекомендуют адепты ювенальной юстиции на обучающих семинарах) психолог должен написать жалобу в соответствующие органы о том, что родитель хочет оставить своего ребенка «в жизненно опасной ситуации». Вот их цель — превратить школы в криминальные колонии, где уж без ювенальных технологий обойтись никак нельзя будет.

Если психологи (ну, вдруг) заартачатся, то эти службы готовы сформировать из бывших работников полиции. Ну, этот ракурс ювенального захода мы помним: омбудсменов уже вводили в школы — с тем, чтобы защищать «хороших» учеников от «плохих» учителей. А на самом деле, в их функции входил тотальный сбор данных на всех родителей. И подчинялись они не кому-нибудь, а только представителям ООН и ЮНИСЕФ. Последствия предсказуемы. Родительская общественность возмутилась незаконному вторжению в частную жизнь, и тогда это было остановлено. Но вот опять... но называются эти агенты ювенальной юстиции уже не омбудсмены, а медиаторы.

Еще одна ложь при внедрении этой судебно-правовой реформы. Тем психологам, которые сопротивляются ювенальному нововведению, злоебно объясняют, что это приказ Министерства образования. Хотя никакого приказа нет. Есть лишь сопроводительное письмо о возможности использования восстановительной медиации. Здесь Минобрнауки подстраховывается, боится открыто приказывать. Но деньги-то выделяются государственные для внедрения в школы служб медиации. Отчеты из регионов идут потоком в Минобрнауки. Но ведь если идут отчеты, значит, был серьезный административный нажим. Самое настоящее ювенальное лобби. И этому пора положить конец.

Покажите, пожалуйста, слайд четвертый. Вот это — сопроводительное письмо, где говорится о том, что надо изыскивать возможности (оно как бы рекомендательное; надо посмотреть, кто его подписал, может быть, начать спрашивать уже с конкретных лиц).

Пятый слайд. Здесь выдержки из анкеты. Анкета составлена таким образом, что она является одновременно и формой зомбирования психологов, потому что там «защита прав и интересов детей» звучит как мантра, как идол, которому все должны поклоняться. И формы принуждения к сотрудничеству.

Следующие два слайда. Вот здесь — как продавливаются — «Читал ли приказ, письмо?». И все время — как надо работать с медиацией, как продвигать, как надо рекомендовать. И дальше, следующий — «Как ты вырабатываешь механизмы?». А если он говорит, что «я никак не вырабатываю», то — «вы знаете, вы — плохой психолог». Потому что это делается все централизованно. И поэтому нам сегодня надо очень серьезно отнестись к той ситуации, которая формируется в школе. Сейчас через школы ювенальная юстиция будет разрушать сознание и менталитет наших детей и, самое главное, в школе через службу вот этих конфликтных комиссий, служб медиации ювенальная юстиция вновь хочет возродиться как всеобщий управляющий орган.

Сегодня Великая суббота, сегодня Господь нисходит во ад для того, чтобы разрушить его и освободить души праведников.

И мы сегодня, погружаясь в обсуждение ювенального ада, собрались для того, чтобы разрушить его, вырвать его жало из тела нашей государственности и освободить наших детей, наши семьи, наше общество от ювенального беснования.

И пусть благодатный Пасхальный огонь, огонь Красной Весны освещает и благословляет наш благородный путь.

Подмена как новая «норма»

Выступление Павла Расинского

Мария Мамиконян: Павел Расинский, Московское отделение РВС, — с рассказом о блефе инклюзии и возврате к образованию в виде проекта «Советские учебники».

Здравствуйте! Современная действительность в сфере образования и не только в этой сфере, но я говорю об образовании, зачастую характеризуется формулой, вынесенной в заголовок доклада: подмена как новая «норма».

Посудите сами — подмена экзамена как проверки полученных знаний механическим набором баллов. Эта подмена влечет за собой подмену целей обучения как получения знаний целью натаскивания на тесты ЕГЭ.

Болонская система, рожденная как интеграционная схема вузов разных стран, достаточно быстро подменила собой задачу обучения. То есть ради реализации болонской системы отбросили задачу качественного образования и заменили ее задачей создания такого типа образования, которое можно было бы посчитать в кредитных баллах.

Задача оценки качества вузов, которая сама по себе правомочна, подменяется пресловутыми рейтингами, такими, как программа 5–100. В плане этой программы значителен отнюдь не повышение уровня образования, а, например, разработка дорожных карт по их продвижению в мировых рейтингах университетов. Качество образования подменяется погоней за высоким местом в рейтингах, которые, если посмотреть на критерии вычисления этих рейтингов, с качеством образования не связаны никак.

Еще одной подменой целей обучения является так называемый личностно-ориентированный подход в образовании в том виде, в каком его внедряют в нашей образовательной системе. Если в учебных пособиях говорится, что при личностно-ориентированном подходе педагогический коллектив будет обсуждать психологическую комфортность обучения, удовлетворенность ученика процессом обучения, а не степень усвоения учебного материала и успешность прохождения учебной программы, то это типичная подмена целей обучения.

Стремление к абстрактности и наукообразности в учебниках, особенно в учебниках начальных классов, которые якобы формируют умение мыслить абстрактно, подменяет собой простые, но при этом доступные программы обучения, которые в будущем как раз и приводят к умению мыслить абстрактно. Но в будущем, когда человек достигает такой способности в процессе развития его психоэмоциональной сферы.

И поскольку я затронул тему учебников, то хочу рассказать о крупном проекте нашей организации, который призван бороться с этой подменой и нацелен на то, чтобы вернуть качественное образование.

Причиной, побудившей нас взяться за эту амбициозную работу, стало категорическое несогласие родителей с тем что несут в себе современные учебники, программы и методики обучения.

В августе в несколько школ Крыма были отправлены комплекты учебника арифметики для первого класса.

К следующему учебному году, то есть к августу 2017 года, мы планируем издать переработанную арифметику для второго класса и практически полный набор учебников первого класса, среди которых — даже учебники рисования и музыки.

Признаюсь, я даже не знал, что существуют учебники рисования и музыки, и что они могут быть настолько систематизированы и доступны для понимания.

Еще одной подменой в череде перечисленных мной подмен, является так называемое инклюзивное обучение, которое активно продвигают в нашей стране, в том числе и такая организация как ЮНИСЕФ.

И это несмотря на то, что уже даже на Западе, откуда и идет эта тенденция, раздаются отдельные голоса, говорящие о том, что инклюзия ведет в тупик.

Лоббистами инклюзии ее безальтернативность объясняется необходимостью социализации детей с отклонениями и подкрепляется тем, что в Конвенции о правах ребенка отвергается любая дискриминация детей.

Каждый, кто в здравом уме, согласится с недопустимостью дискриминации и с необходимостью социализации детей. Но по сути это является большой подменой. И вот почему.

В нынешней школе даже в обычных классах учителя не имеют механизмов воздействия на учеников. Они все находятся под страхом наказания за повышенный голос, за выставления нарушителя из класса, да что греха таить, даже за двойки родители умудряются испортить кровь учителю.

И вот в отсутствие таких механизмов, в отсутствие воспитания в школе, как будет проходить социализация отличающихся от основной группы детей? Для этого начинают придумывать многочисленные механизмы, которые неработоспособны еще даже до внедрения в реальный процесс.

Но отложим в сторону социализацию. Предположим, что случилось чудо, и мы решили тем или иным способом эту проблему. Осталась дискриминация.

Основные положения инклюзивщиков держатся на том, что в Законе об образовании, в статье 5, говорится о создании

необходимых условий для получения без дискриминации качественного образования лицами с ограниченными возможностями здоровья, для коррекции нарушений развития и социальной адаптации.

И на следующем же шаге инклюзивщики объявляют отдельное специализированное обучение дискриминацией и требуют совместного обучения. Но ведь это и есть та самая подмена понятий.

Скажите, разделение по половому признаку туалетов, душевых, раздевалок — тоже дискриминация? Ведь есть разделение, а, значит, если следовать логике, что разделение — уже дискриминация, то нужно требовать устранения и этого? Но это же абсурд. Во всяком случае, в нашем традиционном российском обществе.

Также и в вопросе с раздельным специализированным обучением. Специализированные учебные заведения и специализированные программы — это не дискриминация, а реализация права на образование в посильном для ребенка объеме. И это в наших — дореволюционных и в большей степени советских — традициях, когда государство развивало более детальное разделение в системе обучения детей с отклонениями. То есть старалось не смешивать даже близкие, но все равно различающиеся отклонения, и готовить специальные программы, учитывая особенности каждого из таких отклонений.

Чтобы не быть превратно понятым, укажу, что я говорю не обо всех детях с отклонениями. Например, дети с проблемами опорно-двигательного аппарата могут обучаться в обычных классах при условии, что школы и классы оборудованы для удобства перемещения таких детей. И если это возможно организовать — это только плюс, а не минус.

Но есть большая категория детей с отклонениями, которым требуется особый подход, особые программы и методики обучения, особые преподаватели. Загонять таких детей в общие классы и заставлять обычных педагогов (якобы прошедших какие-то курсы) обучать их в общем классе — аморально в первую очередь по отношению к таким детям. Именно они получают меньше, чем могли бы получить при специализированном обучении. И именно у них нарушаются права на получение качественного образования. Я уже не говорю о том, что под идею инклюзии закрываются специализированные учебные заведения и теряются наработанные десятилетиями методики обучения таких детей. Методики, дававшие прекрасные результаты.

Таким образом, безоглядная инклюзия, прикрываясь борьбой с дискриминацией и борьбой за права на качественное образование, эти самые права и нарушает.

Движущей силой всех этих многочисленных подмен являются гранты, выделяемые на их продвижение, и победные репортажи и отчеты о проделанной работе, которые предназначены грантодателям.

И бороться нужно не только с инклюзией как таковой, или рейтингами, но с хаосом и постмодернистскими подменами в головах чиновников, которые в стремлении скопировать с Запада все до мельчайших деталей лишают детей качественного образования.

Необходимо вернуть понятиям их истинные значения. Вспомнить, каково реальное назначение образования, найти верный ответ на вопрос — для чего мы учим детей и постоянно помнить, что брать извне нужно только хорошее, тщательно изучая и критически оценивая, а также соотнося с нашими многовековыми традициями.

Спасибо.

III СЪЕЗД РВС

Из наших детей делают раскрепощенное стадо

Выступление Анны Кульчицкой

Мария Мамиконян: Анна Кульчицкая, Московское отделение РВС, — с выступлением о современном образовании и воспитании как инструментах управления обществом и о том, почему результатом современного образования является бездумный, безответственный и бессмысленный человек.

Всегда нужно помнить, что система образования выстраивается как разветвленная, многоуровневая и многогранная структура вокруг единого стержня. Системообразующего, смыслообразующего стержня. Этот стержень — концепция, и в рамках этой концепции можно и нужно найти ответ на вопрос, какой человек должен выйти из этой системы образования.

Современная система образования, которую мы наблюдаем, которая в погоне за реформами формируется в последние тридцать лет и в которой мы живем сейчас, выпускает из своих недр детей бездумных, бессмысленных, бездуховных, безответственных. Просто исполнителей. И эти продукты системы, получающиеся на выходе, — не ошибка системы. Это результат воздействия специально созданных условий. Условий, созданных для того, чтобы наши дети, ни в коем случае не научились думать, понимать, что происходит вокруг, анализировать, предполагать, оценивать, предвидеть последствия, нести ответственность за свои поступки.

В центре системы лежит тезис, что ребенок рождается уже субъектом, личностью с определенными качествами, которые нельзя сломать, потревожить и испортить воспитанием. Вокруг ребенка должны создаваться комфортные для легкого существования условия, ориентированные на удовлетворение потребностей этой «личности». Развиваться и поддерживаться должны наиболее выраженные качества, уже заранее определенные при рождении субъекта.

Идеолог личностно-ориентированного образования Якиманская И. С. — на нее часто ссылаются — так и пишет в своих работах: «Ученик не становится личностью под влиянием обучения, а изначально ею является. Школа должна не вооружить знаниями, умениями и навыками, а посредством их развить ребенка как индивидуальность, создать условия, благоприятные для его развития».

Фактически же при таком подходе поддерживается развитие наиболее простых и сильных качеств субъекта — дочеловеческих, животных потребностей. Которые и развивает система.

И далее на пути взросления все направлено на то, чтобы наши дети, не дай бог, не проснулись, не осознали, что происходит, не задумались ни на секунду о смысле их существования, о смысле их жизни, о том, что происходит вокруг. На то, чтобы то человеческое, что есть в каждом ребенке от рождения, не развивалось, не формировалось, не росло и не училось понимать мир. Не училось не просто понимать, но и создавать, творить, нести ответственность за будущее свое и передавать опыт следующему поколению.

Человечность в ребенке должна спать, убаюканная, придавленная все растущим потреблением, слабеть и сдаваться, полно-

стью уступая место животному, простому началу, бездумному и бессмысленному. Все весело, ярко, сытно, сладко, легко, сексуально, карнавалю, играючи, бессистемно, разорвано, коротко, несвязно, быстро, на бегу. Настолько на бегу, чтобы не было ни секунды, чтобы остановиться и задуматься о том, что происходит, как твои поступки скажутся на том, что будет происходить дальше, и какие будут последствия твоих действий.

Для того чтобы не дать нашим детям стать умными и понимающими людьми, убивают:

- систему воспитания как передачу опыта человеческого развития, как возможность научиться не только расслабляться, но и преодолевать, достигать, напрягаться, получать удовольствие от человеческого чувства удовлетворения от хорошо сделанного дела, от того, что ты принес пользу не только себе, но и другим людям;

- умение интересы общего дела ставить выше интересов личных, индивидуальных;
- систему обучения как формирование целостной картины мира, собранной, взаимосвязанной, логичной, последовательной, системной, как формирование понятийного мышления. Человек, у которого нет понятийного мышления, не может прогнозировать последствия своих действий, оценивать критически, что происходит, он живет сиюминутным действием, которое регулируется только его желаниями;
- детей отчуждают, ограждают от истинной культуры, накопленной за века развития человека. Ведь прочитав, например, Толстого Льва Николаевича или Аристотеля, прослушав музыку великого Чайковского, увидев творение Микеланджело, можно «проснуться», остановить этот сон на бегу, задуматься о смысле, истинном и человеческом.

Но в современной системе образования этого допустить нельзя! Нельзя вырваться из объятий частного, мелкого, строить связи, видеть других, устанавливать дружеские отношения, обладать широким спектром знаний. Нельзя формулировать мысли в сочинении, нельзя действовать вне заданного шаблона, нельзя отвечать устно и рассуждать.

Нужны тесты, формы, технологические карты, рамки, узкая специализация, ЕГЭ, ОГЭ и прочие.

Зачем, спросите Вы? А удобно! Дело в том, что людьми, которые не понимают, что делают, не умеют действовать самостоятельно, которые умеют действовать только по заданному шаблону, не несут ответственность за свои поступки, не умеют преодолевать трудности, регулировать свои желания, останавливаться, критически оценивать эмоционально поданную информацию, легко управлять! Они не обладают целостным знанием об окружающем их мире.

Один щелчок кнута, один «мем» в интернете, один призыв и ритмичный звук — и они пошли, побежали, поскакали, зайдясь в экстазе. Живая, бьющая через край энергия молодости, жизни, не найдя и не имея человеческого, возвышающего смысла, вырывается и направляется на разрушение, на крушение всего вокруг, на бешенство.

И на удовлетворение хотя бы тех желаний, которые есть. А есть простимулированные и разбухшие, всё заполняющие желания низа: еда, размножение, удовольствие — можно перечислять дальше.

Молодежь и рада бы задуматься о том, что она делает, как она будет жить с этим потом, хорошо это или плохо, но она не может. Детей этому специально не учили. Они не знают, что такое хорошо, а что такое плохо. И не знают, что за каждым поступком следует последствия, а за преступлением следует наказание.

А. С. Макаренко, признанный одним из четырех наиболее выдающихся педагогов мира, называл «воспитание последствиями» важнейшим методом формирования настоящей личности. Сейчас же детей специально лишили возможности познать это и научиться быть Человеком.

Из наших детей делают раскрепощенное стадо, управляемое нагло ухмыляющимся пастухом, который знает, как управлять и на что направлять неразумных деток.

Только Человек-творец, Человек-борец, Человек думающий, понимающий, создающий, ответственный за будущее, обладающий полным, глубоким знанием о целостной картине мира, будет сам творить свою судьбу и судьбу всего человечества. Именно таких людей воспитывали, формировали как объект воспитания и обучения в советской системе образования в 30–60 годы.

Сейчас современная система образования выпускает из своих недр безответственного, бездумного, бессмысленного, бездуховного потребителя и исполнителя.

Из наших детей делают тех, кого организованной толпой ведут покорно на убой!

Ждите детский майдан!

Выступление Екатерина Забачевой

Мария Мамиконян: Екатерина Забачева, Челябинское отделение РВС — о реформе библиотечной системы как инструменте разрушения воспитания молодежи.

В общую канву обсуждаемой сегодня темы грозящей катастрофы, укладывается и «реформа библиотечной системы», которую реформой, конечно, назвать невозможно. На самом деле — это не что иное, как разрушение библиотечной системы, обусловленное, с одной стороны, рынком, где выживают только прибыльные проекты, а с другой стороны, вторящие чьим-то интересам и целям процессы обрушения идентичности подрастающего поколения. Происходит формирование не гражданского общества, имеющего свое достоинство, свою идентичность, культурную и историческую связь с поколениями, общества, приобщенного к мировой культуре и знаниям, накопленным человечеством, а формирование некоей человеческой массы. Человеческой массы, безвольной и малообразованной, легко управляемой и манипулируемой, которую можно достаточно просто использовать, например, для свержения власти, обогащения, или как источник биоматериала для достижения своих гедонистических интересов «продвинутой» узкой группы.

Так что для этого нужно сделать? Правильно — разрушить традицию образования и педагогического воспитания, оформить отчуждение от культуры. Перенаправить детей в социальные сети, где отработанные технологии обработки сознания сделают свое дело размягчения извилин и дебилизации молодежи.

Одним из направлений данного разрушительного процесса выступает псевдорепформа библиотечной системы.

О тревожной ситуации с библиотеками в стране говорят сводки из разных регионов — из Волгограда, Челябинска, Свердловской, Ульяновской, Оренбургской областей, из Барнаула, Бийска, Мурманска, Серпухова, Москвы.

На примере ряда регионов я покажу, как этот процесс устроен. Как этому активно способствует та чиновничья система, в том числе на местах, которая «по большому счету» и роет сама себе яму, продолжая пожирать то немногое, что еще сохранилось с советских времен.

Переформатирование библиотек происходит по одинаковым лекалам, независимо от региона.

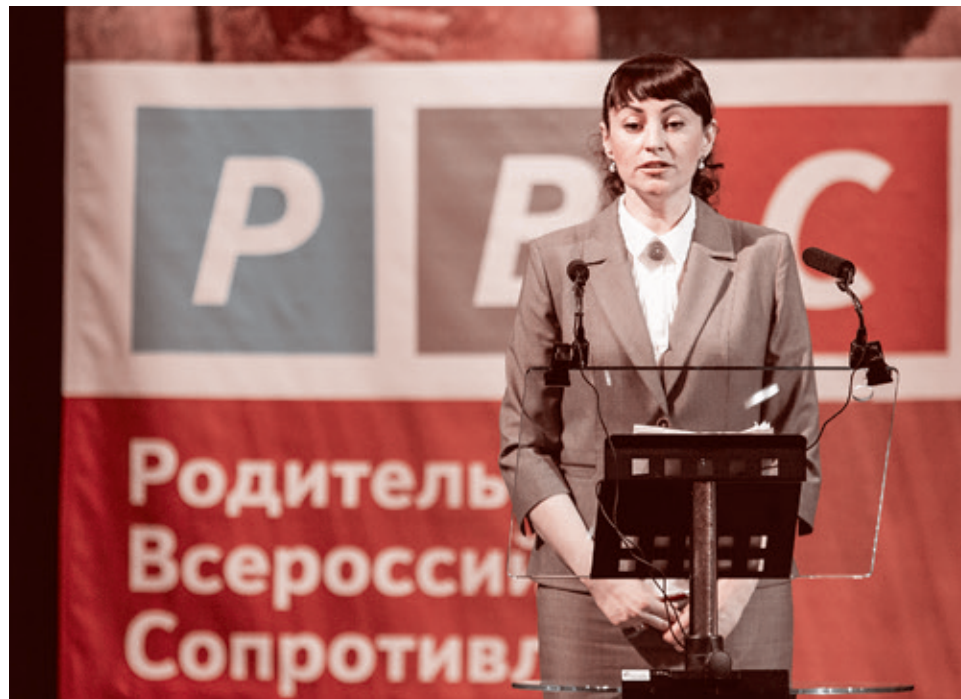
1. Это банальное закрытие библиотек из-за отсутствия возможности содержать помещения из-за их ветхости.

2. Так называемая оптимизация, а по факту — ликвидация и кошунтвенное сокращение книжных фондов. Сейчас практически невозможно найти в библиотеках многих авторов, например, «Дон Карлос» Шиллера или книги Василия Александровича Сухомлинского.

3. Увольнение сотрудников.

4. Переформатирование принципа работы библиотек в увеселительные и развлекательные центры, где нет места ни книге, ни просвещению, а есть тусовка, бесплатный wi-fi, праздность.

При взгляде на нынешнюю библиотечную систему вырисовываются два типа организации библиотечного дела, где один тип поглощает другой. Один из них — досугово-развлекательный, делает ставку на сферу услуг, а другой — творческий, который делает ставку на организацию пространства нравственных смыслов.

Формат работы библиотеки по принципу развития сферы услуг, ориентированный на досуг и развлечение, вытесняет просвещение. Литературные просветительские встречи рекомендуют проводить в максимально облегченном формате. Такой формат ориентирован на клиповое восприятие реальности, дает не столько целостное представление о предмете, сколько набор завлекательных фактов из разных сфер. Достаточно вспомнить проект научно-популярного лектория «Проветри мозг» или печально известную «Антибиблиотеку».

В рамках такой модели активно лоббируется открытие в библиотеках книжных магазинов, кафе, юридических консультаций, развертывание широкого спектра неблиотечных услуг, вплоть до установки терминалов оплаты. По расчету разработчиков идеи, большое количество услуг на одной точке пространства привлечет в библиотеку людей. Людей-посетителей, возможно, такой формат и привлечет, но не читателей. И таким образом библиотека утратит свой первоочередной смысл — приобщение к чтению, к литературе и знаниям.

Итак, Пермский край. За 20 лет количество библиотек в Пермском крае сократилось вдвое (с 1282 в 1990 г. до 661 в 2011 г.). Примерно в два раза за это время сократились и библиотечные фонды. Только с 2012 по 2015 гг. число общедоступных библиотек сократилось на 60.

МБУК (муниципальное бюджетное учреждение культуры), ОМБ (объединение муниципальных библиотек) «оказались в авангарде библиотечной реформы, частью которой стала чистка фондов в безобразно огромных количествах. Причем речь идет не об устаревших по всем параметрам книгах, а о вполне добротной литературе (в том числе и художественной)». Так, в Юношеской библиотеке им. Толстого «в приказном (негласном) порядке было списано 30 тыс. книг самого различного профиля и читательского назначения. <...> Фонд библиотеки опустел наполовину». В результате, «только за первый год после оптимизации библиотеки ее услугами перестали пользоваться более тысячи читателей».

Классика и научная литература были заменены беллетристикой (детективы, любовные, авантурные романы не самого лучшего качества). «Согласно пожеланиям реформаторов, в библиотеке должны проводиться выставки, посвященные

моды, стилю, косметике, автомобилям; для девушек — подборки женских, так называемых «сентиментальных», романов; для молодых людей — книги в жанре «остросюжетного детектива».

По словам руководства, «в последние годы они стремились сделать из библиотеки не только хранилище книг, но и коммуникативную площадку для жителей города, литературных шоу-программ».

Пермская «Библионочь-2017» соединит литературу и кулинарное искусство.

Происходит переустройство внутренней обстановки библиотек. Яркие, кричащие, кислотные цвета, столики из кафе, лежаки и игрушки. Кто-то считает, что из этой атмосферы расслабленности могут выйти будущие инженеры, врачи или писатели?

Волгоград. За последние 3 года в Волгограде закрылось 13 библиотек и 9 находятся под угрозой закрытия.

Характерно то, что площади, ранее занимаемые библиотеками, отходят в коммерческие структуры, так, например, в бывшем помещении библиотеки № 5 Краснооктябрьского района недавно открылся магазин «Магнит». Детская библиотека № 11 на ул. Копецкого, обслуживавшая большой жилой массив в заканальной части Красноармейского района, стала офисом местного ЧОПа.

В результате развернувшегося общественного протеста, организованного Волгоградским отделением РВС, планы по радикальной «оптимизации» библиотек (а по сути — ликвидации) были приостановлены, многие библиотеки граждане и общественники смогли отстоять.

Организована информационная работа. Создана группа в ВК — «Волгоград читает, спасем библиотеки!», где ведется информационная и агитационная работа в защиту библиотек Волгограда и по привлечению внимания к увлекательному процессу чтения.

Более 6000 подписей жителей г. Волгограда и Волгоградской области под Обращением в защиту библиотечной системы были переданы в исполнительные и законодательные органы власти города и региона 30 марта 2017 г.

Во врученных властям Обращениях граждане требуют:

«1. Изменить политику законодательных и исполнительных властей

по отношению к библиотечным системам региона, к обеспечению их функционирования и развития. Практически это выражается в смене «остаточного» принципа финансирования на «приоритетный».

2. Опубликовать подробный отчет о промежуточных результатах начатой в 2013 году оптимизации, а именно, как были использованы площади закрытых библиотек, какой объем средств был на этом сэкономлен и как он был использован для развития системы.

3. Дать развернутый комментарий о текущей ситуации с упомянутыми в Обращении библиотеками, их сотрудниками, а также о «планах по слиянию» взрослой и детской систем.

4. Обсудить и согласовать с работниками библиотек и представителями общества задачи, стоящие перед библиотечной системой, и планы по их достижению».

Челябинск. За период с 2014 по 2016 год на Южном Урале была закрыта 61 библиотека. По каким-то непонятно откуда взявшимся нормативам Челябинская область должна провести оптимизацию, попросту — закрыть 300 библиотек. Всего в Челябинской области на 2005 год было 875 библиотек.

Очень некрасивая и в то же время показательная ситуация сложилась вокруг юношеского абонеента (ЮА) Центральной библиотеки им. А. С. Пушкина г. Челябинска.

До последнего времени данный отдел как раз представлял творческую модель библиотеки, был одним из немногих островков приобщения к настоящей литературе, уникальным местом, куда подростки стремились и приходили, считая его своим «вторым домом». Работа, проводимая сотрудниками ЮА, была исключительно творческой, глубокой, сотрудники умели привить любовь к книге у юных читателей. Здесь общались, знакомились, для подростков проходили мероприятия, встречи с писателями и т.д., все общение строилось вокруг книг. Отдел представлял синтез трех составляющих — личности библиотечника, уникального книжного фонда и читателей, отдел работал подобно живому организму, жизнь в нем кипела — в этом и было его новаторство.

Однако в какой-то момент руководство библиотеки приказало ЮА переехать в другое помещение, расположенное в противоположном крыле здания, — в новое отремонтированное помещение с пуфиками, новым напольным покрытием, зоной wi-fi, новым туалетом, кофе-машиной, залом со сценой, но площадью почти в 4 раза меньшей, чем та, которую отдел занимал ранее (площадь составляла порядка 380 кв. м), с залом, где в открытом доступе будут представлены только 2–3 тысячи книг, остальной 40-тысячный фонд должен располагаться по разным помещениям второго этажа, а то и вовсе расформирован между взрослыми абонеентами или попросту сокращен.

Понимая, что сложившаяся традиция работы ЮА будет разрушена, а надо сказать, что ЮА был самым посещаемым и продвинутым отделом во всей библиотеке, сотрудники отдела категорически отказались выполнять приказ директора Анищенко С. В. и через некоторое время обратились к нам, в Челябинское отделение РВС.

III СЪЕЗД РВС

Окончание. Начало — на стр. 25

Интересный момент — руководство библиотеки и управление культуры администрации Челябинска в лице Д. Назарова скрывают информацию о том, под что будут использованы прежние площади юношеского отдела, уклончиво отвечая, что площади останутся в «оперативном управлении библиотеки».

Челябинское отделение РВС совместно с сотрудниками ЮА, читателями и их родителями подняли информационную волну в СМИ, в соцсетях, разослали запросы в управление культуры, в управление имуществом, обратились в прокуратуры города и области, провели несколько пикетов и инициировали сбор подписей под обращением к губернатору с просьбой защитить ЮА библиотеки им. Пушкина. На данный момент собрано и передано губернатору более 2000 подписей граждан в защиту ЮА.

Также нами было подано обращение в ОПЧО с предложением провести общественные обсуждения по данному вопросу, где предполагалось выслушать позиции обеих сторон, деятелей культуры, общественных организаций, попробовать найти выход из сложившейся ситуации, определить дальнейшую стратегию по работе библиотечной системы в регионе.

Но от ОПЧО в лице ее председателя О. Дубровина был получен ответ о том, что палата провела собственное расследование ситуации и не видит в ней ничего криминального и предвзятого, а только одни плюсы. Один в один повторяя ответ управления культуры за подписью начальника городского управления культуры Д. Назарова, где площадь вдруг выросла до 541 кв. м, проигнорировав нашу просьбу о проведении общественных обсуждений. Общественная палата Челябинской области препятствует рассмотрению социально значимого вопроса, подыгрывая чиновникам, абсолютно дискредитировав свое предназначение — площадки для диалога между обществом и властью!

Нам удалось с видеокамерой побывать на новых площадях ЮА, однако 541 кв. м, как мы ни старались, у нас не получилось насчитать. Наоборот, мы обнаружили, что ряд помещений будет совместно использоваться как ЮА, так и взрослым, и другими отделами, непонятно, где будет храниться книжный фонд, если его не расформируют между другими абонентами. Все новые залы отвечают как раз досугово-развлекательному формату, располагают к праздному времяпрепровождению, развлечениям и минимуму чтения.

Нет у нас иллюзий в отношении чиновников, но и они должны знать, что так мы эту ситуацию не оставим и приложим максимум усилий для сохранения прежнего формата творческой модели библиотеки, которая хранит традиции развития и воспитания подрастающего поколения в союзе с культурой и литературой.

Кстати, после публикации в СМИ о том, что Общественная палата Челябинской области подыгрывает чиновникам из управления культуры, ее председатель господин Дубровин поспешил заверить общественность также через СМИ, что ОП готова предоставить площадку для диалога по данному вопросу. По возвращении домой, мы надеемся, что открытые обсуждения все-таки состоятся.

Из озвученного становится ясно — нас и наших детей нагло обкрадывают, предлагая превращенные формы, утратившие содержание, ввергая страну в бескультурье, необразованность и в полное отсутствие воспитания. Чем это грозит, уже многим понятно, в таких условиях организовать майдан не представляет большого труда.

Поэтому мы отстаиваем и будем отстаивать иную — творческую модель библиотеки, которая может и должна быть противопоставлена досугово-развлекательной модели.

Хочу еще раз подчеркнуть, что библиотека должна нести, как и прежде, функцию воспитания молодежи!

Брянские школьники как объект манипуляции

Выступление Андрея Трубникова

Мария Мамиконян: Андрей Трубников, Брянское отделение РВС — с рассказом о том, что произошло недавно в Брянске.

Здравствуйте, уважаемые участники съезда! Здравствуйте, товарищи! Я вам расскажу о том, с чем столкнулось Брянское отделение РВС. Думаем, что сходная ситуация в других регионах, поэтому это важно знать. Настолько важно, что мы решили ознакомить с этим съездом и широкую общественность.

Как вы знаете, в 2017 году отличительной чертой протестных («белоленточных») акций стало привлечение к ним несовершеннолетних. В том числе и в Брянске, судя по информации в социальных сетях, среди тех, кто откликнулся на призывы выходить на улицы 26 марта, больше половины — это молодые люди в возрасте до 23 лет, а каждый шестой — несовершеннолетний, то есть до 18.

Это само по себе не может не беспокоить родителей и учителей. Мы также выявили некоторые черты в организации этих акций в Брянске (и не только), на которые хотим обратить внимание участников съезда и широкой общественности.

Первое. Для привлечения несовершеннолетних были задействованы активисты из молодежных околофутбольных групп, представляющих особую субкультуру. Участникам предлагают на условиях анонимности разместить фотографии и контакты (как это принято называть в этой среде — «слить») своих недругов и через группу организовать их «наказание»: например, показательно избить и непременно унижить. По сути, принцип построения этих групп основан на запугивании и терроре.

Второе. Наше внимание привлекла массовость этих групп — групп много, они взаимосвязаны, в них входит большое число участников (от нескольких сотен до тысяч школьников — например, в одну из брянских групп записаны 4,5 тыс. человек, из которых 1,2 тыс. — школьники). Для Брянска это очень высокая степень вовлеченности школьников, которых в городе примерно 46 тысяч. Это означает, что участники такой группы могут оказаться почти в каждом классе! Таким образом, пропагандисты имеют возможность влиять на сознание наших детей. Учителя, с которыми мы общались на эту тему, с удивле-

нием обнаруживали, что даже если их ученики не входят в эти группы, то прекрасно знают об их существовании.

Насколько мы можем судить, подобные группы, с той же стилистикой и принципом построения, работают не только в Брянске, но и в большинстве других регионов. Эти группы профессионально раскручивают и ведут. Закрывтие виртуальных страниц этих групп почти не приносит результата: после ликвидации основной группы ее участники перетекают в резервные, созданные заблаговременно. Это указывает на то, что мы имеем дело не с отдельными бандами хулиганов, а с развитой сетевой структурой с отделениями в регионах.

Третье. Настораживает также явная профашистская направленность некоторых из этих групп. Например, когда, не стесняясь, выкладывают видео тренировочной массовой драки под песню о Гитлере или при обсуждении экологических проблем размещают фото с Гитлером, который якобы любил животных. Это не может не вызывать вопросы, это еще самое мягкое из того, что там имеется. Есть и гораздо более жесткое.

Возникает вопрос: как относятся родители и учителя к тому, что через эти группы фактически какие-то люди воздействуют на сознание наших детей, используя для этого метод запугивания и террора?

Нами было обнаружено, что из состава участников этих молодежных групп производят вербовку на митинги Навального. И тут же мы видим, как сторонники Навального применяют аналогичные методы запугивания. Является ли такое совпадение случайным?

Приведем известный многим пример. Против одного из брянских учителей (директора сельской школы), которая беседовала с классом и пыталась даже не запретить, а убедить учеников отказаться от участия в сомнительных акциях, была устроена показательная травля. Запись беседы была выложена в интернет, в соцсети была создана группа для сбора информации о педагоге и координации его травли. В XXI веке учитель, посмеявшийся иметь мнение, отличное от этой коды, подвергается травле. Банда мерзавцев (как их еще назвать?) призывала ее сжечь, посадить на кол, избить ее мужа. Женщина рассказала в интервью, что пострадала не толь-

ко она, но и ее ребенок, которого довели до обмороков. А от имени «штаба Навального» школьникам предложили «сливать» обидчиков, пообещав внести их в черный список и «обязательно люстрировать» после «победы». Все мы видели, какие методы люстрации используются на Украине.

Эта вызывающая наглость имела понятную цель — запугать учителей, выключив их тем самым из противодействия взрослым мерзавцам, которые манипулируют детьми и провоцируют их к участию в незаконных уличных акциях. К сожалению, мы не увидели адекватной реакции власти на этот случай: не было публичных заявлений о возбуждении уголовных дел против подонков, которые призывали к физической расправе над учителем. Создается ситуация, когда с одной стороны оказывается слабый учитель, которому формально запрещено заниматься идеологией в школе, а с другой стороны дети сталкиваются с профашистской идеологией, которая демонстрирует свою силу.

Ну и как к этому будут относиться родители и учителя? Вот что нам с этим делать? Имеем ли мы право испугаться, засунуть голову в песок, сделать вид, что ничего не происходит? Мы убеждены, что мы такого права не имеем.

Сегодня методы террора, которые применяются в этих группах, воздействуют на сознание школьников, а завтра из их числа будут формировать отряды «чернорубашечников»? Имеем ли мы, родители и учителя, право пасовать перед этой мерзостью, «поджимать хвост» или делать вид, что ничего не происходит?

Мы не хотим, чтобы наши дети завтра оказались пушечным мясом для какого-нибудь очередного фюрера. Мы не имеем права здесь пасовать и проигрывать своих детей. Мы должны вещи называть своими именами: идет война идеологическая за сознание наших детей. И для того чтобы в этой войне победить, учителя, родители должны быть соответствующим образом подготовлены — идеологически, духовно, интеллектуально. Они должны дать бой и эту мерзость победить.

Линия фронта прошла через школы, семьи, через сознание и души наших детей. Мы должны за наших детей сражаться и их отстаивать. Другого выхода у нас нет.

Грозящая катастрофа и как с ней бороться

Резолюция III съезда Общероссийской общественной организации защиты семьи «Родительское Всероссийское Сопротивление» и общественно-политического движения «Суть времени»

Третий съезд Общероссийской общественной организации защиты семьи «Родительское Всероссийское Сопротивление» (РВС) проведен совместно с движением «Суть времени», которое внесло решающий вклад в формирование РВС и плечом к плечу с РВС ведет борьбу с теми опаснейшими тенденциями, развитие которых грозит, по мнению РВС и «Суть времени», перерастанием нынешнего неблагополучия в полномасштабную катастрофу.

Участие «Суть времени» в работе III съезда РВС сделало возможным одновременное рассмотрение родительской тематики и тематики общеполитического характера. Иной подход сегодня и невозможен, поскольку родители одинаково встревожены негативными тенденциями в семейной проблематике и негативными тенденциями общеполитического характера.

Родители стремятся дать отпор тем силам, которые вторгаются в семью с очевидно разрушительными целями. Но родители стремятся дать отпор и тем силам, которые вторгаются в образование, культуру, общественную жизнь, национальную независимость, государственный суверенитет, международное право, действующую мироустроительную практику. Родители убеждены, что благу их детей, самому выживанию семей, наций и государств одинаково угрожают и те, и другие силы. И что имеет место фактическое наличие не двух типов сил, выступающих на двух фронтах — семейном и общественно-политическом, а единой силы, имеющей единую цель и выступающей под разными масками.

Именно это побудило делегатов РВС, членов движения «Суть времени» и представителей патриотической общественности, интеллигенции, религиозных кругов Российской Федерации, участвовавших в работе съезда в качестве гостей, к выдвижению на съезде двуединой — семейной и общеполитической — проблематики.

При этом семейная проблематика обсуждена на съезде в рамках подготовительной работы по созданию коллективного альтернативного доклада Президенту РФ по вопросам грубых нарушений закона и прав человека в России в сфере семейной политики.

А общеполитическая проблематика обсуждена в рамках анализа новых тенденций, ставящих на повестку дня вопрос о переходе России от стратегии вхождения в западное сообщество к стратегии развития на основе своей инаковости, к стратегии размежевания с Западом, к стратегии ценностного мирокультурного противостояния Западу, то есть того, что именуется холодной войной.

И хотя естественным образом РВС в своих докладах уделило больше внимания семейной проблематике, а «Суть вре-

мени» уделила больше времени общеполитической проблематике, прочнейшая связь двух движений и обнажающееся единство двух проблематик породили эту общую резолюцию, в которой обе обсуждаемые тематики рассматриваются как слагаемые одного процесса, приобретающего у нас на глазах предкатастрофический характер.

Холодная война является, по нашему мнению, единственной позитивной альтернативой двум другим негативным вариантам развития событий: горячей войне двух мощнейших ядерных держав, сулящей гибель человечеству, и крах нашего государства.

Она необходима как в силу общих причин мировоззренческого историософского характера, так и в силу наиважнейших новых общемировых обстоятельств.

К числу последних относится, по нашему мнению, существенная деградация или мутация буржуазного классического Запада, отказывающегося от своих собственных фундаментальных жизненных принципов.

Запад стремительно отрекается не только от полноценного следования заветам мировых религий, сформировавших его идентичность. Он отрекается от той великой культуры, которая сформировалась на основе этих заветов. Налицо стре-

мительный и целенаправленный демонтаж Западом самих основ этой великой, христианской по своей сути культуры.

Когда-то великий русский философ и поэт Владимир Соловьев вопрошал Россию:

*О, Русь! В предвиденье высокою
Ты мыслью гордой занята:
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса или Христа?*

Теперь все мы можем спросить наших «западников», какому Западу они присягают: Западу Данте, Шекспира, Гюго, Диккенса, Томаса Манна или Западу, провозглашающему в качестве своей новой цели глубокую дегуманизацию и извращение всех основ человеческого бытия?

Присягаете ли вы Западу, который был проникнут благовоением перед семейными ценностями, или Западу, который теперь эти ценности беспощадно разрушает?

Присягаете ли вы Западу, который был проникнут презрением к разврату, половым извращениям, моральной нечистоплотности, или же вы присягаете Западу, который теперь ставит на пьедестал извращенчество, разврат, гендер, имморализм?

Присягаете ли вы Западу, который веками и тысячелетиями рассматривал себя как локомотив исторического процесса, или же

вы присягаете Западу, который теперь заявляет о конце истории как конце творческого развития человека и человечества?

Присягаете ли вы Западу, который был верен идеям гуманизма и прогресса, или Западу, который теперь очевидным образом выбрасывает эти идеи на помойку?

Подобные вопросы, увы, являются уже риторическими. Запад мутирует стремительно. И даже если внутри этой мутации остаются здоровые силы, то не они определяют качество нынешнего западного мира, этого дома, в который наши западники с таким усердием пытались втащить Россию.

Остается, конечно, вопрос о западном процветании, которое якобы автоматически будет обретено всеми, кто войдет в «великий западный дом».

Наивно говорить об этом сейчас, когда вся западная периферия: Восточная Европа, Балканы, Испания, Италия, Португалия — оказываются в роли внутренних колоний развитых стран Запада.

И наконец, наивно говорить о вхождении России в Запад сейчас, после того как оказались исчерпаны все упования на такое вхождение, последним всплеском которых были наивные надежды на Трампа.

III СЪЕЗД РВС

Продолжение. Начало — на стр. 27

Так не пора ли признать, что сама идея, согласно которой Россия является всего лишь одной из стран западного мира, а русский менталитет и русская культура представляют собой всего лишь одну из модификаций западного менталитета и западной культуры, — в корне неправильна? И что на самом деле Россия — это другой, особый Запад, не сводимый к Западу, базирующемуся на римско-католическом и протестантском фундаменте?

Не пора ли признать, что и концепция Третьего Рима, и концепция русского коммунизма представляют собой лишь частные проявления одной великой концепции развития человека и человечества на принципиально иных основаниях, нежели те, которые предложил римско-католический и протестантский западный мир?

Мы настаиваем на том, что именно признание данного фундаментального обстоятельства (а в каком-то смысле — и покаяние за его временное, позднесоветское и постсоветское поругание) должно стать основой нового курса России.

Этот курс можно назвать и курсом на обретение своей инаковой идентичности, и курсом на стратегическое размежевание с Западом, и курсом на новую холодную войну, она же — холодная война 2.0.

Мы твердо заявляем о том, что в таком подходе нет ничего от милитаристских судорог и что, напротив, мы стремимся к обеспечению мира с Западом — через признание своей инаковости и формирование нового типа отношений, построенных на инаковости двух ведущих диалог мировых субъектов: Запада и России.

Мы не хотим этим толкнуть Россию в войну. Мы хотим спасти ее от такого бессмысленного, судорожного сползания в предвоенное, а потом и полноценно военное состояние. Мы не зовем в прошлое, мы призываем смотреть в будущее, очистив свое прошлое от исторически обусловленных наслоений и опираясь на его сокровенный смысл.

Мы убеждены, что при таком необратимом и неотвратимом обострении международной ситуации, которое задано новыми выходками США и смиренным принятием этих выходов европейскими правящими элитами, русское западничество и русский патриотизм уже не могут быть сочетаемы. И что те, кто по-настоящему любит Россию, выбирая между верностью России западному пути и верностью своему национальному долгу, выберут национальный долг.

Те же, кто сделает иной выбор, не должны лукаво сосуществовать с подлинно патриотическими силами, заявляя о своем прозападном патриотизме. Прозападный патриотизм — в прошлом. Впереди — новая эпоха с новыми приоритетами. Или она, или крах России и мира.

Мы убеждены также, что особое место в ответе на новые вызовы и угрозы отведено президенту России и ее национальному лидеру Владимиру Путину.

С одной стороны, Запад фактически открыл охоту на Путина, то есть развернул беспрецедентную кампанию демонизации российского лидера.

С другой стороны, сам Владимир Путин, защищая Россию, уже проводит на уровне конкретных действий, чего бы они ни касались, курс, который трудно назвать прозападным. Осталось перейти от конкретных действий, которые сами по себе не могут сформировать альтернативный стратегический курс, к формированию такого курса, исходящего из новых общих мировоззренческих констант.

Это трудный шаг для российского патриота-западника. Но на сегодняшний момент уже нет никаких возможностей избежать подобного шага. И вопрос тут не только в конкретной политической судьбе. На кон поставлены судьбы России и мира.

Отвергая ювенальную юстицию, Владимир Путин делает один из важнейших шагов в плане неприятия Россией того нового антисемейного и антиморального Запада, который даже лидеры западного христианского вероисповедания, всегда готовые к компромиссу, уже назвали цивилизацией смерти.

Но эта принципиальная позиция президента по данному вопросу торпедируется широким слоем глубоко прозападной ювенальной бюрократии. Путин отодвигает Россию от ювенальной катастрофы, а бюрократическая система, внутри которой укоренился мощнейший прозападный сегмент, толкает страну в обратном направлении.

Разве не в этом трагедия нынешней России?

И разве это может ограничиваться лишь наименьшим семейно-ювенальным вопросом?

Ведь, в конце концов, сам этот вопрос является лишь частным проявлением чего-то большего! Нынешний Запад, подрывая семью, фактически ведет к расчеловечиванию, к дегуманизации. И мы убеждены, что корни ювенальных технологий, насаждаемых и пропагандируемых в странах Запада, находятся в фашистском прошлом человечества.

Но, может быть, мы преувеличиваем конфликт между антиювенальными действиями президента и проювенальными действиями бюрократической системы, существенно инфантизированной как ювенальным, так и иным западничеством?

Увы, мы ничего не преувеличиваем.

Еще в 2013 году, на I съезде РВС, президент России заявил о своем неприятии ювенальной юстиции и дал конкретные указания по ее недопущению. Но к концу 2016 года ювенальная юстиция, лукаво протаскиваемая бюрократической системой, успокоительно воркующей о своей новой приверженности традиционным ценностям, почти что победила. Новые действия президента России, осуществленные на рубеже 2016–2017 годов, не дали дооформиться победе проювенальных сил, присягающих новому, по сути антигуманному Западу. Но после кратковременного ступора от новых решительных шагов президента, откликнувшегося на тревогу широчайшей российской антиювенальной общественности, его решения снова подрываются всё теми же силами. К тому же уже осуществленных решительных антиювенальных шагов президента категорически недостаточно. Нужна новая семейная стратегия и новая система действий по демонтажу уже состоявшихся проювенальных закладок, сооружаемых как за счет законов, так и за счет подзаконных актов и методических рекомендаций. Нужна и новая система законных наказаний, без которой проювенальное чиновничество все равно будет рассматривать ребенка как товар, продаваемый как на сером, так и на черном рынке.

К счастью для России, по личной инициативе президента РФ был остановлен самый ядовито-ювенальный закон, который в народе называли «законом о шлепках».

Но ничуть не менее опасным, хотя и более скрытым проводником ювенальных технологий в России стал Закон ФЗ № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в РФ», позволяющий принуждать родителей к заключению договоров на это самое социальное обслуживание, являющееся, как показывает практика, лишь слегка завуалированной формой всё того же антисемейного насилия.

Никакие точечные действия по отпору ювенальным тенденциям не могут их остановить, если изменения в семейной политике проводятся без участия представительной власти и без совета с общественностью, если эти изменения протаскиваются проювенальной бюрократией с помощью антизаконных подзаконных

актов и инструкций, а то и с помощью методичек, в которых скопированы западные ювенальные идеи, а их бюрократия соответствующего розлива зачастую ставит даже над законами.

Под предлогом обязательного «семейного устройства» детей, оставшихся без попечения родителей, создан своеобразный «рынок детей», участники которого заинтересованы в его расширении. Наблюдается массовое беззаконие, осуществляемое сотрудниками органов опеки и попечительства, корень которого лежит в интересе к бюджетным деньгам, выделяемым на «защиту прав» и «защиту от насилия». Материальная заинтересованность участников рынка ведет к разрушению семей и страданиям людей. «Платное родительство» закономерно приводит к дискриминации и разрушению кровных семей. Ради добычи детей для этого рынка предлагаются меры, способные изменить морально-нравственные нормы в обществе через введение «беби-боксов», позволяющих «цивилизованно» выбрасывать собственных детей.

Оценивая перспективы идущих в мире и в России процессов, мы понимаем, что в разрушении семьи таится непосредственная опасность для государственности России. Отказ от государственной идеологии, зафиксированный в Конституции, фактически отпускает формирование мировоззрения подрастающего поколения на самоотек. В этой ситуации лишь семья, традиции и крепкая связь поколений смогут спасти детей от влияния разрушительных идей экстремизма и дать им смысл жизни, совместимый с существованием государства.

Отмечая некоторые положительные сдвиги в сфере взаимодействия власти и общественности в области семейной политики, мы вынуждены констатировать, что этих сдвигов недостаточно для того, чтобы развернуть семейную политику в спасительном для российской семьи (а значит, и для государственности России) направлении. Представленные на III съезде РВС доклады четко показали связь проводимой государством семейной политики с ориентацией значительной части российской элиты на «вхождение в Запад». Сопротивление общественности введению разрушительных для семьи западных норм приводит к изменению риторики сторонников ювенального подхода, но не изменению сути их действий. Провозглашение на словах ценности семьи как института не приводит на деле к защите семьи и не препятствует внедрению в России ювенальных технологий.

Мы убеждены, что обеспечение защиты детей в России возможно только путем воздействия на причину, а не на следствия семейного неблагополучия, при обязательном устранении волюнтаристского вмешательства чиновников в семью. Мы уверены в том, что при продолжении нынешней политики в области семьи и детства неминуем разрыв культурной и моральной связи между поколениями, что приведет к ослаблению государства. Недавние митинги несистемной оппозиции показали, что враги России уже всю используют подростков для «раскачки» и дестабилизации социально-политической ситуации в стране.

Подчеркивая недопустимость использования детей в качестве орудия для достижения чьих-либо целей, мы указываем главную причину активного участия детей в дестабилизирующих страну мероприятиях. Это — изменения в системе образования и воспитания, ведущие к формированию бездумного члена общества, которым легко манипулировать. В отличие от советской системы образования и воспитания, направленной как на освоение накопленного человечеством знаний, так и на достижение высоких нравственных ориентиров и способности детей к дружескому общению и эффективной коллективной деятельности, нынешняя система стремится создать «атомарного» человека,

озабоченного лишь выгодой и собственными интересами.

Перевод системы образования на так называемый личностно-ориентированный подход приводит к ущербности знаний и резкому сужению мировоззренческого кругозора, что ограничивает возможности подростков адекватно реагировать на происходящие события. Процесс воспитания детей в школах осложняется подменой педагогического коллектива школьными психологами и медиаторами. Воспитанию детей вне школы препятствует перестроенная библиотека, суживающая область интеллектуального досуга детей и отчуждающая их от культуры. Существенная часть телеиндустрии пропагандирует (то есть фактически предьявляет как новые нормы) образцы глубоко аморального и антикультурного поведения как условия «престижного» потребления, что не может не формировать у многих детей и подростков «внеморальные» варианты выбора жизненных целей.

Заявляя о своей патриотической позиции, мы вынуждены признать, что текущая ситуация в стране вкупе с международной обстановкой создает смертельную опасность для существования Российской Федерации как целого. Очевидная ориентация значительной части отечественной элиты на Запад как образец препятствует адекватному реагированию на вызовы, стоящие перед Россией. Мы убеждены, что при сохранении нынешнего курса Россия как независимое государство перестанет существовать либо через прямую капитуляцию, либо через гибель в войне, ибо отказ от капитуляции без изменения направления движения страны делает неизбежной «горячую» войну.

И наконец, мы не можем не задаваться вопросом о том, будет ли в новых условиях противостояние прозападной бюрократии и президента разворачиваться только в узкой, хотя и важнейшей, семейной сфере. Или же оно при дальнейшей неминуемой эскалации обострения отношений России и Запада приобретет наиширочайший характер, превращаясь постепенно из саботажа в мятежничество.

В этом высокочувствительном случае только оформление разумного и просвещенного самостояния России, основанного на четко сформулированном отличии между российской и западной идентичностью и особенно между нынешней Россией и формирующимся у нас на глазах новым антигуманистическим Западом, может придать тем самым России от мятежей и смут, порождаемых действиями прозападных внутрисистемных сил, сделавших свой выбор и отказавшихся в условиях новой напряженности от служения России во имя служения Западу.

Мы, участники съезда «Грозная катастрофа и как с ней бороться», будучи обеспокоены судьбой нашей общей Родины и понимая смертельную опасность промедления в изменении курса, считаем необходимым заявить следующее.

1. Обращаясь к президенту, Правительству Российской Федерации, Государственной думе и Совету Федерации, мы настаиваем на необходимости принятия следующих мер:

1.1. В сфере глобального стратегического целеполагания:

Первое — выразить от лица России глубокую обеспокоенность теми трансформациями, которые осуществляет Запад. Убедительно показать, что новый Запад,

III СЪЕЗД РВС

по сути, перерождается, посягая на собственные прежние идеалы. Что он возводит в новый антигуманистический культ:

- безудержное потребление;
- крайние формы эгоизма и индивидуализма;
- воинствующий имморализм.

Что он, разрывая эстафету поколений, формирует:

- культ жестокости и насилия;
- культ отказа от всех заповедей мировых религий, сформировавших облик классической гуманистической культуры;
- культ гедонизма, чреватый глубоким и необратимым моральным разложением отдельных личностей и человеческих сообществ;
- культ крайнего нравственного релятивизма, стирающего грани между добром и злом.

Второе — заявить от лица России о недопустимости разрушения национальных государств и посягательства на национальные суверенитеты. Призвать к возвращению в русло межгосударственных отношений, выстрадавших в огне мировых войн и возводящих в высший принцип право каждого народа на самостоятельное определение своей исторической судьбы, формы политического устройства своего общества.

Третье — выразить крайнюю обеспокоенность превращением демократии как очень важного инструмента, используемого народами для утверждения своих целеполаганий, в нечто окончательное и самозначимое. Народы имеют право на демократическое или иное устройство. Высшим принципом для человечества является не демократия, а гуманизм и развитие. Любая подмена этих принципов чем-либо другим является посягательством на главное и неотъемлемое право человека и человеческих обществ — право на восхождение.

Четвертое — выразить крайнюю обеспокоенность фактическим крахом международного права, фактической подменой этого права архаическим принципом, согласно которому кто силен, тот и прав.

Пятое — настаивать на возвращении принципа презумпции невиновности во всем, что касается международных отношений. Заявить о неприемлемости

подмены авторитетных международных расследований бездоказательным клеветническим пиаром, осуществляемым глобальными СМИ нового образца. Заявить о неприемлемости таких антигуманных идей, как идея постчеловека, постправды, постгуманизма, конца истории. Заявить о том, что поддержка этих идей с их переносом в международную практику, с их превращением в новый как бы постидеологический идеологизм является прологом к новому фашизму.

Шестое — заявить о категорической неприемлемости любых оправданий исторического нацизма и фашизма, о категорической неприемлемости приравнивания коммунизма и сталинизма к нацизму, о категорической неприемлемости переписывания истории. Твердо заявить, что народы России определяли и будут определять свой путь на основе уважения к своей истории, отказа от демонизации ее отдельных периодов, понимания единства своей исторической судьбы, своего исторического своеобразия, своего исторического уникального места в симфонии народов и государств.

Седьмое — обратиться ко всем народам и государствам, ко всем людям доброй воли с призывом к сопротивлению всем тенденциям расчеловечивания человека, всем тенденциям построения многоэтажного человечества, основанного на отрицании единства рода человеческого и потому неизбежно приводящим к возрождению фашизма.

Восьмое — призвать к объединению всех здоровых сил на основе того отказа от архаизации и дегуманизации, который олицетворяется здоровым гуманистическим консервативным мировоззрением, чуждым косности и считающим высшей ценностью гуманистическое развитие человека и человечества. Заявить о необходимости создания союза левых и консерваторов ради отстаивания гуманизма от посягательств сил, говорящих о конце истории, о постчеловеке, сил ратующих за архаизацию и регресс на мировой периферии, сил, пытающихся привести в мир новый фашизм.

1.2. В сфере семейной политики:

Первое — пресечь тенденции навязывания российским политикам и чиновникам западных технологий в области семьи и детства, удалить из органов власти сторонников и проводников этих западных технологий.

Второе — приравнять все организации, занимающиеся деятельностью в области социальной поддержки и защиты граждан, защиты материнства и детства, получающие средства из-за рубежа, а также выполняющие совместные программы с иностранными и международными организациями, к иностранным агентам, поскольку их деятельность в этой сфере имеет политические цели.

Третье — внести в Закон ФЗ № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в РФ» изменения, исключающие навязывание услуг населению «социально ориентированными» НКО.

Четвертое — законодательно закрепить презумпцию добросовестности родителей, установив, что действия и решения родителей в отношении детей признаются добросовестными и совершаемыми в интересах ребенка, пока обратное не было доказано и подтверждено судом.

Пятое — установить уголовную ответственность за незаконное вмешательство в семью.

Шестое — признать главным содержанием государственной семейной политики не контроль над семьями, а поддержку родной семьи — материальным и нематериальным стимулированием, созданием здоровой социальной и информационной среды.

Седьмое — ориентировать семейную политику на сокращение и скорейшую ликвидацию «платного родительства» как формы устройства сирот.

Восьмое — провести ревизию подзаконных актов, расширяющих полномочия госслужащих для вмешательства в семью, и отменить подобные акты. В частности, отменить московский «Регламент межведомственного взаимодействия по выявлению семейного неблагополучия, организации работы с неблагополучными семьями, находящимися в социально опасном положении (трудной жизненной ситуации)», действующий с 1 января 2011 г., а также аналогичные регламенты в других регионах.

Девятое — законодательно закрепить право родителей на выбор мер воспитательного характера, не причиняющих вреда здоровью детей.

Десятое — во избежание конфликта интересов отстранить органы опеки и попечительства от любой работы с неопекуемыми семьями, включая отбирание детей.

Одиннадцатое — прекратить «межведомственное взаимодействие по выявлению неблагополучия» и продумать систему

показателей работы каждого из ведомств, действующих в сфере семейных отношений, стимулирующую их взаимный контроль и отсутствие посторонних интересов.

Двенадцатое — законодательно запретить введение так называемых бэби-боксов для «цивилизованного» выбрасывания детей;

Тринадцатое — прекратить деятельность в Российской Федерации ювенальных судов, работающих в пилотных регионах, как неконституционных органов судебной власти.

Четырнадцатое — восстановить процедуры принудительного лечения от алкоголизма и наркомании по решению суда для родителей и членов семьи, находящихся в социально опасном положении.

1.3. В сфере образования:

Первое — восстановить уникальную отечественную систему специального (коррекционного) образования, в том числе систему специализированных образовательных учреждений, обеспечивающую обучающимся, воспитанникам с отклонениями в развитии обучение, воспитание, лечение и способствующую их социальной адаптации и интеграции в общество.

Второе — принять меры по разработке учебников на основе советских методик, являющихся доработанными традиционными для России классическими методиками обучения, и обеспечить школам возможность выбирать эти учебники при формировании образовательных программ.

Третье — прекратить оптимизацию библиотек и их реформирование в направлении превращения в развлекательные центры.

Четвертое — остановить подмену педагогов школьными психологами и медиаторами, перевести акцент в правовом просвещении детей с изучения их прав на изучение их обязанностей.

Пятое — законодательно запретить участие несовершеннолетних без сопровождения взрослых в массовых уличных мероприятиях.

1.4. По всем перечисленным изменениям российской политики в сфере семейного законодательства и образования РВС готово внести конкретные законодательные предложения.

2. С целью внести вклад в изменение семейной политики и системы образования России со стороны гражданского общества наметим следующие задачи по деятельности РВС:

2.1. Представить президенту альтернативный доклад по анализу практики изъятия детей из семьи и избыточного и неправомерного вмешательства в семью со стороны органов опеки и попечительства;

2.2. Продолжить работу по текущим проектам РВС (проект «Шаги истории», проект переработки советских учебников для приведения их в соответствие с современными реалиями, и др.);

2.3. Продолжить участие экспертов РВС в круглых столах и конференциях разного уровня по разработке и обсуждению законодательных инициатив и анализу процессов в сфере семейной политики и образования России;

2.4. Усилить действия по информированию общества об опасности бездумного копирования западных технологий в сфере семьи, образования и культуры для социально-политической устойчивости и государственной целостности Российской Федерации.

Единогласно принято на III съезде РВС, прошедшем в Москве 15 апреля 2017 года.

III СЪЕЗД РВС

Выйти из бесчестия и защитить страну!

Заключительная речь Сергея Кургиняна

Теперь я хочу начать говорить о чем-то, что происходит. Прежде всего, я никогда не собирал бы этот съезд и не призывал бы его собирать, если бы не было ощущения, что всё приближается к ситуации, в которой вполне может быть, что всё, что вы сейчас видите в этом ролике, вы увидите в натуре. Я не говорю, что так будет. Я говорю, что это может быть. И вероятность этого сейчас гораздо выше, чем была в 2011–2012 году. Почему?

Существующая политическая система, с которой вы имеете дело, состоит из двух фаз. Как мои две руки. Это какой-то патриотический сегмент, без наличия которого мы бы никогда не смогли останавливать эти ювенальные законы и всё прочее, потому что, в конечном итоге, мы же видим, что эти законы останавливает президент Путин. Лично. Но мы же видим, что их проводят и что это — две части единой системы.

Я могу называть или не называть фамилии. Проводит конкретно ювенальную политику вице-премьер Голодец или ее проводят несколько человек вместе — это не имеет никакого значения. Главное, что ее проводит вместе большое прозападное лобби. Но это же лобби в правительстве Путина, правильно? Значит, эта двухфазность существования системы — подарок нам от 90-х, от всего, чего хотите. Система скорректирована, возникла эта новая патриотическая составляющая, но эта-то, старая, никуда не ушла. И она гораздо мощнее, потому что до сих пор не сказано главное: либо какой-нибудь ЮНИСЕФ — это преступная организация, находящаяся под крышей ЦРУ (а это так, все знают, что ЮНИСЕФ — это дочерняя структура ЦРУ и таких структур, как ЦРУ; в Советском Союзе сказали бы, что это преступное ответвление нашего врага ЦРУ), либо это замечательная просвещенная структура, которая несет свет подлинного западного знания в малопроевещенные российские слои. Который надо принимать и заглаживать. Ну скажите: либо-либо. Если это враг, ЦРУ и всё прочее, и этот враг, приспешник, сеет у нас деструкцию, — скажите это. Но сказавши «А», скажите «Б»: что это надо подавить. Либо вы говорите, что этот ЮНИСЕФ — это благое, великое послание замечательного западного мира, которое надо освоить. И тогда все это должны хавать. Но делается-то нечто промежуточное.

И тогда получается, что какая-нибудь Егорова — она чем хороша? Она тем хороша, что она есть проводник воли ЮНИСЕФ в России. Правильно? Так эта воля благая? Но у нас американский враг, который нас хочет замочить и которому мы должны дать отпор. Но он же — наш друг и союзник, с которым мы вступаем в диалог и всё время надеемся, что этот диалог будет. Он же — угрожает ядерной войной. Это сумасшедший дом, понимаете? Мы все — заложники этого сумасшедшего дома. А сумасшедший дом — это не что-нибудь, это политическая система.

Это двухфазная политическая система, двугорбая. Где рядом с каждым представителем патриотизма находится пара кор-

рупционеров и три-четыре западных экстазника, которые тоже находятся в этой системе. Вместе! И вот она работает как это единое целое. Это само по себе шизофрения. Наличие вот этого патриотического слагаемого позволяет время от времени что-то проводить и осуществлять отпор. Но наличие другого слагаемого заключается в том, что после каждого такого отпора будет новое наступление. Это неизбежно, пока система двухфазна.

Что произошло в последнее время? Произошло резкое обострение отношений с Западом. Благодаря действиям нового руководителя США, который произвел особенное впечатление своими рассуждениями про то, как он ел шоколадный торт, очень вкусный, упоительно вкусный, как никогда, — в момент, когда он сообщил Си Цзиньпину о нанесении ракетного удара по Сирии. Это уже Нерон, Калигула. Это поздний Рим, сочетающий в себе бесконечную жестокость с полусумасшедшим сладострастием старичка, кушающего торт. Это — смертельно опасная вещь. Я не говорю об очевидном влиянии Терезы Мэй, которая говорит, что с русскими можно говорить только языком силы.

Всё это происходит на фоне саудитского и катарского безумия на Ближнем Востоке. Ничего более сумасшедшего, чем тезис господ Нетаньяху и Либермана по поводу того, что у нас будет новое НАТО на Ближнем Востоке, в которое войдут саудиты, Катар и все прочие, я никогда в жизни не слышал. Я всегда понимал, что люди обладают ограниченным интеллектом, но тут вспоминается мне уже какая-то детская сказка: «Побежала мышка-мать, стала кошку в няньки звать: «Приходи к нам, тетя кошка, нашу детку покачать». Саудовско-катарское и прочее «нато» — это даже не Левант в этом Израиле, это просто уничтожение. Но они же с пузырями сладостными говорят: «О боже, какое счастье нам подвалит! Нам подвалит суннитский радикализм, который,

конечно же, нас полюбит и будет сдирать с нас кожу не справа налево, а слева направо».

Мир входит в стадию безумия. И это безумие своим острием, конечно, имеет все большее и большее давление на нас. И, конечно, главной фигурой в этом давлении является президент Путин. Я мог бы привести сто примеров, мне просто жалко времени. Там уже такая ненависть, дальше которой быть не может.

Последняя надежда была на Трампа, которому помогли, ну что греха таить. И уже представители нашей прозападно-патриотической элиты говорили, что они готовы с флагами американскими выбегать на улицы Москвы — пришел сам Трамп! Трамп нес какую-то околесицу, его взяли за белы ручки и повели туда, куда хотят. И ведут его четко в направлении, которое представляет еще большую угрозу, чем Обама. Это такой ковбой, решивший, что он оборзел и всем будет страшно. Конечно, и мне страшно.

Мне страшно, когда террористы захватывают детей. Потому что ты там начнешь танки посылать, а они их успеют убить. Правильно, да? Значит, нужно каким-то способом это все выводить в новый формат, новый рельеф.

У него много песен, он хочет лезть в Северную Корею? Там очень хорошо укоренилась Китайская Народная Республика, которая считает, что это ее, так сказать, территория. Не буду говорить более жестко. Пусть он там чуть-чуть пошалит и увидит, как быстро китайцы от улыбок переходят в совсем другое состояние. Пусть он пошалит в Иране, где-то еще. Мы должны избежать вот этого прямого лобового столкновения. Но оно каждый день может начаться. Каждый день. В том числе и на Украине, куда активно просовывают всё новые и новые американские подразделения 45-й бригады Национальной гвардии США, в которой больше всего специалистов по русскому языку. Это уже

давно готовилось — и в 2011-м, и в 2012-м, и теперь это снова инфильтруется в Донбассе.

Мы не знаем, что и когда состоится. Накал стал таким, которым не был никогда, включая Карибский кризис. Потому что в Карибском кризисе была определенность советской системы. А тут есть провоцирующая слабость, двусмысленность.

Возник теракт. Кто именно делал в Ленинграде теракт — отдельный вопрос, и ясно, что не истина в последней инстанции была произнесена. Но что же началось? «Боже, нам принесли соболезнования — значит, нас любят! Значит, мы можем мириться! Значит, мы сейчас обнимем-ся опять!» И так каждую минуту.

Когда в 2011–2012 году мы дали отпор оранжевой сволочи тогдашней «болотной», то, конечно, система еще работала. Она была двойная: западная и патриотическая. И поскольку она работала, то нужно было включить какие-то механизмы, которые эта система, испугавшись и замерев в параличе или по другим причинам, — выключила. И что-то там заработало.

Как только оно заработало, естественно, надо было отойти как можно дальше в сторону. Потому что когда работает система из этих двух фаз, что ловить-то?

И тут я очень прошу понять, казалось бы, совсем простую мою мысль, которая не является простой. Совсем не является. Смотрите. Вот это — наша патриотическая оппозиция, вот это — система, а вот это — Навальный. Вот если система вас вовлечет в себя, то вам конец. Понимаете? Вы посмотрите на практические примеры. Состоялась Поклонная гора. Ну, казалось бы, куда лучше? Всё сделали. Причем заметьте, что первая же фраза, которую я сказал, когда открывал митинг: «Я — противник политики Путина». Если бы я эту фразу не сказал, это был бы уже слив. Понятно, да? Уверю вас, что она далась совсем недешево с точки зрения издержек. Но она была абсолютно необходима. Что они делают через несколько дней? Они говорят: идите все в Лужники, просто на Путина. Зачем? А для того, чтобы всё слить. Понимаете? И обесточить патриотический очаг, который может воевать с либероидами. Он не может воевать, не занимая свою независимую, отдельную позицию.

Дальше — Колонный зал. Собрали всех (а могли никого не собирать, могли сами только сесть). Собрали всех: всю патриотическую общественность антиювенальную, такую, другую, пятую, десятую. Пришел Президент. Он же не только пришел. Он сказал, что ювенальной юстиции не будет. И он, извините, дал распоряжение. Он ушел не без письменного документа. Понимаете? И не было бы этого документа, тут уже всё было бы в такой ювеналке, какой им не снилось в какой-нибудь Бельгии, Голландии. Еще бы было круче: помноженное на нашу криминальность. Всё, казалось бы. Нет! Они организуют какое-то идиотское шествие самого низкого уровня с отдельными депутатами. И в это шествие опять вас надо вливать. И они уже орут, что это шествие организу-

III СЪЕЗД РВС

ет Кургинян. Я говорю: «Меня там не будет». Они орут: «Это Кургинян!» Я говорю: «Меня там не будет, «Суть времени» там не будет». — «Это Кургинян!» Потом: «Э, его нет!» Что это значит? Что опять вопрос заключается в том, чтобы загнать всех в одно место. Это главная задача — снять размежевание. Потому что только с независимой позиции, борясь с ювенальной бюрократией и всем прочим, вы можете иметь позиции в обществе. Как только вы это сольете, вам конец — вас не будет на следующий день.

Всё время слышим: «А давайте соберемся вместе, а давайте, когда мы соберемся вместе, все скажем, как мы любим власть. Желательно, чтобы вот так сказали: любим-любим». А кто за несколько лет продвинул эту ювенальную юстицию вперед? Кто создает эту кретиническую систему образования? Кто разрушает сознание людей? Кто создает эту постоянную идеологическую двусмысленность? Кто клеветает один за другим за огромные деньги эти idiotские сериалы, разрушающие народное сознание? Кто всё это делает? Оно само делается что ли? И образовательная реформа сама делается? И вот эти все очередные и очередные безобразия? Откинул ювеналку — она снова лезет. Ее выкинул в дверь — она в окно. Это кто делает? Это делает вот эта часть системы. И мы это терпели. Потому что это — система, потому что было понятно, что на следующий день после того, как ты отбил эту оранжевую сволочь, надо отойти. Всё!

Говорят: «Это кремлевская сила, которая что-то получила». Что я получил? Я уже и не хотел этой программы со Сванидзе, но было совершенно ясно, что за Поклонную гору я получил одно — не стало программы со Сванидзе. Правильно? Еще-то что?

Значит, совершенно ясно, что стратегия системы всё время такая. Но одно дело — услышьте меня! — это стратегия в ситуации, когда система работает. А теперь смотрите: вот сюда, на этот шов начинается давление в сто раз больше обычного. Вот если у вас стоит стол, и этот стол есть система, то вы можете за ним сидеть и даже облокотиться локтями. А может кто-то из вас, лихой мужчина, вскочить и начать на нем плясать — стол выдержит. Но вы не можете поставить на этот стол танк Т-34, правильно? У каждой системы есть ее предельная нагрузка. Чтобы поставить танк Т-34, нужно туда гранит подложить, правильно? Существующая система была рассчитана либо на любовь Запада, либо на средние нагрузки конфликта. Теперь нагрузки стали запредельными. Значит, велика вероятность, что это приведет к тому, что эта система в решающий момент окажется парализована.

Что такое эта навалыня на улице? Это кто сделал? Откуда у него люди? У него нет этих людей. Вот этот новосибирский крик — это Навальный? А во Владивостоке, где стояли братки с цепями, — это тоже Навальный? Значит, кто-то их уже вывел? Если их вывели, значит, еще будут выводить.

Это главная ставка Соединенных Штатов Америки — на то, чтобы оказать здесь предельное давление с помощью оранжевой революции. Увеличить санкции, сделать всё остальное. Значит, на систему ложится другая нагрузка. И в этот момент система либо затреплет по швам, либо будет парализована, либо начнет работать против. Против кого? — против Путина. А что ей делать? Если западная компонента является наиболее мощной и если она окончательно осознает, что Путин является препятствием на пути шашней с Западом, то она будет работать против него. Она не хочет, она боится. Но это пока она не осознала до конца, что либо он, либо ее шашни на Западе. А когда она это осознает, она будет либо отпадать, либо разбегаться — как швыряли последнему генсеку ЦК КПСС после Вильнюса удо-

стоверения в лицо, либо делать что-то еще. И мы рядом с этим моментом. А это будет означать, если она перестанет работать, если просто перестанет работать, что гражданский отпор Навальным и другим нужно будет давать в ситуации, когда у нее, у этой системы, паралич. А у ее западной части — страстное желание поддержать Навального. Все патриотические части системы должны понять, что в момент, когда оранжевые победят, прозападные части найдут себе место в новой ситуации. Может, они и будут наверху. Кто такой Порошенко? Это — часть предыдущей системы. А вот эти консервативные патриотические части будут либо отброшены на помойку, либо будут висеть на деревьях. И в этом острота текущего момента.

Значит, если эта острота такова, то приходится сейчас говорить о том, что мы можем сделать в ближайшие месяцы. Мы можем разорвать этот шов, оформить этот разрыв, убрать или хотя бы отодвинуть эту прозападную компоненту. Они пугают нас тем, что эти навалыня против коррупции. А мы что, за коррупцию? Мы требуем: первое — выхода из моратория на применение смертной казни. Второе — включения в новые законы смертной казни за особо тяжкие коррупционные преступления высшей власти. Смысл в том, что подрывающие государственную безопасность коррупционные преступления высшей власти — это расстрельная статья, и иначе коррупцию не подавить. Третье — мы требуем при сборе 300, 400 или более тысяч подписей за разбирательство какого-то коррупционного дела наверху публично, телевизионно, для всего народа разбирательства этого дела.

Кто тормозит обсуждение фильма «Димон»? Мы тормозим?! Мы боимся этого идиота Навального? Мы боимся этого шаржа, где в четыре звена, через заднее место кто-то продает ему [Медведеву] какие-то кроссовки с желтой окантовкой, дешевые, вдобавок, кроссовки, — это что за бред всё? Это что за бред людей, которые не знают, что есть ФСО, что Медведев — контролируемая фигура, что этой продажи быть не может. Что это за ахинея, рассчитанная на бабушку Маню? Что кто-то может купить виноградники в Тоскане, когда эти виноградники убыточны по всей Европе, какой идиот из новорусских коррупционеров будет покупать виноградники? Он будет покупать финансовые активы, он будет покупать нефть. Он будет покупать что угодно, но не активы, которые уже — пассивы. Мы что, не можем это разобрать? Но если в результате такого разбирательства будет выяснено, что это клевета — несколько лет реальной отсидки за клевету. Немедленно передача в суд. Если признано другое, то соответствующие законные меры по отношению к коррупционеру, на каком бы верху он ни находился. И я бы хотел, чтобы существующие у нас юристы оформили этот политический тезис нормальной законодательной инициативой. После оформления вполне можно начать собирать подписи за применение этой инициативы. И я хочу посмотреть, что тогда скажет эта оранжевая шваль под названием Навальный. Если вместо этого начнем ныть: «Не трогайте нашу власть, не трогайте нашу власть!» и обниматься с ней, мы — трупы политические, и мы откроем этой сволочи дверь для антиреволюции, для революции регресса, для колонизации России. Мы в этом случае совершим историческое преступление. И я верю, что мы его никогда не совершим.

Теперь по поводу Запада. Либо мы прямо говорим, что это — враг человечества, который воюет против гуманизма, против человечности, против традиции, против возвышающего будущего, против восхождения человека вообще. Что он превращается на глазах в монстра, что он мутировал, что он отрекся даже от своих идеалов, а наши идеалы не являются его идеалами.

Мы — другие. Либо мы говорим это и тогда, вооруженные этой концепцией, мы можем подавлять противника и информационно, и, в конце концов, на улицах, если он с этими фугасами или с коктейлями Молотова сунется, то будет огонь на поражение, а не нытье «Беркута», который [был] парализован властью боявшихся людей. В этом же всё было дело. Мы можем бороться и мы победим. А как только мы это сделаем, никакой враг сюда не сунется. Как бы они ни сошли с ума, они не настолько сошли с ума, чтобы это делать.

Если мы умные, мы можем перенаправить эту энергию куда-нибудь еще. Пусть они еще сто лет, как крестоносцы, воюют на южных направлениях, это — их проблема. Мы будем печалиться по этому поводу, мы будем скорбеть, мы будем помогать тем, кого они прессуют, но мы найдем способы спасти мир от ядерной войны, не потеряв лицо и не потеряв свой государственный суверенитет. Мы найдем эти способы. И мы найдем способы укрепить себя так, что никто сюда не сунется никогда. Но сначала надо разорвать эту связь, надо расшить ее. И в этом смысле времени осталось совсем немного.

Обращаясь к тем, кто больше меня заинтересован в том, чтобы эта связь была разорвана, я говорю: «Есть еще время, брат, но его не так много, как кто-то думает».

Следующая позиция. Вот Евтушенко. Казалось бы, мелочь, взяли, начали там [обсуждать]. Уже в зале, где я выступал и сказал: «Вы мне тут не говорите, что этот Евтушенко — великий поэт. Мы все знаем, что такие великие поэты». У меня историко-филологическая семья. Мы знаем, кто они. Причем тут «великий поэт»? А главное — что он всё предал. Он отказался от всех своих идеалов. Он растоптал этих своих большевиков и все прочее. И если он — символ эпохи, то надо честно сказать, что он символ эпохи дерьма. Иначе это сказать нельзя. Но приволочь этот символ внутрь и начать его заглаживать как свой символ — это могут только люди, которые не понимают, что такое метафизическое преступление.

Метафизическое преступление — это отречься от тех идеалов, за которые в Великую Отечественную войну умирал какой-нибудь лейтенант, крича «За Родину! За Сталина!» и прижимая к сердцу партбилет. Вот отречься от этого — это значит совершить метафизическое преступление. Потому что на алтарь Советского Союза и его величия и отстаивания Советского Союза и мира от фашистской чумы были положены миллионы и миллионы жизней. А их здесь нет? Они в этом зале не вместе с нами? Они отдельно — мы отдельно? Тогда нет собора, нет русского единства живых и мертвых, тогда мы предаем мертвых, а предав мертвых, мы предаем себя.

У моего отца были друзья-историки, чьи учителя переводили беседы Мао Цзэдуна с нашими руководителями. Когда Хрущев сказал Мао Цзэдуну: «Слушайте, мы тут сейчас осудим культ личности Сталина, вы тоже осудите, а мы вам больше дадим и зерна, и оружия, и техники всякой индустриальной», Мао Цзэдун сказал: «Нет, мы не будем». Хрущев: «Как не будем?! Младший брат не будет осуждать Сталина, если старший брат сказал, что надо?!» Он: «Не будем!» — «Почему?» Мао ответил: «Мы потеряем лицо». «Что потеряем, не понял?» — «Лицо потеряем. Китаец, потерявший лицо, это не человек. А потерявши лицо, мы потеряем власть». И дальше он сделал паузу и сказал: «И зачем нам нужна власть, если мы потеряли лицо?». Вот это — нормы китайской культуры. Если бы эти нормы существовали в России и в Советском Союзе, не было бы всего этого безумия.

Но, надо сказать, что на какое-то время потеряли лицо очень и очень многие. Так не о том, чтобы это сейчас осудить идет речь, а о том, чтобы люди признали это как свои ошибки. Невозможно повер-

нуть в новый курс, не признав ошибок. Я не знаю, какая страна мира может это делать. Это — чисто технологический вопрос. Утром вы признаете, что делали ошибки, вы каетесь или говорите: «Боже мой, я не думал, что это так!» и так далее, вечером начинается новый курс. Вечером признаете — утром начнете новый курс.

Как без этого признания можно что-то сделать? Что это вообще за жизнь после жизни? На сайте КПРФ устами одного из ее руководителей сейчас сказано, что мы — одна из лучших левых организаций, как они нас лобят. Они забыли всё, что они о нас говорили? Они забыли всю грязь, которую они на нас лили? Но мы же немного хотим. Мы хотим, чтобы сказали: мы лили грязь, мы ошибались, простите, пожалуйста, теперь мы обнаружили, что вы хорошие. Но они сначала лили грязь, теперь — льют мед. И у них нет даже в уме понимания, что от одного к другому надо как-то перейти. Это же нельзя сделать прямо, автоматически. Это технологически невозможно. Ну скажи три слова и дальше двигайся, куда хочешь.

Теперь о каких-то вещах, казалось бы, почти юморных, но имеющих достаточное большое значение. Естественно, что, как только мы говорим: «А мы не будем эту дистанцию превращать вот в такую, мы не идиоты. Мы — вон там. Мы ее находим оптимальной», — они от этого дико бешутся. Приходит ко мне какой-то офицер полиции, говорит: «А вот не ведет ли «Суть времени» незаконной финансово-хозяйственной деятельности?» А она не может ее вести: у нее нет ни юридического лица, ни всего прочего. Я говорю: «Слушай, я буду защищать твоего начальника (я имел в виду министра), а ты будешь ко мне ходить с этим дерьмом, с этими доносами?» Он говорит: «Ну, я же к Вам пришел, я же должен был Вас вызвать, а я к Вам пришел. Потому что я знаю, кто Вы такой, я же к Вам...» И так далее, дальше идут страдания. Что это всё означает на практике? Это значит, что они сошли с ума.

А отчего они сошли с ума — эта прозападная бюрократия и ее оранжевый двойник? Оттого, что вот здесь есть эта точка. Вот есть она в этом зале. Она собралась. Она небольшая, но она есть...

Самое смешное, сейчас говорят: «Какие-то плохие спектакли, их мало в театре». Это говорят те самые люди про те самые спектакли, которые они восхваляли. У них нет даже элементарного чувства, что если они вчера говорили, что это произведение высокого искусства, они сегодня не могут уже начать это хаять: они должны как-то развернуться. А почему они все это делают? Я вам объясню, какая огромная проблема за этим стоит.

Общество начинает расслаиваться на две части.

Первая часть. Поскольку один из режиссеров, приезжающих в Москву, продает свои билеты в партер за 45 тысяч рублей (на драматический спектакль), то у меня от этого всего возникает какое-то ощущение, что меня мутит. Просто мутит. Значит, это общество, с одной стороны, выходит на эти уровни, когда за 45 тысяч рублей в театр или в супермаркете посидеть подешевле, или что-то... Это такое потребительское гламурное общество. Можно гламурить и в глухой деревне, поставив себе особо хороший нужник. Это неважно как. А с другой стороны, они пытаются выстроить резервацию. Услышьте меня! — резервацию.

И определенная часть православного сообщества — прошу не путать с православным сообществом в целом — вот с этими своими платочками, причитаниями и прочим, оно работает на руку этой резервации. Но если сойдутся две группы: гламурная и резервационная, и еще переплетутся, то настоящего общества — нет. Россия проиграна.

III СЪЕЗД РВС

Окончание. Начало — на стр. 30–31

Значит, ваша высшая культурная, мировоззренческая задача — остановить это схлопывание с двух сторон. И защитить в России современность, интеллект, дух, благородство, честь. Потому что, если сказать, что человек, который предал своих героев, — это символ эпохи, то это значит, что он символ эпохи бесчестия, то есть эпохи отсутствия лица. А если нет чести, не будет ни войны победной, ничего. Нельзя, потеряв честь, неважно дворянскую или рабочую, дальше защищать Родину. Сначала честь, потом Родина. Или, точнее, одновременно. Одно без другого не существует. Надо выйти из бесчестия и защитить страну. Это двуединая задача.

Дальше возникает следующий вопрос. Тут все стихотворения всякие печатают на тему «Стрекоза и муравей» — мол, стрекоза победила муравья, а Крылов был идиотом. Крылов не был идиотом, Крылов был аристократом своей эпохи, и это была эпоха русского гламура, но он знал, что говорит. Потому что человек, который трудится, всегда будет побеждать бездельника. Вам пытаются посадить на шею бездельников и внушить вашим детям, что они должны быть бездельниками. А человек, который по-настоящему трудится, всегда сильнее бездельника. У муравья, простите, кроме всего прочего, когда он тащит бревно, у него мускулы становятся сильнее. А эти стрекозы — они ничего не могут. И кончается это тем, чем кончилось в Великую французскую революцию, где плясала стрекоза под названием Мария-Антуанетта, а кончилось это тем, что вы все знаете.

Значит, вопрос о труде встает сейчас тоже очень сильно. Но для того, чтобы трудиться и становиться в этом смысле сильнее, уже мало сейчас просто трудиться. Надо строить храм. Кто и как строит храм? Нельзя строить вертеп в процессе труда и быть сильным и честным от этого. Надо менять всё это.

Однажды, в тех войсках, которые существуют, но про которые говорится, что их нет, поскольку мы якобы в космосе не работаем военным образом... ну, естественно, не будь дураками, и мы работаем и они... я в 92-м или 93-м году читал какую-то лекцию, и всё не понимают и не понимают. Потом я спросил молодого генерала: «А вы точно решили, что вы будете воспитывать вашего сына честным человеком, твердо зная, что при этом он станет аутсайдером в этом обществе?» И генерал заплакал.

Вы говорите «руки прочь от наших детей». А вы четко уверены, что это будут ваши дети в полном смысле этого слова? Что проблема не стоит ребром так, что они вполне могут быть уже не ваши, а совсем даже чужие. Для того чтобы они были ваши, нужны чрезвычайные усилия. Это усилие заключается в том, кем должны быть люди, собравшиеся в этом зале. В нормальной ситуации я бы хотел увидеть, что здесь собрались будущие кинематографисты, будущие поэты, будущие деятели культуры, будущие политические журналисты, будущие строители новой настоящей национальной интеллигенции. Я хотел бы видеть здесь не депутатов или маргиналов, а представителей этой интеллигенции, соединенных вместе, создающих новую ткань новой России.

Но вполне может быть, что ближайшие месяцы или недели, я не уверен, что это так, но может быть, они потребуют

от вас всё больше и больше. И каждый из вас не должен всё время себе говорить: «А что мы можем? Мы же малосильные люди». Никто, кроме вас, вот такой зал, не ангажированный и не согнанный, не соберет. Вот так, как вы его собрали. Сегодня этого достаточно. Завтра этого будет мало. И каждый, кто сегодня пожалеет свои усилия и не переведет эти усилия в чрезвычайное состояние, каждый завтра будет скорбеть о том, что у него был шанс спасти Россию, а он этот шанс проморгал.

И не будет оправдания в том, что «мы не такие сильные», «не умеем так говорить», или «у нас были жизненные обстоятельства». Перед лицом вызова существованию России не может быть жизненных обстоятельств. Ибо если ее не будет, все жизненные обстоятельства будут слишком трагичны. И все частные успехи будут низведены к нулю. Дело не в том, что они не нужны. Они нужны. Но они сразу станут нулем, если Россия погибнет. Поэтому даже ради того, чтобы отстоять благополучие детей, даже для того, чтобы отстоять собственное движение по той траектории, по которой ты хочешь, тебе нужна Россия. Иначе это невозможно. А Россия находится на грани бытия и небытия.

Отсюда вытекают следующие приоритеты на этом апрельском этапе:

Первое. Союз с патриотической частью бюрократии необходим, но без «цап-царапа». Без этого «цап-царапа», который я описал. Это трудно, но нужно. Он с вами строит диалог? Он действительно патриот? Он обеспокоен? Супер! Отлично! Но если он вам говорит: «Скажи «мяу-мяу», «Иди ко мне», «Будь помягче». Фигу тебе, помягче! Это ты иди ко мне! И мы договоримся, что надо делать. А в противном случае — это «цап-царап», который приведет к тому, что организация рухнет. Союз с дееспособными организациями патриотическими необходим, но с оглядкой на этот же «цап-царап» и на их дергания. К сожалению, мы присутствуем в ситуации, когда:

1) слишком мало организаций, которые могут сделать хотя бы то, что мы. Вот

есть 10 организаций в России патриотических, самостоятельных, каждая из которых соберет такой съезд, — да я был бы счастлив! Я постоянно счастлив от того, чтобы быть с другими! Я, между прочим, человек очень компанейский. Другие в геофизике не выживали, на полевых работах. Да и в горячих точках тоже. Но их нет! Я же не виноват, что их нет! Это первое! И

2) то, что есть, безумно управляемо а) вот этой бюрократией и б) своей собственной дурью. А когда вы в критической ситуации, непонятно, каким образом соединитесь, а соединиться надо, чтобы увеличить силу. Зачем соединяться, чтобы не увеличить? А они в решающий момент либо вас волокут не туда, либо разрушают любые союзы — это то, что надо внимательно мониторить.

Второе. Высока вероятность того, что в новых условиях нам придется очень быстро и очень сильно разворачиваться. И у меня есть для вас один рецепт: не хныкать, не жаловаться по поводу того, что «небоскребы, небоскребы, а я маленький такой». А раскрепостить свои внутренние силы так, как русский человек раскрепощает их, когда из бодяги и гламура он переходит в эпоху с запахом настоящей беды. И он тогда становится другим. Почувствуйте этот запах — и все получится!

Третье. Мониторинг ситуации абсолютно необходим. В каждом регионе надо видеть, что это за «навальниана», что она собой представляет, что это за оранджойды? Да? Кто умнее и точнее видит картину, тот ударит в ее слабую точку и победит. Побеждает не грубая сила, не мышцы этого бугая, который стоял спиной [выступающего на митингах 26 марта]. Если довольно сильно стукнуть в две или три точки его тела, то бугай будет лежать. Как учил меня мой учитель по самбо Анатолий Аркадьевич Харлампиев, если ты правильно работаешь, то чем тяжелее и больше твой партнер, тем больше он падает. Поэтому дело не в том, чтобы мониторить ради философии, а мониторьте

так, как люди, которым придется работать. Но вы должны видеть ситуацию. Видеть ее, открыть глаза.

Дальше. Выход на улицу возможен, но с оговорками. А в чем, собственно, дело? Если система работает, то пусть она и работает. Есть те, кому это положено делать, люди, которым это положено делать, делают свое дело, пусть они его делают. Но уж если выходить, то выходить, во-первых, никоим образом не влезая в подставу, в которой будет сказано: те хулиганы и вы хулиганы. Извините, так не будет! Знаете у Галича была песня: «Нет, любезный, так не выйдет, так не будет, дорогой».

И еще: с такими лозунгами, которые будут народно-победительными, а не идиотски-охранительными. Только тогда можно идти к людям. В противном случае мы попадаем в предельно идиотскую ситуацию.

И наконец, последнее: наша единственная надежда заключается в том, что действительно будет принято наше предложение о корректном, мягком и прочем переходе к перестройке системы. К антиперестройке, понимаете? К возвращению этой системы к ее собственному естеству, при котором западный сегмент, ну, скажем так, тихо-тихо отойдет. Мы — люди не злобные. Мы даже можем сказать: а мы будем скучать. Вы там, в Ницце или где-нибудь в Италии, в Тоскане... Так сказать, «что делать будем, что делать будем — завидовать будем»... Мы завидовать будем, но останемся без вас. Вот тогда вы нас оставьте без себя, и мы спокойно, понемножку, по-русски будем вылезать из той задницы, в которую вы нас засунули. Но делать это так, чтобы вы непрерывно подыгрывали оранжевым мерзавцам, а мы видим, как вы подыгрываете и как вы подыгрывали в 2011–2012 годах, мы помним, — это прошедший этап процесса! Всё! Новая ситуация! Новые приоритеты!

Новые угрозы! Новое отчаяние, если хотите, от того, что так мало всего и так силен враг! И новое мужество от того же самого, потому что мало, враг силен, а надо победить и нельзя не победить. Другой возможности у нас нет! Мы себе этого не простим, дети нам не простят, мертвые не простят. А значит, победить надо!

Кто за эту, сформулированную мной резолюцию, которая одновременно с этим является и резолюцией холодной войны 2.0, и резолюцией размежевания, и резолюцией патриотического союза, и выражением готовности взаимодействовать с теми патриотическими силами во власти, которые готовы это делать по-настоящему? Кто за эту резолюцию, прошу поднять мандаты! Кто против? Кто воздержался?

Третий съезд РВС принял эту мобилизационную резолюцию 100% голосов.

Мертвые всегда рядом. А в Страстную субботу — в особенности. Почувствуйте единство с этими мертвыми, по-настоящему. И тогда вы вдруг поймете, что вас здесь не тысяча с лишним людей, а вас здесь — миллионы. И ваших предков, которые пролили кровь за Отечество, и тех, кого вы даже не знаете, и кто сейчас смотрит на вас в эту Страстную субботу и верит, что вы будете выводить страну из ада, вы, а не кто-то другой. Не потому, что так надо, чтобы вы, а потому что некому — в гражданском смысле этого слова.

Газета «Суть времени» зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-50554 от 9 июля 2012 года

Учредитель: Кургинян С. Е.

Издатель: МОФ «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургиняна), Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1-2, г. Москва, Россия, 123001

Главный редактор: С. Е. Кургинян
Адрес редакции:
Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1-2, г. Москва, Россия, 123001
Тел. редакции: (495) 691-50-03
Отпечатано в филиале ОАО «ПФОП» «Волоколамская типография», ул. Парковая, д. 9, г. Волоколамск, Московская обл., 143600

Заказ № 1595
№ 224-225 (224-225) от 19.04.2017
Время подписания в печать:
по графику — 10:00,
фактическое — 10:00
Тираж 8 000, цена свободная

ISSN 2500-0330
1 7 1 3 4
9 772500 033000